Мария-Луиза фон Франц

КОСМОГОНИЧЕСКИЕ МИФЫ

Серия «Суверенное Юнгианство»

Мария-Луиза фон Франц

КОСМОГОНИЧЕСКИЕ МИФЫ

Москва
2012

Castalia

Проект Касталия — уникальный проект, объединяющий представителей самых разных мировоззрений, начиная от язычества и заканчивая гностическими и герметическими традициями. Три объединяющих принципа Касталии — это Юнгианство, Оккультизм и Нонконформизм. Быть Юнгианцем — значит иметь мужество к познанию своих самых потаенных глубин. Быть Оккультистом — значит искать того что раз и навсегда пресуществит твой дух в тигле трансмутации, быть нонконформистом — это значит просто быть собой, вне следования каким либо нормам или обычаям. Наш проект имеет множество граней. Это и ежемесячно обновляемый эксклюзивными переводами сайт www.castalia.ru, над обновлением которого работает целая группа добровольцев. Это и каждую неделю собирающийся клуб Касталия в Реале, где члены клуба могут услышать лекции о самых разных эзотерических и психологических традициях. Это и школа Касталия, регулярно проводящая открытые обучающие лекции и семинары. Для переводчиков Касталии — бесплатные, для всех остальных — недорогие. Школа Касталия — это своего рода внешнее представительство клуба. Это и уникальный интернет-магазин эзотерической и психологической литературы, в котором можно приобрести книги на порядок дешевле чем в других интернет-магазинах. Переводчики имеют скидки. И прежде всего — это интегральное мировоззрение, основанное на поиске соединения трех слагаемых Касталии и стремящееся к оккультному Ренессансу.

Касталия приглашает к сотрудничеству авторов, Переводчиков, а также организации для проведения Совместных проектов.

Мария-Луиза фон Франц
Космогонические мифы
М.: Клуб Касталия. 2012. — 296 с.

Перевод:
гл. 1–6 — Мальтус (Семен Кузнецов)
гл. 7–12 — Яна Знаменская
Компьютерная верстка: Янус
Обложка: Надежда Столярова

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Текст в этой книге взят из лекций, представленных в Институте Юнга (зимний семестр 1961–62 гг.), записанных Уной Томас. Андреа Дайкс подготовил алфавитный указатель, который был переработан для этого издания Остином Делани.

За помощь в ревизии этого издания я хочу поблагодарить доктора Вивьен Макрил за ее за ее огромную поддержку и Эллисон Кейпс, которая сделала сравнение с помогла в наборе. Я также хочу поблагодарить Кендру Кроссен, редактора Shambhala Publications, за ее упорное сотрудничество.

Мои благодарности: "*Princenton University Press*" за цитаты из "Собрания сочинений" К. Г. Юнга (Bollingen Series XX), переведенные Р. Ф. К. Халлом и подготовленные к печати Г. Ридом, М. Фордэмом, Г. Адлером, и Вильямом Магуайером, и за цитаты из "Aurora Consurgens"; Р. Ф. К. Халлу и А. С. Б. Гловеру за перевод книги Марии-Луизы фон Франц "*A Document Attributed to Thomas Aquinas on the Problem of Opposites in Alchemy*"; "*Pantheon Books of New York*" за цитаты из книги Мирча Элиаде "*Миф о вечном возвращении*" (Bollingen Series XLVI), 1954; *Музею Церемониального Искусства Навахо* в Санта Фе, Нью-Мексико, за цитаты из книги Хастина Кхаха "*Navajo Creation Myth*", записанные Марией К. Вилрайт; Джону Мюррею их газеты "London" за цитаты из "A Pattern of Islands"(сэр Артур Гримбл), 1952; Г. Шуману из "New York" за цитаты из "Post Wheeler's The Sacred Scriptures of the Japanese", 1952; и издательству Doubleday за цитаты из перевода Изабель Хатчинсон книги Кнуда Расмуссена Festens Gave (The Eagle's Gift), 1932.

Глава 1. Мифы о творении

В этой книге я попытаюсь интерпретировать основные мотивы, которые встречаются в мифах о творении. Такие мифы относятся к совершенно иному роду мифов, чем, скажем, эпос или сказки. Когда они рассказываются, всегда присутствует некоторая торжественность, серьезность, которые придают им центральное значение. Они передают настрой, который предполагает, что сказанное затрагивает базовые основы существования, нечто большее, чем то, что содержится в других мифах. Поэтому, что касается сопровождающих чувств и эмоционального настроя, мифы о творении являются самыми глубокими и важными из всех. Во многих примитивных религиях рассказ мифов о творении является неотъемлемой частью учения в ритуалах инициации. Они рассказываются новопосвященным как самая важная часть племенной традиции. Во множестве других случаев, как мы увидим позже, они восходят к наиболее базовым проблемам человеческой жизни, соотносясь с абсолютным значением не только человеческой жизни, но и существования целого космоса.

Поскольку происхождение природы или человека есть полная загадка для нас, бессознательное породило множество моделей этого события. То же самое происходит и там, где человеческий разум затрагивает границы неизвестного. Если, например, вы посмотрите на карты античности, Греция показана примерно в центре карты, но на границах рисунки становятся искаженными и неверными; верхняя часть Югославии сдвигается к верхней части Италии, и дальше, к концу изведанной территории, попросту следует изображение уробороса, змеи, поедающей свой хвост, которая на старых картах еще обозначала океан. В качестве декораций на углах карты были картинки животных, монстров или четырех ветров. В Средневековье известный мир всегда был показан в центре, окруженный всеобъемлющими символами

и иногда даже демоническими фигурами: четыре ветра, дующих в центр, головы с дующими ртами или что-то в этом роде. Эти карты ad oculos демонстрируют, что в любом месте, где известная реальность заканчивается, и мы затрагиваем непознанное, там мы проецируем архетипические образы.

То же самое применимо к средневековым астрономическим картам. В Средние века рисовались все созвездия, которые были известны, а за ними космос был окружен зодиакальной змеей, на которой были все знаки зодиака; за пределами ее располагалось непознанное. Змей, кусающий свой хвост (мотив уробороса), снова возникает там, где человек достигает конца своих осознанных знаний. В поздние времена античности зарождение химии показало, что люди также имели определенное знакомство с элементами и некоторое техническое знание, но доходя до предела известных фактов, они опять проецировали архетипический образ, символ уробороса, чтобы с его помощью характеризовать тайну неизвестной материи. В алхимии это был символ первичной материи, исходного вещества вселенной.

Большинство вопросов касательно происхождения и сущности нашего космоса до сих пор не разрешены; несмотря на развитие техники, непонятные моменты остаются и в наше время. Существуют архетипические модели и проекции современной науки, которые я буду обсуждать позже, но мы до сих пор стоим лицом к лицу с заводящими в тупик фактами и противоречащими теориями. Другие цивилизации тоже сталкивались с непознанным, и, когда они встречались с тайной, то создавали мифологические символы из которых, среди прочего, и возникли мифы о творении.

Объясняя, что значит проецирование, я хочу обратить ваше внимание на определение проекции Юнгом. Постоянно обращается внимание на то, что проекция до сих пор, на самом деле, не был понята, что автоматически порождает множество разного сорта неверных толкований. В конце своей работы “Психологические типы” Юнг пишет:

Проекция есть перенесение субъективного внутреннего содержания на внешний объект, в противоположность к интроекции. Согласно этому, проекция есть процесс

диссимиляции, в котором субъективное содержание отчуждается от субъекта и, в так сказать, воплощается в объекте. Это бывает и с мучительными, невыносимыми содержаниями, от которых субъект отделывается при помощи проекции, но бывает и с положительными, которые по тем или иным причинам, например, вследствие самоуничижения, оказываются недоступными субъекту. [Следующее предложение крайне важно для нас:] *Проекция основывается на архаическом тождестве субъекта и объекта, но называть это явление проекцией можно лишь тогда, когда возникает необходимость распада этого тождества с объектом. Возникает же эта необходимость тогда, когда тождество становится помехой, то есть когда отсутствие проецированного содержания начинает существенно мешать приспособлению и возвращение проецированного содержания в субъект становится желательным.*

Мы иногда используем термин “проекция”, когда упоминаем примитивные общества, говоря, что их мифы и боги являются проекциями архетипических образов. Это ведет к путанице, поскольку в обществе, в пределах которого эти боги до сих пор психологически живы, необходимость отказа от проекций пока что еще и не возникла, так как эти общества до сих пор находятся в состоянии архаической тождественности. Это сложно понять, поскольку мы не верим, скажем, в богов народа Шиллук, занимающего берега Верхнего Нила. Мы можем сейчас говорить о проекции, но это косвенное применение термина. Мы часто сталкиваемся с этнологами, которые говорят, что это не только проекция. Они жили в среде таких людей, для которых боги представляют существующую реальность, поэтому нельзя сказать “это всего лишь проекция”.

Есть еще один момент, который стоит затронуть в данной теме, но сначала я хочу разобрать термин “архаическая идентичность”, который Юнг использует и определяет в той же книге:

Об идентичности я говорю в случае психологической схожести. Идентичность есть всегда бессознатель-

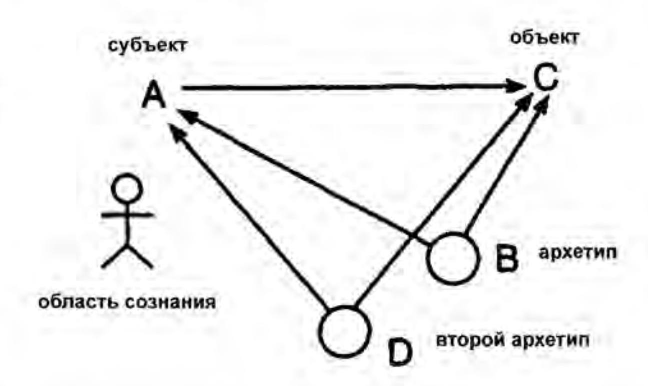
ный феномен, потому что сознательная схожесть всегда предполагала бы уже сознание двух различных *вещей и, следовательно, отделение субъекта от объекта, вследствие чего сам феномен идентичности был бы уже упразднен. Психологическая идентичность предполагает, что она бессознательна. Она составляет характерное свойство примитивного уклада души и настоящую основу "мистического соучастия", которое есть не что иное, как пережиток первобытной психологической недифференцированности субъекта и объекта, то есть остаток изначального бессознательного состояния; далее, она есть свойство, характеризующее духовное состояние раннего детства, и, наконец, она характеризует и бессознательное взрослого культурного человека, которое, поскольку оно не стало содержанием сознания, длительно пребывает в состоянии идентичности с объектами....Она не есть уравнение или отождествление, но априорное подобие, которое вообще никогда не было предметом сознания.*

Итак, на сравнительно ранних этапах нашего развития не было разницы между нашим бессознательным духом и внешним миром; они были в состоянии полного равенства, это и есть архаическая тождественность. Кроме того, случаются определенные таинственные физические процессы и изменения, которые нарушают гармонию этого тождества, заставляют нас отказаться от конкретных образов и понять, что они были внутренними факторами, не внешними. Мы в таком случае всегда заменяем идею о внешних факторах новой "проекцией", субъективный аспект которой мы до сих пор не замечаем.

Как вы увидите, когда мы изучаем мифы о творении, иногда нам очень ясно открывается, что они представляют бессознательные и предсознательные процессы, которые описывают происхождение не нашего космоса, а начало сознательного понимания человеком мира. Это значит, что многое происходит в бессознательном еще до осознанного понимания мира. Предсознательные процессы, которые протекают в человеке до того, как происходит осознание,

могут наблюдаться во снах и бессознательном материале: как аналитик, вы можете предвидеть за 2 недели, а иногда и больше, формирование новой формы сознания, но сновидящий пока совершенно этого не осознает. Это похоже на возвещение об изменениях в сознании, которое возникает во снах, но пока не имеет места в реальности. Через 2 недели этот человек скажет: "Теперь я понимаю, теперь я осознал что-то", а вы, зная его сновидения, видели, что это новое понимание, внезапное осознание, было приготовлено некоторое время назад в предсознательных процессах. Сейчас я представляю это как априорное утверждение, но надеюсь убедительно это продемонстрировать, когда мы будем рассматривать мифы о творении.

Ни в коем случае не следует думать, что такие процессы должны отражать происхождение внешнего мира, поскольку старая идентичность была нарушено и были созданы новые проекции — проекции, которые, как нам кажется, представляют "объективные" научные модели мира. Эти новые модели оттолкнули старые, и, таким образом, старые представляются нам проекциями. Ниже на рисунке представлен процесс проекции:

А — субъект, человек (или эго) в центре области своего сознания, смотрит на объект. В случае исходной проекции Архетип В установился в бессознательном. Субъект пристально глядит на объект (С), и не может понять, что это за чертовщина! Далее к нему приходит мысль, он представляет

себе объект как *нечто*, но он не осознает тот факт, что архетип В установился в его бессознательном и передал модель идеи, в которой А узнал С; А лишь увидел, что объект соответствует его идее. Вот так в целом и устроен познавательный процесс.

Этот способ апперцепции функционирует до тех пор, пока не становится неприемлемым. Если, например, я скажу, что Мистер X представляется мне гением, и если он никогда не делает ничего опровергающего мое мнение, тогда меня уже никак не переубедить, что он не гений. Но если однажды он станет вести себя, как полный идиот (это фактор дисгармонии, нарушения), тогда я скажу: "Как так получилось, с чего мне вообще пришла мысль, что этот человек — гений?" Но только после такого нарушения, несоответствия, я начинаю понимать — случилось что-то, разрушившее мою идею. В таком случае Юнг указывает: проекция больше не подходит. К примеру, я хочу быть убежденным, что объект такой-то, но моя идея больше не подходит; существует множество факторов, которые, как кто-то в современной естественной науке сказал, "не сходятся", нет сходства результатов. Если с идеей Эдвина Хаббла о расширяющемся космосе не будут совпадать другие результаты исследования атомов и произойдет несостыковка результатов, вы начнете сомневаться, быть может она была всего лишь спекуляцией, умозаключением, или, говоря нашим языком, проекцией Хаббла. Но пока кажется, что результаты едины, поведение объекта видится в соответствии с мысленной моделью, нет никаких причин изъятия проекции. Я буду простодушно убеждена, что знаю качества самого объекта.

Итак, первая причина изъятия проекции заключается в том, что идея объекта не соответствует фактам — что-то где-то хромает, не соответствует фактам. Вторая причина — это достаточно часто частая возможность того, что существует еще один архетип (D): второй архетип продвигается в бессознательное и выдает еще одну модель, или идею, в сознании субъекта, предлагая альтернативную проекцию на объект. Тогда субъект переходит к этой новой идее, полагая, что она истинна, а старая была ошибкой, иллюзией —

проекцией. Оглядываясь назад, мы назовем это проекцией, но до тех пор, пока мы ее осуществляем, архетип надежно установлен в нашем сознании и бессознательном, и мы никогда не назовем это проекцией, но будем считать истинным восприятием. Таким образом, субъект чувствует, что честно говорит об истинных фактах. Эта смена архетипов естественным образом обычно соответствует внешним переменам, мешая определенным концепциям быть подходящими. До тех пор, пока мы субъективно чувствуем, что говорим не о проекциях, а об истинных свойствах объекта (одна из особенностей западной ментальности), мы называем это научной истиной.

На Востоке люди настолько сосредоточены на себе, что даже когда они чувствуют себя убежденными, они все еще таят определенные сомнения и способны поставить под вопрос свои "истинные убеждения". Но мы, европейцы, уверенно говорим о внешних объектах, поскольку наши проекции им вполне соответствуют. Мы сейчас находимся под властью нового архетипического образования, которое в данный момент работает, и которому соответствуют все объективные качества. Когда есть то, что Бавинк назвал сходимостью научных достижений, когда кажется, что любая вещь является элементом единой картины, и не наблюдаются факты, противоречащие модели, нам известной, мы считаем ее истинной. Не будучи столь критичными, имея только отдельные знания о внешних явлениях, или лишь часть знаний, если сравнить их с нашими, примитивные общества создали космогонические толкования происхождения всего сущего, которые для нас с абсолютной очевидностью являются проекциями. Это очень важно, поскольку мы не сможем понять эти мифы, если просто назовем их проекциями предсознательных процессов, не поняв "проекцию" именно так, как я попыталась ее объяснить.

Прежде, чем пытаться понять мифы о творении, мы должны вспомнить один факт, а именно то, что мы можем говорить о любой реальности только лишь как о форме, содержащейся в нашем сознании. Как указал Юнг, единственная реальность, о которой мы можем говорить — реальность,

которую мы осознаем. Если для вас сложно понять это, то представьте, что ночью вам снился сон, но утром вы про него забыли. И если нет никакого наблюдателя, который бы доказал, что вы видели сны, то сна не существует. Вы можете допустить, что он существует, или что не существует, вы вольны сказать об этом все, что вам нравится, но с научной точки зрения вы не можете сказать, существовал ли он или нет. Из этого следует, что ни об одной вещи, которая каким бы то ни было способом ни попала в поле осознанности какого-нибудь субъекта, человека нельзя говорить как о реально существующей. Единственные факты, о которых мы можем говорить, как о реальных — это те, что где-то и как-то вошли в область человеческого понимания. Все остальное — произвольные размышления. Утром можно предположить, что сон просто забылся, однако это нельзя считать фактом.

Проще говоря, единственная реальность, о которой мы можем говорить или с которой мы реально связаны — это образ реальности в нашем сознании. Спонтанные аргументы экстраверта, который в силу своего темперамента ужасно ограничен объектами, будут, например: "Да, но есть реальность, только мы не можем о ней говорить". Здесь можно только сказать, что если ему нравится предполагать так, то он, конечно же, может, но это абсолютно субъективное предположение. Если вы захотите возразить: "Я верю в реальность за сферой моего сознания", то это лишь ваше убеждение, и если кто-то другой предпочитает в это не верить, прав отрезать ему голову у вас не прибавится. Таким образом, если индийцы предпочитают считать, что нет никакой реальности вне той, что входит в их сознание, мы не имеем права называть их дураками. Мы можем просто ответить, что это нам не подходит, поскольку мы привыкли иметь дело с вещами в трансцендентальной нашему сознанию реальности, хотя и не можем контактировать с ней напрямую. Здесь мы касаемся метафизических, религиозных верования и убеждений, где каждый свободен делать свои собственные предположения; но это вне территории научно обсуждаемых фактов. Следовательно, истории, которые

предполагались описывающими происхождение реального мира, целиком переплетены и перемешаны с факторами, которые мы лучше назовем историями предсознательных процессов о происхождении человеческого сознания.

Здесь мы приближаемся к следующему важному вопросу: как эти явно необходимые вымышленные, мифические идеи реальности отличаются от принятия желаемого за действительное? Множество людей скажет: “Это все лишь выдумки”. Но это не так. Если мы проанализируем себя психологически, то скоро сможем провести различие и сказать, что “они” думают в нас; то есть определенные содержания появляются в нас и мы действуем в соответствии с ними, поскольку они имеет для нас смысл, и мы чувствуем себя намного лучше, думая таким образом. Несмотря на то, что, как мы все знаем, вопросы жизни после смерти или происхождения и смысла человеческой жизни никогда не будут иметь окончательного рационального ответа, согласно Юнгу, крайне важное, если не важнейшее значение имеют наши попытки сформулировать некоторые идеи относительно их. Если у человека нет собственного мифа о таких вопросах, то он психически истощен и подорван, и, вероятно, страдает от невроза. Юнг предлагал всем знакомым пожилым людям поделиться своими мыслями на вопросы: “Существует ли жизнь после смерти?” и “Какое значение имеет смерть?”. Один из учеников Юнга спросил: “Мне сейчас семьдесят, вам восемьдесят. Может быть вы скажете, что вы думаете о жизни после смерти?”. Юнг ответил: “Вам это не поможет, когда на смертном одре вы будете пытаться вспомнить “Юнг сказал то или се”. У вас должно быть собственное представление на этот счет, ваш собственный миф. Иметь свой собственный миф значит страдать и биться над вопросом, пока ответ не появится из глубин души. Это не значит, что он является окончательной истиной, это означает, что эта истина имеет к вам непосредственное отношение и вера в нее помогает вам хорошо себя чувствовать”.

Итак, мы видим, что есть жизненно важные мифы. Можно даже сказать, что подобный феномен есть и на физиологическом уровне. Например, люди всего мира знают

о жизненной необходимости соли. Как всем известно, люди мигрировали, и иногда отдавали все свои сокровища и имущество за горстку соли. Еще двадцать-тридцать лет назад было непонятно, почему люди так поступали, но сегодня это широко известный факт: соль играет огромную роль в человеческой физиологии. Но то "оно" в нас, о котором уже упоминалось выше, всегда знало ответ. Когда-то кто-то искал способ объяснить, почему соль так необходима человеку. Все было основано на жизненном инстинктивном знании. На таком знании и основаны мифы, и если человек в них верит, то он, получается, остается здоровым. Это кардинально отличается от принятия желаемого за действительное или фантазирования.

В наши дни до сих пор сохраняются некоторые примитивные племена. Среди них есть небольшое число таких, которые категорически отказываются открывать свои тайные мифы белым людям. Они осознают, что эти мифы воплощают только их жизненное знание. Если белый человек придет, неуважительно и оскорбительно вмешается в их верования, говоря: "Я не верю в это. Это ничего больше, чем глупые сказки", — то он серьезно и глубоко заденет души этих примитивных людей. Можно только сказать, что человек, который не верит ни в какой миф и не имеет прочной идеи, мнения о смысле жизни, или же просто верит написанному в газетах, то он невротик и просто-напросто жалок, его веру составляет идеологическая полуправда. Нужно помнить, что пытаясь интерпретировать мифы о творении как проекции внутренних, психологических процессов, мы всегда делаем это с позиции европейцев. Эта позиция будет недопустимой, если мы будем иметь дело с мифами из религиозных верований эскимосов, например, или любой другой этнической группы. Однако, понимая, кто они, я бы сказала: "Да. Я тоже верю, что мир был создан именно так". И это не будет дипломатической ложью, поскольку для них мир был создан именно так, это отражает их видение мира.

Где мы в нашей практической аналитической работе и снах сегодня встречаем мифы о творении, их элементы, типичные мотивы таких мифов? Самые яркие формы их

могут наблюдаться при работе с шизофрениками, когда шизофренические эпизоды часто приуготовляются снами о разрушение мира. В наши дни конец света в таких снах наступает, к примеру, в результате ядерного взрыва, падения звезды (абсолютно апокалипсические образы), раскалывания поверхности земли, мгновенного вымирания всех людей и т. д. Это обычно говорит о том, что сознание этого человека взрывается или только собирается взорваться, а его осознанию реальности грозит скорое исчезновение; фактически, его субъективный мир разлетится на куски. Но очень часто, когда шизофренические эпизоды начинают стираться, или проходят свою сильную стадию, в фантазиях и снах появляются мотивы мифов о творении, и мир зарождается из маленького зародыша, как это и происходит в мифах. Реальность восстанавливается. На основе своего опыта могу сказать, что если вы разгадаете эти символы нового построения мира, если вы поймете, что происходит, когда такие символы появляются после картин разрушений, и, как врач, адекватно поддержите их, примите участие и будете вести дело должным образом, тогда у вас получится лично помогать восстановлению нового сознания, которое не будет разнесено на куски вернувшейся волной.

Я помню случай, не слишком ужасный; это не было клинической шизофренией, скорее пограничной ситуацией. Женщина, одержимая анимусом, разорвала отношения с мужчиной, на которого она имела сильнейший перенос. Она была просто ходячей ненавистью и жила лишь этой враждебностью. Полное разрушение ее женской сущности продолжалось много лет (шизофреническая предрасположенность), и она была уже на волосок от того, чтобы сойти с ума окончательно. Коллега, который лечил ее вместе со мной, предложил госпитализацию, полагая, что она либо совершит суицид, либо убьет того мужчину. Прежде чем согласиться, я хотела ее лично осмотреть, но когда я это сделала, я немедленно поняла, что никакой контакт не получится. Она свирепым взглядом пристально смотрела мимо меня, я не мог никак до нее достучаться. У меня было чувство, что она меня не слышит, что позже под-

твердилось, когда она мне сама сказала, что не слышала ни одного моего слова. Она была в таком состоянии, что ее сознание и понимание полностью отсутствовали. В отчаянии я, наконец, сказала: "Никаких снов? Никаких снов в такой ужасной ситуации?" Она ответила: "Только фрагмент: я видела яйцо, и голос сказал, 'Мать и Дочь'". Я была на седьмом небе от счастья и начала рассказывать ей все мифы о творении, о том, как мир возрождается из яйца. Я сказала, что это говорит о зародыше, возможности новой жизни, все теперь будет приходить в порядок, нужно только подождать, пока все выйдет из яйца и т. д. Я говорила с сильнейшим энтузиазмом, объясняя, что образ "Мать и Дочь" восходит к Элевсинским мистериям, рассказывала о них, о возрождении женоподобного мира, где новое сознание будет женским и т. д. Я заметила, что пока я говорил, она немного успокаивалась; наконец, я коснулась ее руки и сказала: "Тебе полегчало?" Она впервые мне улыбнулась и сказала, что да. Я спросила ее, сможет ли она сейчас пойти домой спать, не делая глупостей, и она ответила "да", она начала обретать уверенность! Таким образом, трудный этап ее расстройства был преодолен. Позже она мне рассказывала, что была как будто в вакууме, и ее сознание было так далеко, что она не понимала ни единого моего слова. Она лишь осознавала, что я поняла мотив ее сна, причем сделала это абсолютно правильно, и, таким образом, по дороге домой она сказала себе: "Ну что ж, это можно понять, теперь все, кажется, будет в полном порядке". Как видите, я поняла, что происходило. Я не могла это до нее донести, ее эго уже достаточно отдалилось, но даже тот факт, что она почувствовала чье-то понимание, был достаточным для преодоления чрезвычайно опасной ситуации. На этом примере хорошо видно, насколько важным является знание этих предсознательных архетипических процессов.

Но в моей практике обычно попадаются ситуации, когда невозможно донести значение подобных мифов творения до людей, когда они находятся в полной тьме, поскольку материал касается процессов, далеких от сознания. В противовес другим мифологиям, такие темы не приводят к близкому,

интимному пониманию и способности применить их в конкретном личном случае, в отличие от интерпретации сказок или героических мифов, когда у вас есть эмоциональная и чувственная связь с этим материалом. Мотивы мифов о творении кажутся странными и крайне абстрактными, и поэтому очень сложны для перенесения в сознание. И, поскольку смысл так далек, очень трудно вызвать в людях чувство понимания, когда вы пытаетесь его передать.

То, что наблюдается в пограничных ситуациях, а именно уничтожение сознания, понимания реальности и перестройка нового сознания, это всего лишь экстремальные случаи, преувеличение того, что можно также найти и в нормальных ситуациях. Мотивы мифов о творении можно найти там, где бессознательное готовит фундаментальный рывок в сознание. Психологическое развитие человека с виду похоже на модель физического развития ребенка, который растет не последовательно, а скачкообразно. Рост сознания тоже имеет склонность делать резкие прыжки вперед: бывают периоды, когда область знаний увеличивается внезапно в значительной степени. В случаях, когда расширение или перестройка сознания происходят внезапно, обычно говорят об "озарении" или откровении.

Когда все происходит более последовательно, то это не слишком замечается, и люди довольствуются лишь приятным чувством того, что они растут, плывут по течению жизни, при этом она кажется интересной. Но они не испытывают внезапных озарений или пробуждений. Когда совершается большой скачок вперед в развитие сознания, сперва приходят подготавливающие сны, обычно содержащие мотивы мифов о творении.

Последним, но немаловажным является то, что знание мотивов мифов о творении необходимо при анализе творческой личности. Анализировать творческого человека — это большая проблема, поскольку такие люди часто считают себя невротиками или находящимися в нервном кризисе, принимая все за признаки этого. Но если взглянуть на материал их сновидений, то видно, что они невротики не потому, что не могут приспособиться к внешним или

внутренним событиям в жизни, а поскольку их преследует творческая идея, и им следует сделать что-то творческое. Они преследуются творческой задачей; внешне они ведут себя как остальные невротики, и часто таковыми себя и считают. Но проблема-то в том, что невозможно за кого-то что-то изобрести! Скажем, приходит физик, который должен сделать какое-то изобретение; его бессознательное хочет этого от него. Вы не можете это сделать за него! Между тем, вы, наверняка, почти ничего не знаете по физике, да и кроме того, это будет вашим изобретением, и изобрести, значит придумать, открыть что-то новое, вы не можете делать это за другого. Он говорит: "До чего я должен докопаться?". Хорошо, я тоже этого не знаю, но он должен что-то открыть! Однако, он отвечает, что если я не могу сказать ему, что это, то не помогу ему. У вас должны быть на руках кипы научных материалов, чтобы быть в состоянии ему показать, что творческий акт уже свершается, новый мир вот-вот родится, что-то новое пытается проникнуть в его сознание. Существуют конкретные подготовительные процессы, которые необходимо понимать, поскольку из них вы можете извлечь некоторые знаки, касательно направления, в котором будет совершено изобретение, и уделить уже непосредственно вашему объекту психоанализа болезненную трату времени. Вы как собака берете след и говорите: "Не здесь, не тот след, скорее всего вот тут!". Так можно интуитивно ограничить зону, в которой двигается его внутренний творческий процесс, тем самым спасая его от нужды тратить годы в хождениях по ложным следам и быстро приблизиться к наступлению преображающего мир события, которое возникло в его душе.

Это крайне важно знать, если вы не понимаете, почему так широко распространилось верование в то, что психоанализ, и юнгианский анализ тоже, является разрушительным для творческой личности. Ряд художников и творческих ученых избегают контактов с нами, поскольку верят, что мы с помощью редуктивного метода собираемся уничтожить их креативность. Рильке, когда ему пришлось обратиться к фрейдистскому анализу, сказал, что если изгнать его внут-

ренних демонов, внутренние ангелы будут изгнаны тоже, поэтому он все-таки отказался от анализа. Я бы сказала, что этот страх творческой личности пройти аналитическое лечение или заинтересоваться анализом объясняется тем, что не все аналитики знают о творческих процессах души и, неправильно их понимая, применяют редуктивный метод лечения неврозов, когда следовало бы поддерживать рождение нового сознания. Творческие личности в момент депрессии и угнетения новой творческой задачей часто ведут себя невыносимо, как ужасные невротики, не умеющие приспосабливаться к окружающей среде. Немного скорректировать, отсечь поведение невротика, и в то же время не повредить сути творческого процесса — это достаточно деликатная задача. Здесь очень важно знать сведения, факты, данные для того, чтобы распознать процесс. Мы увидим, что мифы о творении помогают их отыскать.

Иногда можно сказать, что творческая часть составляет 80% проблемы, а исправление — остальные 20%; но иногда бывает и наоборот. А подобные случаи могут попасться в любой момент, в этом заключается одна из тонкостей анализа. Многое зависит от чувствования отношений между аналитиком и анализандом. Если имеет место быть значительный контрперенос, аналитик имеет склонность не быть достаточно редуктивным, и если он тайно недооценивает анализируемого, то может причинить ему вред, будучи, наоборот, слишком редуктивным, и тем самым уничтожить творческие зачатки. Это очень деликатная ситуация, в которой иногда нужно положиться на свои собственные сны. Психиатр, как садовник, должен организовать свой разум, решая, что он собирается отсеять, а рост чего поддержать. Но может иметь место сильный перенос, при котором аналитик думает, что в каждом человеке зародыш креативности — самая важная вещь, и какой бы ни получался бред — он творческий, и, следовательно, должен быть взращен. С этим тоже нельзя переусердствовать.

С другой стороны, я считаю, что творческий инстинкт настолько силен, что если даже аналитик пытается его уничтожить, то этот инстинкт не будет утрачен пациентом

и будет распознан. Если аналитик ошибся и начал подавлять инстинкт, то этому будет результатом плохое самочувствие пациента и, возможно, его ненависть к психологии. Наступит состояние горечи, но динамическая сила творческого характера никогда не будет сдержана.

Человек будет чувствовать себя лучше, если никто не будет подавлять его импульсы. К примеру, каждый раз, когда вы хотите позабавиться с чем-то занимательным, вы думаете, что это несерьезно, и прекращаете. Это не катастрофа, но я считаю, что печально подавлять такие небольшие творческие импульсы, которые вполне могут украсить жизнь. В общем, к счастью, если кто-то что-то подавляет, то активность снов по этому поводу резко возрастает.

У М. Элиаде вы найдете, что мифы о творении в разных цивилизациях встречались при специфических обстоятельствах. Космогоническая мифология, например в Индии, используется каждый раз при строительства дома. Элиаде приводит пример:

В Индии, прежде чем положить в основание фундамента хотя бы один камень, астролог определяет исходную точку закладки фундамента, которая находится прямо над змеем, поддерживающим мир. Из дерева Khadira главный каменщик выстругивает сваю и с помощью кокосового ореха заколачивает ее в землю в точно указанном месте, дабы непременно попасть в голову змея. Камень, закладываемый в фундамент (padmacila), кладется поверх сваи. Таким образом краеугольный камень закладывается в "центр мира". Но акт закладки фундамента воспроизводит космогонию, ибо "приколотить", забить сваю в голову змея означает повторение первого подвига Сомы (Ригведа, II, 12,1) или Индры, когда последний "поразил дракона в его логове" (Ригведа, IV, 17, 19) и молния его "отсекла дракону голову" (Ригведа, I, 52,10). Дракон символизирует хаос, аморфную бесформенность. Индра встречает Вритру (Ригведа, IV, 19, 3), безмятежного (aparvan), спокойного (abudhyat)...

Одновременно закладывается фундамент и воссоздается заново целый мир. В Средневековье, когда викинги или

англо-саксы впервые высаживались на новую землю, они строили алтарь и воспроизводили мифы о творении. Это значило, что данная земля до них формально не существовала, и лишь когда они на ней появились, она возникла в сфере их сознания, и они устанавливали на ней свой порядок, в соответствии со своим разумом. Они создали новую землю, вступив на нее и обосновавшись на ней. Как к этому относились завоеванные люди, не бралось в расчет. Воплощение мифов о творении можно также встретить в любой цивилизации в месте, где располагается город. Каждый из них напоминает космогонию: центр обозначает центр мира, вокруг которого все сконцентрировано, а сам город — новый порядок, новый космос, основанный из этого центра. Еще один случай воплощения мифа о творении, где он еще жив в рамках религии — это Новый год. Говоря об этом празднике, я имею в виду Новый год в широком смысле, не только в нашем его понимании. Где бы это новое время ни наступало, торжественно повторяется миф о творении, означающий начало нового мира, и, следовательно, тот, кто празднует, должен привнести в свое сознание все, что случилось illo tempore, как называет это Элиаде.

Другая ситуация, в которой миф о творении находит свое выражение, существует среди жителей о. Фиджи. Они повторяют его не только при восхождении каждого короля на престол, но и всегда при плохом урожае: *"Каждый раз, когда жизни угрожает беда, и космос, в их представлении, истощен и пуст, фиджийцы ощущают нужду в возвращении in principio; другими словами, они ожидают регенерации космической жизни не путем реставрации, а в виде создания ее вновь. Поэтому существенное значение в мифах и ритуалах имеет все, что может означать 'начало', 'изначальный', 'первоисточник'..."*

Это еще раз подтверждает, что где бы мы ни наблюдали новое сознательную отношение, необходимо новое приспособление к реальности с самых ее основ. Завоеватель, например, вступая на новую землю, находится в психологически и физически опасной ситуации; это огромный риск, он далек от своей родины, не приспособлен и, таким образом,

ему угрожает физическая смерть и психологическая диссоциация. Поэтому в новых странах завоеватели устанавливали новый космос. Новый год демонстрирует, что наше сознательное понимание реальности и приспособление к ней смазываются, становятся небрежной, полубессознательной привычкой, а не сознательным достижением, стареют, как и символический царь, как и символы религии. Что некогда было страстной молитвой, произносившейся от всего сердца, становится позже механическим бормотанием. Так при исчезающей жизненности постоянная опасность впадения в повторяемое, механическое продолжение и плавный уход в бессознательное состояние должны быть устранены пересозданием всей реальности путем возвращения к источнику сознания. Фиджийцы делают это не так машинально — они прибегают к этому не каждый Новый год, а каждый раз, когда резко чувствуют внезапную угрозу жизни. Будь это диссоциация, паника или общественный беспорядок, они восстанавливают мироздание и весь космос путем пересказывания мифа о творении.

Они создавали вновь сознательный порядок вещей и потом ожидали соответствующий эффект, который бы значил, что они снова чувствуют себя в порядке. Что касается коренного населения, то у них доходит до того, что когда, например, рис по каким-то причинам плохо растет, колдун обходит поле и, используя материал из мифа о творении, рассказывает рису, как он появился. Рис в итоге должен понять: "Теперь я снова знаю, как я появился", и быть способным расти в достаточном количестве. Это, конечно же, есть проекция на рис, которая едва ли оказывает на него какое-то влияние. Но это производит впечатление на людей. Когда они вновь узнают причину своего рождения, предназначение и смысл жизни, то снова могут жить дальше. Поэтому Юнг говорил, что никогда не лечил пациентов, которые прожили уже больше половины жизни, но так и не приближались к вопросу ее смысла. Неважно, какая проблема привела к началу лечения; все восходит к этому конечному вопросу. Если человек знает, что его жизнь имеет смысл, то он способен стойко ее выносить. То есть человек

способен стойко пережить что угодно, при условии, что он видит в этом смысл.

И, наконец, мы можем видеть, что когда индивиду угрожает что-то физически, или же ему грозит полная диссоциация, как в примере с пациенткой, миф о творении пересказывается бессознательным. Оно пересказывает части мифа с целью реконструировать сознательную жизнь и сознательное понимание реальности.

Я собираюсь обсуждать мифы о творении следующим образом. Во-первых, расскажу миф, который яснее других показывает творение как пробуждение сознания, которое идентично с сотворением мира. Во-вторых, приведу несколько примеров рождения космоса в результате случайного действия. В-третьих, разберу случаи, когда создание представлено как движение сверху вниз — когда духи из потусторонних миров создают наш мир нисходя, либо сбрасывая что-то вниз. В-четвертых, затрону мифы, где создание — это движение снизу вверх, когда, например, все выходит из земного разлома. В-пятых, возьму мотивы, в которых присутствуют 2 творца, двое животных, например, или близнецы. В-шестых, мотив Deus Faber, Верховного Бога, который создает мир, как, например, в библейском мифе. В-седьмых, мотив первой жертвы. В-восьмых, опишу, каким встречается видение характера созидающего Существа: например, создание посредством смеха, страха, плача; через переживание страстного желания, податливости и любви. В-девятых, объясню несколько таких мотивов, как, например, мировое яйцо, первочеловек, при разложении которого образовался космос, концепция создающего пламени, маны, мировой энергии. А также, почему так много мифов о творении содержат бесчисленное количество порождений. Это хорошо видно в полинезийских или гавайских мифах, в японских, или, например, в гностических, где Бог создает пары близнецов, таких, как жизнь и истина, или Logos и Слово, и т. д., несчетные вереницы богов, духов, иных созданий до рождения реальности. Затем, мотив частиц, семян мира. И, наконец, субъективное воссоздание творения в медитации, алхимии, где изготовление философ-

ского камня считалось сотворением мира на субъективном уровне.

В этой книге затронута важная проблема мифов о творении как базовых мифов любой цивилизации, и, следовательно, сущности человечества; но это не значит, что они просты для понимания. С другой стороны, мне кажется, что мифы, написанные на языках, которые я понимаю (греческий и латинский, к примеру), не представляют особого интереса. Много мифов о творении крайне абстрактны и основаны на странных идеях и на вид странных концепциях. Но чтобы говорить о них, в идеале нужно знать санскрит, вавилонский, шумерский, иврит, а также все наречия и древние языки. Это выше моих сил, поэтому я вынуждена положиться на переводы. Я, конечно, попыталась получить качественные переводы, но все же не могу гарантировать, что учтены все нюансы и каждое слово переведено соответствующе. Поэтому я хочу сделать акцент и обратить внимание на конкретные сходства мотивов и их типов, не разбирая нюансы отдельных мифов.

Я также вполне понимаю, что многие читатели могут быть шокированы от подобной мешанины из мифов разных цивилизаций, в которой есть такие глубоко специфические культурные группы, как, например, греческая. Я не пытаюсь объяснить их культурные различия, этнологи и историки религий могут сделать это намного лучше, но целью моего обозрения является продемонстрировать, что базовые архетипические структуры видны сквозь разнообразие мотивов и, среди прочих своих функций, олицетворяют тайну творчества в бессознательном человека. Пытаясь интерпретировать некоторые мотивы, мы доходим до творческой движущей силы, которая показывает себя через символы. Я попытаюсь обеспечить читателя средством понимания творческих процессов, которые происходят в самых глубинах человеческой души.

Глава 2. Космогоническое пробуждение

Я начну с обсуждения мифа, который описывает сотворение мира как пробуждение сознания. Этот миф представлен Кнудом Расмуссеном в его книге “Дар Орла” (*The Eagle’s Gift*), в которой он собрал коллекцию мифов эскимосов, и был в свое время рассказан эскимосом Апатаком с реки Ноатак, которого Расмуссен спросил о том, как был создан мир. Тот ответил:

Люди не любят мыслить. Они не любят иметь дело с тем, что является трудным для понимания, и в этом, возможно, кроется причина того, что мы так мало знаем о Земле и Небе, происхождении людей и животных. Хотя, возможно, и не в этом. Очень сложно понять, как мы возникли, и куда мы уйдем после смерти. Тьмой покрыто и прошлое, и будущее. Как может кто-то знать больше о том самом загадочном, таинственном, божественном, что окружает и поддерживает в нас жизнь, что мы зовем воздухом, Небом, морем? Или, например, о том, что мы называем человеком, животными, рыбами, морями и озерами? Никто не может ничего знать о происхождении жизни наверняка. Тем не менее, если раскрыть глаза и уши и вспомнить, о чем говорили старики, то вполне можно заполнить чем-нибудь отсутствие знания.

[Здесь видно, как описана проекция — мы замещаем отсутствие знания, проецируя в разрыв]

Вот почему мы любим слушать людей, которые передают нам знания, взятые из опыта ушедших поколений. Все старые мифы, что рассказывают наши предки — это то, что умершие говорят нам. Так мы можем общаться с мудрецами из прошлого, однако очень мало тех, кто любит слушать. Моя бабушка знала много всего удивительного о событиях прошлого, и именно от нее я узнал то, что сейчас собираюсь рассказать вам.

Небо возникло раньше Земли, но оно не было старше, поскольку тогда Земля уже начала формироваться. До появления почвы и первого живого существа на ней уже была прочная кора. Первое существо мы зовем Тулунгерсак (Tulungersaq), или Отец-Ворон (Father Raven), поскольку он сотворил людей и все живое на земле, став всеобщим началом. Он был не просто птицей, но священной жизненной силой, которая заключалась во всем существовавшем в мире, в котором мы сейчас живем. [Здесь мы наблюдаем энергетическую концепцию. Однако он тоже сперва имел облик человека (неправильно думать об Отце-Вороне как о вороне, он лишь позже в него превратился), блуждая наощупь во тьме, и деяния его были случайными, пока ему не открылось, кем он является, и что ему нужно делать.

Окруженный тьмой он сидел, припав к земле, когда неожиданно его сознание пробудилось, и он обнаружил себя. Он ничего не знал ни о своем возникновении, ни о месте, где он находился, но он дышал и имел жизнь, он существовал. Вокруг была лишь тьма, и он ничего не мог видеть. Он стал ощупываться, но что бы он ни трогал, его руки касались только глины. Земля была глиной, и ничего больше не было вокруг него. Затем он коснулся своего лица и нащупал нос, глаза и рот, помимо этого он имел руки и ноги, точно такие же, как у нас. Он был человеком. На лбу он нащупал непонятную маленькую твердую шишку — он пока совершенно не догадывался, что однажды превратится в ворона, а эта маленькая шишка превратится в клюв. Он погрузился в медитацию. Тотчас же он внезапно понял, что является свободным и независимым существом, которое не было связано с окружающим. Тогда он медленно и осторожно пополз по глине, собираясь выяснить, где находится. Внезапно руки впереди нащупали пустоту, и он знал, что идти дальше не следует. Тогда он отломил кусок глины, запустил его в пропасть и стал слушать, когда предмет удариться о дно, но звука не последовало. Итак, он направился в другую сторону и по пути нашел что-то очень тя-

желое, зарыв это сразу в глину. Он не знал, зачем это нужно, но делал, а после сел в медитацию. Ему было интересно узнать, что же скрывает в себе окружающая тьма. Вдруг в воздухе раздался шум крыльев, и маленькое легкое создание приземлилось к нему на одну руку. Он коснулся его другой рукой и нащупал крылья, клюв, теплые мягкие перья и тонкие маленькие лапки. Это был небольшой воробей, и он понял, что воробей был здесь до него, успел приблизиться, попрыгать вокруг него и обнаружил себя лишь когда сел на плечо.

Ему понравилось чужое присутствие, он почувствовал уверенность и продолжил ползти уже намного смелее. Так вскоре они достигли места, где раньше был зарыт неизвестный тяжелый предмет, который к тому моменту уже пустил корни и стал живым — вырос куст, и земля больше уже не была бесплодной, голая глина теперь была покрыта кустами и травой. Но, все еще чувствуя себя одиноким, он тогда вылепил из глины фигуру, сделав ее похожей на себя, после чего опять сел и стал ждать. Как только этот новый человек ожил, то сразу же начал рыть землю руками. Не успокаиваясь, он тревожно рыл все вокруг. Тогда он **[Отец-Ворон]** *обнаружил, что у нового человека иной склад ума и он вспыльчив, горяч, жесток. Это существо ему не понравилось, поэтому он схватил его, подтащил к пропасти и скинул. Считается, что тот позже стал Торнаком, злым духом, от которого произошли все злые духи всего мира. Когда он вернулся к кусту, который посадил, то тот уже был деревом, и за ним уже были другие деревья, множество деревьев, целый лес на хорошей почве, заросшей растениями. Он потрогал каждое из них, ощутил формы, вдохнул запахи, не мог только их видеть. И он опять подумал, что нужно побольше узнать о месте, где он себя осознал, и пополз, сопровождаемый воробьем, который беспрерывно летал над его головой. Он его не видел, но слышал постоянный шум крыльев — лишь иногда воробей присаживался на голову или на плечо. Он все еще ползал, поскольку не отваживался выпря-*

миться в темноте. Оказалось, что куда бы они вдвоем не направились, всюду выходили к воде — то место было островом. Тогда он попросил воробья слетать на дно пропасти и выяснить, что находится внизу. Тот улетел, а когда спустя долгое время вернулся, то сообщил, что внизу тоже земля. Новая земля, которая только начала затвердевать. Он решил спуститься и попросил воробья сесть к нему на колено, после чего начал разгадывать, как крылья помогают воробью держаться на воздухе. Спустя время он принес из леса несколько прутиков, укрепил их на своих плечах, и те начали превращаться в настоящие крылья. На теле выросло оперенье, а шишка на лбу стала клювом. Превратившись в большую черную птицу и назвав себя Ворон, он выкрикнул: "Гарк! Гарк!", и вместе с воробьем улетел прочь.

Земля, с которой они прилетели, называлась Небом. Тогда она была настолько же далеко, насколько и в наши дни, поэтому, когда они добрались до дна пропасти, то ужасно устали. В этом новом месте все было голым и бесплодным, поэтому, как и на Небе, он засеял почву, и, покружив над новым миром, назвал его "Земля". Для того, чтобы ее заселить, он сотворил людей. Кто-то говорит, что он сотворил людей из глины таким же образом, как и первое живое существо на Небе, другие рассказывают, что человек был сотворен случайно, что было бы еще более странным, чем в случае творения по своему замыслу и собственной воле.

Отец-Ворон рассадил везде растения и цветы. Он нашел несколько стручков (pod), открыл один, и оттуда внезапно вылетел человек, красивый и зрелый. Ворон был настолько изумлен, что скинул свое птичье обличье, снова став человеком. Со смехом он подошел к новорожденному и сказал: "Кто ты и откуда взялся?". Тот ответил: "Я появился из этого стручка. Мне там больше не хотелось лежать, поэтому я уперся в стенку и выпрыгнул". Отец-Ворон от души рассмеялся и ответил: "Да уж, странное ты создание! Ничего подобного я еще не видел!" Он снова засмеялся и добавил: "Я сам вырастил

этот стручок, но я даже не предполагал, что из него выйдет. Однако, земля, по которой мы ходим, еще не сформирована. Ты разве не чувствуешь, как ее трясет? Нам следует подняться повыше, туда, где поверхность тверже". Так появился на свет первый человек, а позже Отец-Ворон сотворил всех остальных живых существ.

Я пропущу остаток рассказа, в котором описывается как появились медведи, лисы, птицы, т. д., и как дальше, всегда с помощью воробья, мог действовать Отец-Ворон. Он учит людей строить дома и каяки, учит ловить рыбу и т. д. Однажды огромная черная масса вышла из моря, и Отец-Ворон помог людям ее убить — это было морское чудовище. Его тело расчленили, а куски раскидали по сторонам — из них произошли все большие острова. Так постепенно увеличивалась земля, заселенная людьми и тварями.

Рассказ заканчивается моментом, когда земля стала такой, какой ей следовало быть. Тогда Ворон собрал всех людей и сказал: "Я ваш Отец, мне вы обязаны и землей, и своим существованием. Вы не должны меня забывать". И после он улетел на Небо, где было все так же темно, но из взятых с Земли нескольких углей сотворил звезды. Остатки же он пристроил на Небе, так там появилось огромное пламя, свет которого осветил Землю. Так сотворились Земля и Небо. Так появились люди, животные, Земля, но прежде всех был Ворон, и даже до него был воробей.

Это красивое предание показывает, что пробуждение осознания реальности — это что-то вроде выхода из бессознательного состояния. Которое спроецировано на Отца-Ворона, который сам по себе постепенно становится сознательным, и в свете этого сознания реальность, вслед за ним, начинает проявляться.

Здесь встречаются несколько мотивов, которые я пока не буду разбирать, но позже к ним вернусь. Во-первых, это наличие двух первородных существ: Отец-Ворон и воробей. В дальнейшем мы увидим, что это достаточно распространенный мотив, а именно то, что с самого начала существует один относительно активный творец, действующий Бог Творения; ему постоянно сопутствует некая фигура, подобная

воробью из этого мифа, которая является пассивной, она не делает ничего, кроме того, что существует, тем не менее, она абсолютно необходима в качестве дополняющей первую. В данном мифе говорится, что воробей даже старше действующего протагониста. Во-вторых, мы видим здесь, что первое творящее существо имело форму человека. Человекоподобный образ — это еще один архетипический мотив в космогонических мифах. Творение сначала принимает человеческую форму, и только после этого появляются другие формы.

В нашем мифе мы видим творца без сознания, который создает мир в переходной форме, раскрывая его и осознавая, а также частично при помощи случайных действий, например, кидая глину, прислушиваясь, сея семя, а после обнаруживая куст и сажая скорлупу. Но, как он сам сказал, ему никогда не было известно, что из этого выйдет, и он был просто поражен, когда появился человек, которого он не собирался создавать. Тем не менее, этот творец более сознающий и менее зверообразный в сравнении с некоторыми другими из разных примитивных мифов, так как говорится, что он иногда усаживался и погружался в медитацию. По-немецки это звучит как погружение в "мысль". Это означает, что каждый раз, когда он делает шаг к творению, он размышляет и удивляется этому. Так он может составлять планы, как тогда, например, когда он желал узнать, что скрывается на дне пропасти.

Подобный сюжет пробуждения сознания можно также найти в опубликованном Полом Радином космогоническом мифе Виннебаго. В нем в самом начале сказано: "Когда Создатель Земли (т.е. творец, подобный Отцу-Ворону) пришел в сознание, он находился в пустом пространстве, и не было вокруг ничего". Здесь мы видим тот же мотив — прежде любых действий первоначальное бессознательное существование сменяется осознанием внешнего мира путем пробуждения. Если это не доказывает, что история о происхождении мира и происхождении осознания не абсолютно совпадающие факторы, то я не представляю, как это еще можно доказать.

Творение посредством случайного действия — это очень важный момент в понимании творческих процессов в бессознательном. Вам известно, что, рисуя, очень часто по ошибке можно поставить пятно — кисть дергается сама по себе, и в результате остается скверный штрих или клякса. И нередко, если вы пытаете это исправить, вы начинаете угадывать в своей ошибке, например, лицо или дорисовываете из пятна фигуру. Таким образом, общая картина меняется. Подобные случайности — это одни из самых важных образующих факторов в бессознательной фантазии. В современном искусстве они играют большую роль; определенные художники даже развивают этот способ творить, когда пятна, дыры и объекты делаются случайно, в какой-то определенный момент вставляются в работу. Они пытаются быть ближе к творческому процессу, подхватывая все, что проявляется случайно. Поэтому, когда мы предлагаем пациенту метод активного воображения, и он является художником, мы обычно советуем ему не рисовать, а писать, и, наоборот, писателю рисовать, поскольку там, где человек оказывается неспособным, неумелым и, следовательно, не сознающим, вероятность случая выше. Если вы не умеете рисовать, то в акте творения бессознательное проявляет себя намного больше, в то время как, если вы владеете навыком, ваш профессионализм не допустит подобные случайные и беспокоящие вмешательства бессознательного; владея кистью, вы можете избежать помарок, но, не владея ею, вы будете так несчастны в тот момент, когда поставите на работу кляксу, что наступит состояние аффекта. Вы работали три часа, и вот ваша бедная работа запачкана, у вас состояние аффекта, но тут проявляет себя бессознательное! Вдруг пятно начинает вам чем-то казаться, как это происходит в тесте Роршаха; это целая картина, которая исходит из бессознательного; вам оно кажется чем-то самопроизвольным, возникшим, когда вы в гневе уже хотели разорвать свою работу. Это чем-то похоже на состояние Отца-Ворона, когда тот ходил наощупь во тьме и чувствовал себя потерянным; а затем возник творческий процесс бессознательного. Поэтому в методе активного воображения очень важно

выбрать среду, в которой вы не опытны, где вы не обладаете определенным мастерством, которое не позволит вмешаться бессознательному.

В истории изобретений разных цивилизаций много таких, которые были открыты случайно, когда в процессе игры с объектом человека внезапно озаряло. Шиллер даже считал, что человек способен на свой максимум только в процессе игры, когда он не имеет никаких сознательных намерений. Проявление творчества в игре — это настолько известный и неотъемлемый фактор, что нет никакой необходимости акцентировать на нем внимание, но снова и снова, когда мы пытаемся склонить наших пациентов к технике активного воображения, весь их скептический рационализм выходит наружу — это пустая трата времени, нет умения рисовать, нет способности это сделать, нет времени сегодня, завтра, нет вдохновения — могут быть какие угодно защитные установки сознания. Но любое новое начало в сознании и каждый его существенный процесс должны сперва возникнуть из такого состояния; только тогда человек в достаточной мере восприимчив, чтобы позволить свершиться творческому акту. Творчество многих личностей начинается с ужасной депрессии. У них настолько большое и сильное эго, что бессознательное вынуждено применять соответствующие средства — посылать адские депрессии, пока они не будут достаточно потеряны для того, чтобы позволить случиться творению. Я заметила, что если люди, склонные к творческим депрессиям, предупредят эти мучительные состояния процессом игры, то сама необходимость в депрессии пропадает. И всякий раз, когда человек в тяжелом состоянии депрессии начинает играть, депрессия его усугубляется, потому что, как и следует из самого названия, функция депрессии в том, чтобы подавлять (to depress), понижать уровень сознания, чтобы эти процессы смогли задействоваться. Таким образом, эта тьма, нигредо, в которой сидит это божественное создание из сказания эскимосов — это символ чего-то, что происходит всякий раз там, где появляется существенный творческий импульс сознания.

Глава 3. Сотворение “сверху”, сотворение “снизу”

Теперь я собираюсь приступить к следующему важному мотиву — сотворению сверху вниз и снизу вверх. В примере, который я приведу, содержатся оба мотива. Я всегда склоняюсь к тому, чтобы дать один миф более подробно, а другие лишь частично, поскольку считаю, что это способствует лучшему пониманию, чем если бы я сделала обзор по ряду отдельных мотивов. Тот, который я сейчас расскажу, взят у племен ирокезов, индейцев Северной Америки.

Согласно этому мифу, по ту сторону неба, недоступную для нас, обитали существа, которых звали онгви (Ongwe). В записях говорится, что слово онгви означает “человеческое существо” (man-being) и символизирует образы всех вещей, что позже возникли на земле, например, образы домов, деревьев и животных. Эти архетипы — я не могу не использовать это выражение — всех земных вещей назывались онгви, и они жили по ту сторону неба, которая недоступна для нас. Небо тогда походило на некий купол над землей, за которым жили онгви. Позже мы увидим, что некоторые из этих онгви отождествлялись с созвездиями. Они жили в таких же домах, в которых жили и ирокезы. Как правило, они уходили на охоту утром и возвращались домой вечером. Таким образом, онгви жили такой же жизнью, какую позже стали вести ирокезы.

В одном месте, недалеко друг от друга, обитали двое онгви, мужчина и женщина, люди высокого класса, которые вели уединенную жизнь. Как-то раз женщина пришла к мужчине. У нее был гребень, и она попросила его подняться, поскольку хотела расчесать его волосы. Он встал, и она расчесала его волосы. Это стало случаться каждый день. Но очень скоро родственники женщины начали шептаться между собой, поскольку она менялась, и с каждым днем

становилось все яснее и яснее, что она ждет ребенка. Когда ее мать это заметила, она начала спрашивать, с каким мужчиной та спала, но девушка не ответила. В то же время мужчина почувствовал себя плохо, тогда старая мать пришла к нему и спросила, болен ли он. Он ответил: "О, Мать, я должен сказать тебе, что я скоро умру". Мать ответила: "Умереть! Что это значит?". Люди, живущие на небе, не знали, что такое смерть; никто из онгви еще не умирал. Мужчина продолжил: "Когда я буду умирать, должно произойти следующее: жизнь покинет мое тело, которое станет совершенно холодным. О, Мать, затем ты должна сделать следующее: когда я буду умирать, прикоснись руками к моих бокам и неподвижно смотри на меня. Когда заметишь, что мое дыхание становится все слабее, то будешь знать, что я умираю, далее положи руки на мои глаза. И еще кое-что: ты должна сделать гроб и положить в него мое тело, а затем оставить гроб на высоком месте". Его мать сделала все так, как нужно, и все случилось так, как и было предсказано. Его положили в гроб и оставили на высоком месте. А после старуха снова спросила девушку об отце ребенка, но та опять не ответила.

Родился ребенок, девочка, которая росла очень быстро и уже вскоре весело резвилась и играла. Но однажды она начала плакать, никто не знал почему, и продолжалось это пять дней. Тогда бабушка сказала, что они должны показать ей гроб, и они взяли ребенка с собою наверх. Когда она увидела труп отца, она перестала плакать, однако, как только ее спустили вниз, она заревела снова. Это растянулось на долгие дни, поэтому приходилось постоянно возвращать ее к покойнику. Однажды ребенок вернулся с кольцом, которое носил усопший. За это ее стали ругать и выяснять, зачем же она взяла его кольцо. Девочка ответила, что об этом ее попросил сам покойный, поскольку он был ее настоящим отцом. После все перестали про это говорить. Прошло какое-то время, и однажды отец призвал дочь и сообщил, что для нее наступило время выходить замуж, и следующим утром ей следует встать пораньше и идти в далекое-далекое место, которое он укажет. Там она

встретит славного вождя, имя которого Хух-венгсчиавуги (Hooh-wengdschiawoogi), что значит "Тот, кто поддерживает Землю"; его женой она должна была стать.

Итак, девушка собралась и ушла следующим утром [я опущу детали путешествия, о которых ее предупреждал покойный отец], но по пути ей пришлось пересекать реку, в которой обитал дракон, и драконом был Млечный Путь. Ей пришлось преодолеть множество опасных созвездий, а также противостоять драконам бури и прочим опасностям. Наконец, она добралась до хижины вождя, рядом с которой находилось древо Онодча (an Onodscha tree), цветки которого излучали свет, свет, который мы видим на земле и который также светит онгви. Она вошла в хижину, поставила на землю корзину и сказала: "Мы с тобой поженимся". Вождь ничего не ответил, однако постелил ей на полу и сказал, что разрешит остаться на ночь. Следующим утром он приказал ей встать и начать работать, что для женщины было привычно. Ей нужно было приготовить кукурузу, но делать это было ужасно больно, поскольку он приказал ей всякий раз во время готовки быть раздетой. Горячие капли выстреливали из варева и обжигали ее тело. Но, скрежеща зубами, она терпела. Каждый раз, когда она проходила через эти мучения, он исцелял ее тело маслом. Так они пробыли вместе 2 ночи. На четвертый же день вождь сказал, что она может возвращаться домой; он просто прогнал ее и пообещал послать кукурузу в качестве награды за то, что она сделала.

Таким образом, женщина пошла обратно по тому опасному пути, по которому пришла [Я опять пропускаю некоторые детали ее пути], но, когда добралась до родителей, то заскучала по своему мужу и вернулась к нему. Она проделала этот путь уже трижды. Вождь был крайне удивлен увидеть ее снова. Он также заметил, что она беременна. День за днем и ночь за ночью он пытался понять это и не мог — он ни разу не прикасался к ней физически. Он был изумлен. Он думал, что это, должно быть, произошло в момент разговора, когда их дыхания сливались в одно. Вождь пал духом и спросил, кто бы мог сделать ее беременной, но она его не

поняла. А после великий вождь, “что поддерживает Землю”, тяжело заболел и почувствовал, что скоро должен умереть. Он сказал жене, что у нее точно родится девочка онгви. Он также сказал, что она должна кормить и оберегать эту девочку, которая вырастет и будет зваться Гаингсдесок (Gaengsdesok) — “Теплый Вихрь”. Жена его не поняла, но через время родила девочку и через десять дней забрала ее с собой. Здоровье вождя медленно ухудшалось. Наконец, он сказал, что древо Онодсча, древо света, что растет рядом с его хижиной, должно быть выдернуто с корнями; тогда в земле [которая была на самом деле небесным куполом] образуется дыра, к краю которой его нужно будет отнести и разместить рядом с сидящей женой. Как только все было сделано, и как только жена села с ним рядом, он предложил ей вместе заглянуть внутрь дыры, взяв Гаингсдесок себе на спину, аккуратно закутав в одежду. Он дал ей немного еды и сказал сесть поближе, свесив ноги вниз. Потом предложил заглянуть в пропасть, и, пока она смотрела, он схватил ее и сбросил вниз. Как только она начала падать, вождь встал и почувствовал себя намного лучше. Он заявил, что он снова Старейший, что чувствует себя отлично, и что древо Онодсча снова должно быть посажено. Он ревновал к северному сиянию и Огненному Дракону из-за его белого тела — с ним он встречался раньше; потому он заболел, ибо считал, что один из них был отцом ребенка, и из-за этой ревности столкнул ее в дыру.

Женщина падала вниз сквозь глубокую тьму. Все вокруг нее было темно-синим; она ничего не видела и понятия не имела, что с нею случится, продолжая при этом падать все дальше и дальше вниз. Иногда она что-то замечала, но не знала, что это. А это была водная поверхность со множеством плавающих на ней птиц. Одна из них неожиданно крикнула и сказала, что человек, женщина, поднимается из воды — птица смотрела в воду и видела отражение — но другая птица сказала, что женщина не поднимается из воды, а падает с неба. [здесь мы наблюдаем два разных движения] Птицы решили спасти женщину. Они вместе взлетели вверх и подхватили ее на свои спины, после чего стали плавно

опускаться вниз. Тем временем на поверхность воды всплыла большая черепаха, и птицы уложили женщину на ее широкий панцырь. Затем [это очень известный мотив, который встречается во многих космогонических мифах Северной Америки] несколько птиц попытались достать со дна землю; в конце концов одной это удалось. Они рассыпали ее по панцирю черепахи, и, пока они это делали, земля оставалась на месте, разрасталась и стала всей земной поверхностью.

Через некоторый промежуток времени женщина опять забеременила, так как [это упомянуто косвенно, но это необходимо запомнить] во время падения ребенок залез обратно в матку. Роды, состоявшиеся на небесах, начались в обратном порядке; когда женщина достигла панциря черепахи на земле, она опять стала беременной, неся в себе девочку, и опять дала жизнь Теплому Вихрю. Мать с дочерью остались одни. Ребенок рос поразительно быстро. И снова молодая девушка нашла мужчину. Так история повторилась уже в третий раз. Она таинственным образом становится беременной. Ее муж очень похож на индейца; у него есть стрела, а позже говорится, что он — дух огромной черепахи земли. Дальше девушка рождает близнецов, один — носитель положительного образа, он создает человечество и мир, второй — негативного, дьявольское существо, создающее все пагубные вещи, такие, как комары и вредные животные [т. е. неприятные аспекты мироздания. Так как близнецовые мотивы рассматриваются в отдельной главе, я не буду разбирать их сейчас]

Согласно некоторым трактовкам, первая беременность первой женщины онгви случилась в результате того, что во время расчесывания волос мужа она, возможно, проглотила одну из его вшей. Нам известно, что среди определенных примитивных обществ расчесывание волос друг другу — это дружеский жест, также известно, что некоторые не просто давят вшей ногтями, но едят их. Сверхестественное начало беременности после проникновения внутрь вшей или других насекомых — это известный мифологический мотив. Символика вши несет значение полностью автономной мысли; чего-то такого, что вонзается в ваш разум, хотя вы этого

и не желаете, и сосет вашу кровь. Это прекрасный символ для навязчивой мысли: идея, засевшая в вашем разуме, что преследует другие мысли, и в то же время пьет кровь, забирает вашу психическую энергию.

Я была очень впечатлена, узнав, насколько жива символика вши, когда в Америке, недалеко от Сан-Франциско я посетила одно из самых больших учреждений, Государственный Госпиталь Напа Вэлли (The Napa Valley State Hospital). Один доктор представил меня женщине из Польши простого происхождения, которая, согласно его осмотру, была шизофреничкой. Она относилась к крайне общительному типу людей и жила в состоянии бреда, которое, казалось, ее скорее забавляло. Она работала в госпитале и не чувствовала себя несчастной по поводу своих галлюцинаций. Когда доктор попросил ее рассказать мне свои представления о структуре мира, она выплеснула огромное количество мифологического материала: она видела Бога, его облик, сотворение мира и т. д. И посреди длинной истории она сказала, что на луне жили все индейцы и сумасшедшие — "лунатики" — а сумасшедшими были те, кто постоянно забывал выбирать блох с головы, те, кто не раздавливали блох на своих головах! В этом красивом примере видна исходная символика — те, кто не относятся критически и не борются с навязчивыми идеями, берут своих блох и говорят: "Так, а это что? О чем я сейчас думаю? Это правда?" — это те, кто отправляется на луну к лунатикам и индейцам; они деградируют до примитивного состояния. Я была сильно удивлена, обнаружив символику вши в этой новой форме.

Во многих мифологиях небесные создания или земные демоны хитростью овладевали людьми для того, чтобы те помогли избавить их от вшей. Существует один известный мотив о Богине Седне в мифологии эскимосов, которая живет на морском дне и заботится о всех морских существах — тюленях, китах, рыбах, об эскимосах. Но когда нет ни одного тюленя или еще кого-нибудь, так что ничего не поймать, то это является знаком того, что голова Седны полна вшей и грязи. Когда это случается, шаман должен нырнуть на дно моря и встретить Седну, которая будет

в очень плохом расположении духа, поэтому очень опасно к ней приближаться, ибо она попытается убить любого, кто это сделает. Шаман должен сходить к ней, расчесать ее волосы, почистить голову и поймать на ней всех вшей, после чего она очень щедро отблагодарит его и снова будет посылать эскимосам животных. Подобное должно совершаться регулярно. В бессознательном постоянно происходит рост автономных содержаний, которые могут стать деструктивными, если человек не обращает на них никакого внимания.

Я подробно остановилась на этом мотиве, поскольку он является вариантом мотива, когда сотворение начинается с совершенно случайного события — женщина расчесывает волосы мужу и, возможно, проглатывает вошь. Это просто догадка, а не часть текста, но из этого выстраивается целая цепь событий, которые мне кажутся крайне многозначительными: это крошечное начало указывает на феномен автономной мысли, возникающей где-то в бессознательном и позже имеющей ужасные последствия.

Мотив заболевающего отца сразу после того, как мать становится беременной, повторяется дважды. В первом случае он умирает, а во втором должен был бы умереть, если бы не столкнул жену вниз, на землю. Мотив "первой жертвы" встретится нам в других космогониях. Сейчас я хочу это просто отметить; мы будем иметь с ними дело позже, в контексте близнецового мотива и идеи о том, что если что-то возникло в реальности, то что-то другое должно кануть по ту сторону. Можно сказать, что в бессознательном все существует и не существует. Когда *что-то* становится сознательным, оно "существует", и, следовательно, проявляется аспект "несуществования". Можно также сказать, что в бессознательном все является всем, полная контаминация содержаний, но, как только одно из них пересекает порог сознания, оно становится определенным, точным, ясным и, следовательно, отделяет себя от окружающего; что оно возвращается и умирает, или становится теневым аспектом. Такое сотворение существенным образом связано с чем-то умирающим или разрушенным и появится во многих других сказках. Я хочу сперва провести обзор разных вариантов

одного мотива, прежде чем мы займемся их подробным толкованием. В этой истории я, главным образом, придерживаюсь мотива падения сверху вниз и зеркального отражения женщины, поднимающейся вверх.

Что касается мотива онгви, а именно того, что на небе были все архетипические образы вещей, которые позже возникли на земле, то тут мало что можно сказать. С юнгианской позиции это является подтверждением того, что мы открыли, зайдя с совершенно другой стороны, а именно, архетипов. Онгви можно назвать архетипическими образами в коллективном бессознательном. В нашем первом мифе о творении был похожий мотив. Отец-Ворон первым делом создает все на небе, и лишь потом летит в пропасть и воссоздает все таким же образом на земле; все сперва создается на небе, а потом копия этого создается на земле. Подобное встречается не только у индейцев Северной Америки и эскимосов, но может быть найдено где угодно, и я бы хотела обратиться к коллекции таких мотивов в книге М.Элиаде “Миф о вечном возвращение” (The Myth of the Eternal Return). В разделе “Небесные архетипы ландшафтов, храмов и поселений” он говорит:

Согласно верованиям месопотамцев, прототип реки Тигр находится на звезде Анунит, а прототип реки Евфрат — на звезде Ирондель... В одном из шумерских текстов говорится о “местопребывании божественных созданий”, в котором обитают “(божество) стад и (божества) злаков”. Что касается алтайских и уральских народов, то для них горы, таким же образом, имеют свои идеальные прототипы в небе. В Египте природный рельеф и дома (нумы) получили названия от имен “полей” небесных: сначала обращали взоры к “полям” небесным, а уж потом начиналось их отождествление с земными географическими объектами. В иранской космологии, в традиции зерванизма, “у каждого земного понятия, абстрактного или конкретного, есть свой трансцендентный невидимый аналог на небесах, своего рода “идея” в ее платоновском понимании. Каждая вещь, каждое понятие обладает двумя сущностями: сущность

менок и сущность гетик. Раз имеется видимое небо, значит, есть и небо менок, которое невидимо". (Бундахиши (Bundahishn), 1 глава).

Существует множество схожих примеров, из которых можно увидеть, что данная идея о том, что все имеет свою копию или даже прототип в небе, может быть найдена у многих цивилизаций и, наконец, в философии Платона, хотя и в более абстрактном виде. В большей степени, примитивные верования цивилизаций, которые слабо развились в коллективной сознательной традиции, имеют такое же представление, но у них идеальные образы не в небе, а на земле. Например, индейцы наскапи, крайне примитивное племя, которое обитает на полуострове Лабрадор, и некоторые африканские племена считают, что все виды животных имеют одного верховного животного-покровителя, который отвечает за жизни всех остальных. Например, среди вапити (вид оленей) — их сотни и тысячи обитают в лесах — существует один дух или сверх-вапити, которого ни в коем случае нельзя убить, поранить или потревожить. Его, на самом-то деле, и нельзя убить, но если выстрелить в этого сверх-вапити, эту "идею" всех вапити, тогда остальные уйдут из леса, так что не останется ни одного; он ответственен за сам факт существования вапити и является принципом множественности особей. Следовательно, охотник, который встречает это архетипическое животное, должен выразить ему должное уважение и ни в коем случае не ранить или попытаться застрелить его, поскольку если он сделает так, то он сведет на нет всю последующую охоту. Эта идея такая же, что и в космогониях, но тут архетипическое животное, сверх-вапити, живет на земле вместе со всеми, а не высоко в облаках. Здесь можно увидеть то, что мы сегодня будем описывать, как коллективное бессознательное и психические процессы, до сих пор неразрывно связанные с внешним миром настолько, что они находятся в одной сфере.

В мифе об онгви присутствует более развитое представление: идея архетипического древа и архетипического животного и т. д. — они все не здесь, на земле, но живут где-то по ту сторону Неба. Это соответствует опыту, который

повторяется снова и снова. Я случайно наткнулась на это 4 года назад, когда строила себе загородный домик, которому я придала достаточно символическую форму. Естественно, поскольку строительство — крайне увлекательное занятие, я полностью в нем растворилась и каждый день ходила запачканной цементной пылью. Я следила за каждым этапом строительства и, по всей видимости, согласно бессознательному, я уже слишком увлеклась, поскольку однажды у меня был сон о том, что "по ту сторону" есть точная копия дома, который я строила, и мне не стоило про это забывать. Это произвело на меня огромное впечатление, и я рассказала все Юнгу, который, покатываясь со смеху, ответил: "Ну разве это не забавно, ведь у меня был такой же случай!" Он мне никогда про это раньше не говорил, сон приснился мне независимо от него, но он поведал мне, что когда строил башню в Боллингене — которая была очень символичной, он заложил ее по схеме мандалы — ему тоже был сон о том, что "по ту сторону" была ее копия, и он почувствовал, что не следует забывать, если сделать что-то созидательное в реальности, то это будет всего лишь копией, второстепенной моделью того, что находится "по ту сторону", где и останется. Это случилось всего 4 года назад, но за это время у меня было еще три сна, в которых мне снился такой "потусторонний" домик, который был внешне таким же, но обладал какой-то волшебной атмосферой. Каждый раз, когда я представляла его "по ту сторону", всегда в нем случалось крайне важное и существенное событие. Вот еще один пример; можно представить, как, возможно, возникли такие убеждения, так как если бы я желала поверить в сон, то я бы сейчас знала, что мой дом — это всего лишь копия дома онгви "по ту сторону", копию которого я решила построить на земле. Полностью самостоятельно эта идея возникла опять, и, возможно, подобный сновиденческий опыт также побудил индейцев создать такую традицию. "Потусторонний" дом, который мне снился, был, естественно, вечным, дом, который не уничтожат ни огонь, ни вода, в котором можно обитать после смерти; здесь же дом будет естественным образом уничтожен, как и любой дом на земле.

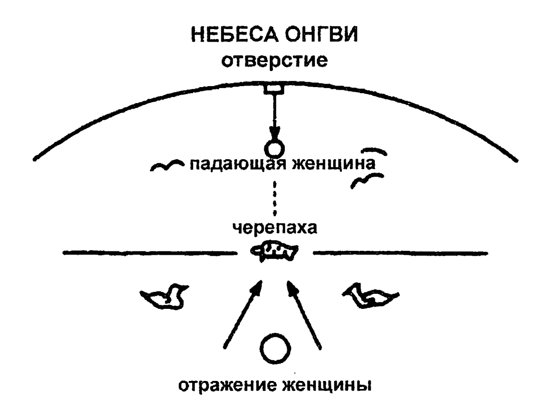
Творение — это внезапное самостоятельное событие, которое, с психологической точки зрения, можно сказать, происходит в коллективном бессознательном без всякой внешней причины. Здесь в проецированной мифологической форме вы можете видеть подтверждение юнгианских гипотез о независимом творчестве бессознательного. С точки зрения фрейдистов бессознательное — если говорить грубо — мусорное ведро, в которое вытесняются и в котором подавляются отверженные содержания сознания и личного опыта вместе с некоторыми архаическими остатками, хотя определение последних у фрейдистов достаточно размыто. Но если все происходит во сне, то обычно пытаются проследить связь с какими-то конкретными внешними событиями, или с детской травмой, или с сознательным представлением, или еще с чем-нибудь внешним. Юнг, тем временем, наблюдая за разными случаями, все больше приходил к выводу, что бессознательное является не только сложной реактивной системой, которая реагирует на внешние ситуации, такие, как сознательные мысли или сознательные представления, но и способно само, без всякой внешней или биографической причины породить что-то новое. Другими словами, оно по своей сути творческое в высшем смысле этого слова. Это значит, что вы можете, например, жить не слишком примечательной жизнью, в которой все выглядит в полном порядке, но вдруг что-то начинает происходить в вашем бессознательном, начинается череда снов, и у вас появляется чувство, что что-то взбалтывается внутри, и вы не знаете почему. Это движение возникает в сознании или как потребность в изменении жизненной позиции, или в расширении сознания, или же как творческий импульс. При этом, естественно, можно говорить о том, что должна быть некая потребность в компенсации. Мы не знаем, например, была ли у ирокезов в момент возникновения космогонического мифа особая ситуация, при которой возникла нужда в компенсации, предоставившей миф. Можно сказать, что это должна была быть реакция на определенную ситуацию, но мы не можем это установить; мы должны придерживаться факта, что миф указывает на

нечто, произошедшее в бессознательном самопроизвольно, без дополнительных на то причин. Во многих космогонических мифах случается так, что вдруг Бог чувствует себя одиноким и решает создать партнера, или, неожиданно, Отец-Ворон осознает себя, или женщина становится беременной среди архетипических существ, после чего в процессе творения выстраивается целый ряд действий. Я лично больше склонна считать, что не нужно постоянно искать внешние причины, ведь фактически человеческая бессознательная душа способна к *creatio ex nihilo* ("сотворение из ничего"); бессознательное может внезапно выдать новый импульс, который будет реакцией при отсутствии раздражителя. В стабильных условиях, возможно, имеет место легкая аккумуляция, накопление где-то энергии, которая перетекает в бессознательное и вызывает такую реакцию. Но в противовес этой теории можно поставить тот факт, что я часто наблюдала людей, преследуемых новыми творческими импульсами в момент крайнего истощения и занятости внешними событиями, не скучающих совершенно, но, тем не менее, говорящих: "Господи, только не сейчас! Мне сейчас не до творчества! Столько всего прочего еще нужно сделать!" Поэтому мне не кажется, что отдача энергии внешним событиям может объяснять этот факт; больше похоже на то, что есть реальный дух-творец в бессознательном, который таким образом проявляется и возбуждает новые возможности.

Если мы обратим внимание на "географию" мифа ирокезов, то сначала мы видим Небо, на котором находятся онгви и древо. Далее вождь делает в нем дыру, и женщина в нее падает. Внизу простирается водная поверхность, возникшая неизвестно как, на которой обитают водоплавающие птицы, которые также уже существовали; они являются такими же непреходящими, как и онгви. На водной поверхности возникает черепаха. Женщина приземляется на ее панцирь, из которого возникает целый мир: сперва птица помещает на него добытую со дна землю, затем панцирь начинает расти сам по себе до тех пор, пока не образовывается плавающая на воде земная поверхность, имеющая своим опорным цен-

тром черепаху. После своего приземления женщина рожает ребенка, который становится началом жизни на земле.

Один из самых интересных моментов в мифе — это увиденное птицей отражение падающей женщины; одна из птиц замечает падающую с неба женщину, пока другая смотрит в воду и принимает отражение за реальный, всплывающий со дна объект. Они видят это в отраженном виде, как будто она приближается и сверху, и снизу. Мотив иллюзии не был бы так важен, если бы не существовало таких космогонических мифов, в которых весь процесс сотворения начинается под землей и представляет собой постепенный подъем на поверхность.

К типу космогонических мифов, где процесс сотворения начинается внизу, а потом медленно доходит до верха, относится очень подробный космогонический миф индейцев навахо, описанный Марией Вилрайт, под названием “История появления”. Я не буду давать все детали мифа, поскольку текст перегружен сложными индейскими именами. Это типично примитивный миф, очень запутанный и трудно понимаемый, со множеством героев и нюансов, не принципиальных для наших целей. Он начинается с истории о появлении. Существуют разные миры, которые появляются один из другого. Первый мир при этом самый маленький.

Повествование начинается в местечке Текучая Смола или Джадо-Конс-Хашджешдзин (Jahdo-konth-Hashjeshjin).

Первоначально там были: Сын Огня, матерью которого была Комета, и Итсэй-Хастин (Etsay-Hasteen), первый человек, сын Ночи, отцом которого был На-доклиз (Nah-doklizh), голубое свечение над зашедшим за горизот солнцем, а также Эстса-эссан (Estsa-assun), первая женщина и т. д. Ее имя было Рассвет. Богом земного мира был Бегочидди (Begochiddy); он есть действительный Бог-творец. Он — великий Бог, матерью которого были Солнечные Лучи, а отцом — Дневной Свет. Этот земной Бог "создал на востоке белую гору, на юге голубую гору" и т. д. Сначала внизу, под землей, он сотворяет что-то вроде космоса, окруженного четырьмя горами по четырем направлениям. Он также создает четыре вида муравьев и несколько жуков. На восточных горах он садит немного бамбука и прочих растений. Потом, через некоторое время, когда вырос бамбук, они все по нему выбираются во второй мир; "Бегочидди вытянул бамбук во второй мир, и Хашджешдзин плюнул в дыру четыре раза, отчего она закрылась, а первый мир загорелся и до сих пор горит". Этот первый мир, созданный рядом с центром земли, был всего лишь временным, и все его жители, животные и боги, вылезли из него, а после сразу уничтожили.

Следствием сушествования огненного мира под землей сейчас являются вулканы.

Теперь эти первые существа оказались во втором мире: "Бегочидди взял принесенную из первого мира землю и создал горы на Востоке, Юге, Западе и Севере, засадил все то же, что и в первом мире, но еще посадил белый хлопок на Востоке, голубой хлопок на Юге" и т. д. [Я опять пропускаю очень большой отрывок, поскольку пытаюсь следовать конкретной линии]. Далее они поднимаются в третий мир, и опять шесть богов создают все живое. Потом они достигают четвертого мира; саранча прогрызает земную поверхность, которая скрывает третий мир в четвертом, который затоплен водой. Благодаря саранче люди поднимаются и селятся в четвертом мире.

Впоследствии, в результате длинного и сложного процесса возникают племенная организация и племенные церемонии. В рисунках на песке племени навахо центр компози-

ции — центр мандалы — это всегда пятно, которое означает место сотворения. Также во всех рисунках, что делает лекарь для лечения, центр — это место появления; в нем началось сотворение, и из него появились эти четыре мира.

У индейцев хопи есть похожий миф. Первоначально люди жили глубоко под землей. На то, чтобы подняться вверх, у них имелись конкретные причины — их было слишком много, они кишели кишмя и постоянно враждовали друг с другом. Поэтому несколько вождей решили предпринять конкретные действия. Они взобрались на сосну, аналог бамбука из сюжета мифа навахо, и достигли другого уровня. Спустя время, во втором мире возникла та же проблема; ситуация становилась невыносимой, и они были вынуждены взобраться еще выше. Так продолжалось до тех пор, пока они не достигли мира, в которым мы сейчас живем.

Эти мифы, возможно, подвергались взаимному влиянию, поскольку данные племена имели определенный контакт друг с другом. В мифе хопи есть один второстепенный мотив падения, который крайне важен: в конце говорится, что, пока другие племена взбирались, они достигли места, в котором восходит солнце, и, как только первая группа людей оказалась в нынешнем мире, отдельные звезды начали падать с неба. "А! — закричали люди, которые только что вышли, — здесь уже кто-то есть", и тогда решили поселиться, не отходя от места, на котором они находились. Основное движение в мифе представляется как перемещение вверх от уровня к уровню, но в конце, когда они выходят на поверхность, падают звезды, таким образом контр-движение также содержится в сюжете, правда, только как второстепенный образ.

В космогоническом мифе навахо боги, которые существовали в первом мире в начале сотворения, были небесными существами, чьи имена обозначали небесные явления: свет на закате, голубой свет, утренняя заря, все цвета, что можно увидеть в небе. Поэтому, несмотря на пребывание глубоко под землей, с точки зрения геологии, в действительности они — небесные боги, в то же время, как онгви из мифа ирокезов ассоциируются с созвездиями.

Так что боги-творцы навахо тоже имели некоторую связь с небесными явлениями, хотя они и пришли снизу. В мифе хопи появление описано как восхождение вождей и людей, пока звезды не упали с неба, и опять здесь присутвует скрытая связь с созвездиями, и, загадочным образом, то, что наверху, подобно тому, что внизу — но это слишком сильно сказано: это лишь указания на то, что находящееся наверху связано с тем, что внизу и наоборот.

Достигнутая или сотворенная поверхность земли в результате процесса падения или восхождения — это то, что на языке психологии можно назвать областью сознания. Юнг представлял сознание чем-то вроде поля, магнитиного поля, так сказать. Как только содержание входит в область сознания, оно попадает в сеть ассоциаций. Если я что-то знаю, тогда это связано с эго-комплексом, через который, в свою очередь, это связано со всеми преходящими сознательными содержаниями моего сознания. Поэтому сознание можно представить как сферу осознания, имеющую своим регулирующим центром эго-комплекс. Как только я говорю: "Я знаю", — что-то входит в область сознания. На самом деле границы между тем, что я знаю и тем, чего я не знаю, весьма размыты. Иногда я знаю, иногда нет, это зависит от силы, с которой что-то входит в осознание эго. То же самое происходит и при чувственном восприятии: если вы целенаправленно слушаете очень высокий звук, то слышите его, но если вы начнете думать о чем-то другом, то внезапно он пропадает, или же иногда вы его слышите, не различая. Если вы тихо включаете в комнате радио, то вы слышите музыку, только когда вслушиваетесь. Но как только вы занимаете свое внимание чем-то другим, то можете даже не знать, включено радио или нет. Таким образом, обычно в нашей сфере осознания существует центр, на котором сфокусирован свет эго-сознания, а вокруг — полутемные пространства бессознательного, про которые, пока оно не войдет в область сознания, можно только и сказать, что это — бессознательное.

В начале я пыталась проиллюстрировать идею: то, о чем мы любим думать, как о "существующем в реальности",

является содержанием нашего сознания. Реальность вне содержания нашего сознания есть и останется неясной, чем-то таким, о чем мы не можем ничего утверждать. Поэтому можно сказать, что поверхность реального мира сответствует тому, что мы зовем областью сознания, сознательного понимания, которое было постепенно создано в результате всех предсознательных процессов, которые в мифах показаны, как восходящее и нисходящее движение.

Сначала в греческой философии, а затем в гностицизме и средневековой традиции душе человека приписывалось срединное место между противоположностями. Например, душа принималась за промежуточное явление между духом и телом, между землей и небом. Юнг использовал эту схему, чтобы показать роль сознания и роль души в своем эссе под названием "О природе психического". Я должна подчеркнуть, что мы абсолютно согласны с тем, что психическое является совершенно неизвестным моментом, который, как и в случае с материей, мы можем только описать как сущность, без всякого определения, что оно собой представляет.

Феномен психического в челевеке, со слов Юнга, мы можем уподобить спектру света, который содержит все цвета радуги. С одной стороны, мы видим, что феномен психического постепенно сливается с физическими, материальными процессами в теле. Психосоматическая медицина сейчас сосредотачивает все свои исследования на этой таинственной пограничной сфере. Мы все больше убеждаемся, что существует связь и взаимодействие процессов психических и физических, что психические реакции могут влиять на физические и наоборот. Без специальных медицинских знаний любому известно, что если выпить большое количество алкоголя, то скоро станет заметно, что он влияет на психическое состояние. Но есть также и обратный факт, который некоторые отрицают, но который в равной степени очевиден. Если вы получите письмо, в котором написано, что ваш лучший друг умер, то вы вполне можете упасть в обморок или побледнеть, поскольку от шока сожмутся артерии. Не письмо, но его содержание подействовало на вас физически; к физической реакции привело то, что было

написано в письме; не чернила и бумага заставили вас упасть в обморок, но смысл сообщения.

Итак, существует взаимодействие, законы и условия которого мы еще не знаем, но, в целом, можем сказать, что это своего рода последовательный переход физического в психическое и наоборот. Должно быть проведено еще немало исследований, прежде чем можно будет сказать, как происходит эта связь. Далее, сравнивая феномен психического со спектром, на одном конце шкалы мы имеем инфракрасную область, где психический феномен медленно переходит в физический феномен. На этом полюсе также находится феномен инстинкта, который кажется очень близко связанным с телесной структурой, как у животных; у нас есть инстинктивные реакции, которые в большей степени выражают себя в мгновенных физических реакциях. Если, например, я делаю движение, чтобы вас ударить, то вы отскочите без раздумий; ваше тело отреагирует сразу. По Юнгу мы определяем инстинкт, как непроизвольное влечение к определенной деятельности; побуждение к фиксированной активности; такие инстинктивные реакции присущи и людям и животным, у последних даже имеются структуры инстинктов, которые в специфических ситуациях реагируют на внешние раздражители всегда одним образом. Однако, мы можем реагировать инстинктивно без всяких сознательных психических процессов. Если на вас едет машина, то вы отпрыгнете и лишь спустя минуту осознаете, что случилось, и почему вы так поступили. Естественно, вы можете все осознавать в этот момент, но это не обязательно так; вы можете отреагировать физически с помощью тела или же с помощью бессознательного.

С другой стороны, на ультрафиолетовый конец спектра Юнг ставит мир архетипов, который сам по себе настолько же таинственен и неизвестен, как химия тела в самой своей основе. Располагая архетипы на этом крае шкалы, он ссылается на них, как на психоидный фактор. Юнг приписывает архетипу психоидный аспект, что означает, что существуют черты, которые указывают на то, что этот аспект не является “только” психическим в узком смысле

слова, и в конкретных своих аспектах превосходит область, которую мы называем психической. Например, когда архетип вознакает в феномене синхронии, тогда мы можем заключить, что его природа психоидна. Архетип, констеллированный в феномене синхронии одним из своих аспектов имеет возможность возникнуть, как некая упорядоченность внешних материальных фактов. Психоидная природа архетипов является для нас сейчас огромной проблемой.

Смущающий факт заключается в том, что есть сильное подозрение, что эти два противоположных полюса на самом деле тайно связаны. То, что на границах психического мы разделяем на два аспекта — это всего лишь две стороны единого реального феномена — X, который мы не можем определить, и который мы должны назвать, например, живой тайной человека. Однако, если мы внимательно рассмотрим феномен психического, то увидим, что существует определенная поляризация. Допустим, средневековый монах переживает видение Девы Марии, переживает экстаз и пишет работу по Мариологии и значении Матери Бога. В таком случае он переживает архетип матери с духовной стороны, как архетип, который обеспечивает эмоциональным и духовным опытом и придает жизни определенное значение. Если этот же монах встречает толстую женщину с явными материнскими чертами, садится к ней на колени, где и проводит остаток жизни, тогда он испытывает архетип матери с инстинктивной стороны. В таком случае это скорее инстинкт; мы можем сказать, он попадает в инстинктивный паттерн мать-ребенок. Я привела такой радикальный пример, чтобы проиллюстрировать, что существует определенный контраст, вековой контраст, который был описан в философии как противоположность духа и тела, руководство духом или инстинктами.

В своем эссе Юнг опять поднимает старую концепцию Пьера Жане о низшей и высшей функциях психоческого, предполагающей, что все наши психологические функции с одной стороны имеют, так сказать, инфракрасную сторону, которая является низшим аспектом функции и оканчивается в соматических процессах, и, с другой стороны, высшую

сторону, которая более менее проникает в область сознания. Возьмем, например, такую реакцию, как любовь: низшей стороной будут являться сексуальные физические импульсы, а высшей — чувства и фантазии, которые которые характерны для влюбленного. Высшая часть имеет свое отклонение в низшем, физическом. Чем ближе мы приближаемся к низшей части функции, к ее инфракрасной части (на примере со спектром), тем больше входим в область, где изменение и определенная свобода реакции — то есть способность все прекратить в середине — больше не могут быть осуществимы. Поэтому в сфере инстинктов существует, как говорят зоологи, реакция "все или ничего". В зоологии широко известно, что если животное начинает инстинктивную деятельность, то часто оно не способно ее бросить в процессе; похоже на механизм, который, будучи запущенным, остановится, лишь когда дойдет до конца. Это и называется реакцией "все или ничего". Если со стороны прервать "активированное" животное, то последует замещенная реакция, в которой, при помощи абреакции, должна получить выход накопленная энергия. Если вы остановите, скажем, двух животных во время драки прежде, чем решение будет найдено естественным путем, победой или поражением одного — тогда животные будут с яростью есть, или с яростью чесаться, или делать хоть что-нибудь, что выражает замещенную реакцию. То же самое происходит, когда вы останавливаете процесс кормежки или спаривания. То есть животное должно, так или иначе, довести процесс до конца, даже если в середине он вдруг становится бессмысленным.

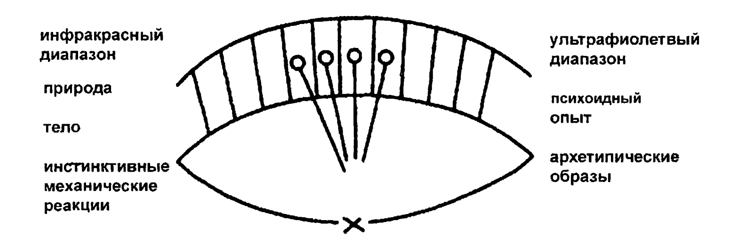
Конрад Лоренц однажды привел великолепный пример про двух птиц, самцов, которые собирались драться, но оба были настолько же напуганы, насколько и агрессивны. Обоими руководила боевая агрессия, и оба были достаточно велики, поэтому боялись друг друга. Так как они были абсолютно одинаковые, то наступило приостановление реакции, полный баланс, который ни один боец не был в силах сломить. Знаете, что они сделали? Они пристально смотрели друг на друга, а потом оба засунули головы под крылья и заснули! Между ними была какая-то неопреде-

ленность, однако они так ни к чему и не пришли. В таком случае появляется замещенная реакция. Поэтому если вы вмешиваетесь со стороны, или если существует равновесие двух инстинктов, процесс не может продолжаться, поскольку есть две одинаково сильные реакции, а это приводит к замещенной реакции. Что-то должно произойти, и тогда начинает действовать третий инстинктивный паттерн. Так два врага, смело стоя друг против друга, уснули.

Прежде в науках о поведении животных считалось, что чем ниже уровень развития животной жизни, тем чаще встречается полностью механическая реакция "все или ничего". Но недавние исследования насекомых показали, что даже на уровне пчел или муравьев уже существует не только реакция "все или ничего", но и определенная доля свободного варьирования. В науке о животных инстинктах, насколько я знаю, сейчас считается неверной идея о том, что низшие животные схожи с машинами или двигателями и руководствуются только инстинктивными установками, и что чем выше уровень, тем большее число вариантов действия существует — начало определенной свободы есть и на низких уровнях. Но, в сравнении с реакциями людей, все реакции животных близки к типу "все или ничего", и только вследствие сильного увеличения силы воли в эго-комплексе реакции людей обладают конкретным количеством свободы. Свобода здесь понимается как субъективный феномен или опыт: свобода выбора. Свободную реакцию невозможно доказать философски, как и ее обратный вариант, но субъективно человек чувствует, например, что хотел бы позавтракать, но по той или иной причине не будет. Человек чувствует, что сделал свободный выбор, даже если после этого философ скажет, что он определялся еще чем-то.

Юнг говорил, что не нашел ни одного архетипа, которому бы не был приписан соответствующий инстинкт. Это подтверждает подозрение о скрытой связи, о которой говорилось выше. Двигаясь в сторону духа, вы переживаете архетипические образы, их волнующий смысл, обогащаете свое внутреннее представление; с другой стороны вы начинаете действия, инстинктивную активность, осуществление

чего-то в физической реальности. Такие крайние проявления не обязательны, обычно человеческое сознание смещается. Можно сравнить человеческое эго с лучом света, который двигается вдоль шкалы, приближаясь то к одному концу, то к другому, а иногда держится в середине. Возвращаясь к прошлому примеру: когда я строила мой дом, импульс к строительству был дан архетипической идеей, которая была у меня в голове, но в процессе я от нее отвлеклась и стала абсолютно похожа на животное, строящее свое гнездышко, пропала в строительном "безумстве", после чего был соответствующий сон, который должен был мне вновь напомнить о "потустороннем" доме. Из-за своего эго-сознания я слишком сильно переместилась к инстинктивному краю шкалы, чего я, по непонятным для меня причинам, не должна была делать. Почему это запрещено, никто не знает, я видела много людей, счастливо выполняющих физическую деятельность и забывающих о другой стороне совершаемых процессов, не имея предупреждающих снов. Таким образом, то, что из себя представляет регулирующий фактор, который заставляет больше оставаться на одном краю шкалы, или больше перемещаться к другому, относится к загадкам процесса индивидуации. Человек должен осознать некую структуру и не нарушать внутренний закон.

Если вы будете помнить этот эскиз психического, то лучше поймете, почему, согласно космогоническим мифам, реальность человека — реальность человеческого сознания — описана, как промежуточный феномен среди двух крайностей. Очевидно, что психоидные архетипы соответствуют онгви в нашем первом мифе. Они — вечные образы,

вечные констелляции, и они падают на человеческую землю; в мифе о появлении эти образы возникают с противоположной стороны. Для того, чтобы узнать разницу между двумя движениями, мы должны разобрать их мифологически, что значит качественно. Вы видели скрытую идентичность, как в центре земли боги на самом деле являются небесными богами, которые, в свою очередь, содержат в себе странный земной компонент. Таким образом, в определенной степени, с одной стороны есть полуматериальные боги, и другие, скорее духовные. Здесь видно слияние противоположностей, или относительная взаимозаменяемость крайностей, что является типичным для всего феномена психического; как только он касается одной крайности, то, сначала скрытым образом, а затем все больше и больше начинает проявлять свое противоположное качество. Так мы говорим о феномене энантиодромии, при котором одно явление переходит в собственную противоположность.

В мифе ирокезов черепаха всплывает снизу: в мифологии их племен черепаха — это дух земли; черепаха на своем панцире держит всю землю. Она имеет такую же роль в индийской мифологии. Существование воды и животных внизу и звездных констелляций вверху очень хорошо согласовывается с этими двумя полюсами психического феномена.

Важно знать качественное различие между сотворением, начинающимся сверху и сотворением, начинающимся снизу. Если во сне сотворение представляется как восхождение снизу вверх, то следует ждать чего-то, нежели в случае с мотивом творения сверху вниз. Я помню сон одного мужчины: приземляется космический корабль, из которого выходит красивая женщина и начинает побуждать его к определенным действиям. Это современная пародия на старый сюжет, в котором к нему спускается онгви. В наше время во снах как раз в роли подобных образов часто выступают космические корабли. В этом случае можно с относительной точностью (по крайней мере исключения мне пока еще не встречались) ожидать, что когда этот опыт появится в сознании (когда этому человеку снился сон, в его сознательной жизни не происходило ничего особенного), то он примет

форму сильно эмоциональной идеи, чего-то такого, что будет воспринято, как озарение, внезапное пробуждение, новое осознание и т. д. Это примет, как мы говорим, эмоционально-психическую форму; тогда как если процесс творения представляется восхождением снизу вверх, то вполне может случится, что первое “приземление” в сознании будет таким, что сновидец выполнит какое-то действие в реальности, символическое значение которого он поймет лишь после свершения. Он внезапно склонится к покупке лодки или дома, или испытает сильный порыв к какому-то действию, а затем, может даже много позже, когда действие полностью будет выполнено, это покажется любопытным и он начнет размышлять о символическом значении. Но сначала будет порыв к совершению действия в физической реальности.

Сотворение, которое происходит сверху, имеет свои истоки в архетипических образах, которые вступают в область осознания. В психологии при творческом процессе происходит все так, как если художник имеет архетипическое знание, интуитивную идею, что, конечно же, еще не означает ее реализацию. Всякий, кто пробовал рисовать, испытывал то, что я называю творческим разочарованием. Внутри у себя человек имеет превосходный образ чего-то, хватаясь, таким образом, с огромным энтузиазмом за карандаш или кисть.

В итоге на листке получается что-то жалкое и несовершенное, неуклюжая копия, ужасно расстраивающая, когда автор сравнивает ее с внутренним образом, который хотел изобразить. Что касается моего личного опыта, то внутренние образы целиком увлекли мое внимание; я, казалось, могла видеть их на листке перед собою. Но на следующее утро, когда я трезво взглянула на то, что нарисовала в реальности, мне это, конечно же, показалось нарисовала в реальности, мне это, конечно же, показалось низкосортными каракулями. Разочарование в такой сильной форме, разумеется, возникает лишь у тех, кто не является художником.

Однако многие художники, с которыми я говорила, уверяли, что их творения на холстах, которые они уподобляли внутреннему образу, никогда не являются хорошими, и, следовательно, всегда вызывали чувство разочарования.

Истинное схождение сверху вниз всегда сопровождается разочарованием. Это легко понять, ведь в мире архетипов человек находится в состоянии инфляции, общаясь с богами. Но эта инфляция необходима, ведь нельзя творить без определенного энтузиазма. Человеку необходима сила, а также импульс, и они нисходят от Бога. Сложность заключается в реализации этой задачи.

Подобное хорошо видно в истории науки, когда речь заходит о великих открытиях. Для ученого является трудным достижением перенести свое представление на бумагу, которая даст возможность представить его коллегам как новую теорию. Вот почему еще на земле существуют так много "потенциальных" гениев. Главным образом, это люди, которые действительно имеют определенные творческие прозрения, но которые слишком ленивы, чтобы побеспокоится и взять на себя немалые трудности, которые необходимы для того, чтобы воплотить эти знания на земле.

Это и есть, так сказать, сотворение сверху. Это означает реализацию архетипических идей, берущих свое начало в бессознательном и рождающихся в реальности по средствам сознания. Это своего рода спуск, деградирование, ухудшение исходного внутреннего представления.

Рассматривая сотворение снизу, можно сказать, что творческая деятельность проистекает в теле. Такие люди страдают от психосоматических симптомов, которые, главным образом, затрагивают те функции, что контроллируются симпатической нервной системой, например абдоминальная область: они страдают от боли в животе, спазмах в желудке и т. д. Для таких людей полезно, если кто-то помогает им выполнять работу, которая не имеет видимого сознательного смысла, например, работать с глиной, брать карандаш или кисточку и водить ими по листу, от края к краю, или просто совершать ритмические движения, как это делал бы ребенок. Тогда движения вполне могут подчиняться воле импульсов.

Все творческие импульсы берут начало в бессознательном, но далее следует качественное различие между тем, откуда они приходят, сверху или снизу. Если им-

пульс приходит сверху, люди переживают его, как идею или вдохновение, которое появляется в их умах в виде мысли или образа. Затем они сталкиваются с проблемой реализации. Если импульс приходит снизу, то он похож на зов из глубин тела, из неизвестного, и часто сопровождается психосоматическими симптомами.

Важно знать качественное различие между двумя формами сотворения. Например, если у пациента во снах присутствует мотив восхождения снизу, то вы должны уделить внимание на тот факт, что если намечается некий инстинктивный порыв к какому-то действию, то пациент не должен его подавлять, также, как и уходить в себя, говоря, что это все лишь символы и он их понимает, так что ему не нужно ничего делать.

Иногда, в целях творческой деятельности, абсолютно необходимым является выполнение какого-то физического действия, и только потом следует получение символического смысла. Если кто-то пропускает этот этап, совершая интроекцию слишком быстро, говоря, что понимает значение, что символически это так-то и так-то, то этот человек упускает эмоциональное потрясение от нового содержания, тем самым не привнося его в свое сознание. Таким образом, при мотиве возникновения снизу, человеку не следует подавлять беспричинный импульс к выполнению некоего физического действия, если только оно не является слишком опасным или дорогим. Разумные ограничения, естественно, существуют всегда.

Что касается противоположного мотива, то анализанда иногда лучше предупредить не зацикливаться — можно говорить, что у него было великое озарение, которое он просто обязан поведать миру, и все в этом роде — но он должен быть открытым для новых озарений, которые его еще затронут.

Неизвестно, почему новое творческое содержание появляется из бессознательного то одним, то другим путем. Но есть одна легкая подсказка, которая может помочь в поиске объективной причины. Однажды мне встретился миф индейцев Северной Америки, в котором великий Бог желал

научить своих людей секретным медицинским знаниям, но не мог добиться того, чтобы они его услышали, поэтому не был в силах передать тайну. Тогда он обучил выдру и передал ей знания о лекарственных травах, медицинских ритуалах, о вигваме для обрядов, а затем выдра обучила этому людей. В этом мифе и содержится та самая подсказка.

Верховный Бог — Меннебош (Mennebosh) — пытается передать что-то людям, но безуспешно, ввиду некой блокировки. В мифе не объясняется, что она собой представляет, то ли люди слишком глупые, то ли еще что; поэтому он обучает *инстинкт*, животное, поскольку другим путем это до людей не донести. Вот почему, возможно, новое знание приходит к нам так, а не иначе, поскольку другие варианты просто являются заблокированными. Духовному может препятствовать догматизм — религиозный, научный или идеологический догматизм. Я говорю о догматизме в негативном смысле слова, о догматичной уверенности, что нечто без всякого обсуждения значит в точности это и это.

Как только сознание человека принимает абсолютно догматичную форму неприятия тайн окружающего мира и психического, то, естественно, один конец нашего спектра оказывается заблокированным. При таком раскладе, как я часто это наблюдала, архетип, который желает быть замеченным, вынужден действовать через выдру.

Так архетипическая констелляция может вызывать физические симптомы. Необходима определенная гибкость, широта взглядов, чтобы получить откровение от духовного бессознательного, но если данный путь блокируется догматизмом, а на фоне существует сильная констелляция, тогда архетип может использовать выдру Меннебоша и какимнибудь образом принести вред телу. Вы не можете глотать, или получаете другой неприятный симптом. Это значит, что ваше тело, ваше животное, начинает пытаться передать смысл.

Я сейчас говорю об анормальных реакциях; к примеру, навязчивая идея мытья, мытье по сорок раз на дню, или что-то в этом роде. Ясно, что люди, которые имеют подобную одержимость, смывают не грязь с рук, а делают

это ввиду своей психической тени. У меня был пациент, интроверт, слабохарактерный мужчина, который находился под влиянием жены, экстраверта, и у него была одержимая идея очерчивать пальцем контур своих ботинок каждый раз, как он собирался выходить из дома. Он сидел, надев свою обувь, и проводил пальцем по кромке ботинок. Несомненно, это значило, что ему следовало прояснить свою позицию.

Ему следовало говорить: "Это моя точка зрения, а это ваша", и концентрировать на этом внимание. Как раз подобное у него не получалось делать, но, будучи интуитивным типом, он позволял себя втягивать во все ситуации, а потом горько об этом сожалел. Одержимость в точности показала, что ему следовало бы делать, обрисовывать контур обуви, но не физически, а на психическом уровне.

Иногда новая реализация, если она необходимая и очень важная, возникает и внутри и снаружи. Допустим, есть некий молодой человек, который все еще пребывает в юношеской двуполой констелляции, и больше даже гомосексулен, но не имеет подобного опыта. Я часто встречала, что такой молодой человек видит сны, в которых переживается приход анимы в мыслях, со всеми видами внутренних реализаций анимы, в то время, как во внешнем мире он переживает первую любовь. Так он встречается с анимой с обеих сторон, в проекции на женщину из внешнего мира, как внешнюю физическую встречу, и, в то же время, как первую внутреннюю реализацию женского принципа. Это верно не только для такой ситуации. Я часто наблюдала, что если констеллируется новая важная реализация, то она обычно возникает и снаружи и изнутри, что впоследствии можно назвать синхронией.

Теперь я хочу затронуть мотив, который встречается в мифе ирокезов, а именно, что женщина, или даже несколько женщин, являются главными фигурами в процессе сотворения. Миф начинается с того, что женщина становится беременной на небе; затем другая девушка становится беременной и падает вниз. Снова рождается девочка; и только потом появляется мужской аспект в процессе творения, только в третьем поколении женщина рожает близнецов,

которые затем становятся Творцом и анти-Творцом, двумя противоположными созидающими силами. Но перед появлением мужских образов следует длинная серия женских. Также необычным фактом, в сравнении с космогоническими мифами нашей цивилизации, является то, что с неба спускается женское, не мужское.

Если мы бросим взгляд на многие другие космогонические мифы, то увидим, что в разных вариациях существуют оба эти типа. Нельзя при этом сказать, что один главнее другого. Более продуктивным бы был вопрос: "Существуют ли качественные и психологические различия между этими двумя типами?" Можно ли найти в подобных цивилизациях другие подсказки, найти в подобных цивилизациях другие подсказки, которые бы объяснили или бог?

Известная аналогия содержится в египетской мифологии, где Богиня Неба, Великая Богиня-Мать, Нут, олицетворяет весь небесный купол. Она покрывает всю землю, огромная корова, на животе которой констеллированы все звезды, или же женская фигура, больше самой земли, согнутая вдоль нее. Богом Земли является Геб, муж Нут.

Вопрос, почему представитель земли здесь — мужское божество, а то, что мы привыкли воспринимать, как мужское, Бог Неба, является женским божеством, сложно объяснить. Я думаю, что если мы станем рассматривать египетскую цивилизацию в целом, то одна из самых шокирующих ее характеристик будет та, что я зову конкретность идей. Самые примитивные, первобытные, и даже наиболее развитые цивилизации, лишь с несколькими исключениями, все верят в жизнь после смети, но только египтяне позаботились об обеспечении бессмертия путем мумификации и возведения таких огромных погребальных помещений, в которых они проиллюстрировали каждый шаг прохождения мертвым подземного царства. Идея бессмертности индивидуального затрагивалась и понималась не только религиозно, но выражалась и материально.

В культуре многих цивилизаций Бог, если он пребывает в статуе или идоле, должен поддерживаться человеком, кровавыми человеческими или животными жертвоприноше-

ниями или каждодневными молитвами. Но ни одна цивилизация не шагнула дальше египетской, в которой заботились о статуях своих богов в удивительнейшей мере. Существовал утренний ритуал a levee du roi (букв.: прием у царя), когда статуи богов пробуждали, купали, смазывали, потом относили к Нилу и чистили, затем опять смазывали и относили обратно в храм, где уже была готова жертвенная пища, и так далее. Конкретность религиозной идеи здесь ушла намного дальше, чем у других цивилизаций, которые я знаю.

Чтобы представить, какой была египетская доктрина, я представлю текст, фрагмент папируса, в котором описывается химические процессы бальзамирования. Известно, что сперва извлекались кишки и мозг, после чего труп на долгое время помещался в раствор натрия и соли. Это придавало ему защитные свойства, и после этого труп смазывался определенными маслами и обертывался специальными лентами. В папирусе, который сейчас хранится в Каире, но который был найден в Фивах, содержится текст, который дает практические инструкции по мумифицированию тела. Начало текста утеряно, в остальном говорится: "Во-первых, нужно дважды смазать голову свежим маслом [особого растения] и, затем, сказать: "О, Осирис [далее следует имя умершего], это масло взято из Пунта, чтобы источаемый тобою аромат стал еще прекраснее, аромат божества, чтобы на тебя могли снизойти потоки от бога Солнца Ра, и тогда твоя душа поднимется в божественный мир. Масло поможет Хору встретить тебя".

После уши и нос также пропитывались маслом, а потом, следуя инструкциям, нужно было разложить внутренние органы по четырем канопам, затем пропитывалась маслом внутренняя полость тела. Во время этих процессов должен был читаться текст (сейчас он считается утерянным). Далее тело переворачивалось, и его спину также пропитывали маслом. Во время всех этих процессов лицо покойного должно было быть обращенным на восток.

На ногти на руке покойного накладывалось золото, при этом произносились следующие слова: "О, Осирис [снова произносится имя умершего], ты получишь твой ноготь

в золоте, твои пальцы в благородном металле, ногти на ногах в янтаре. Выделение Ра подступает к тебе, воистину божественные члены Осириса. Ты идешь на своих ногах в дом вечности и поднимаешь свои руки к месту бесконечности. Ты совершенен в золоте, ты ярко сияешь в металле, и твои пальцы блестят в Доме Ра и святилище Хора". Далее в тексте уже не встречается слово мумия. Когда речь доходит до умершего, то употребляются слова "этот бог". Говорится: "Нанесите [такую то и такую мазь] на этого бога", и т. д. Мумификация предназначалась для того, чтобы придать покойному божественные и бессмертные свойства; это было обожествление и наделение вечной жизнью личности, однако каждый шаг выполнялся абсолютно точно. Эта поразительная конкретизация феномена, который обычно в других религиях является скрытым, невидимым.

Существуют шаги в сторону подобной конкретизации в самых примитивных религиях, магическая конкретизация, но она никогда не осуществляется в такой мере. Если вы окажитесь в Долине Мертвых, напротив Луксора, где находятся погребения египетских правителей, и войдете внутрь, то увидите, что вдоль бесчиленных проходов и помещений рисунки на стенах иллюстрируют то, что должна пройти душа покойного, прежде чем она достигнет Ба, вечной звезды на небе. Опять же, каждый шаг описан на потолке погребальной комнаты. На них показано то, что мы называем процессом индивидуализации. Можно выделить каждый этап, если только вы достаточно знаете сравнительную символику. Я думаю, что эту конкретизация вещей, которые мы будем звать духовными и религиозными идеями, можно объяснить тем фактом, что в Египте земля является мужским принципом, а небо, которое мы рассматриваем, как духовную реальность, является женским.

То, что мы рассматривали, как материальную действительность, египтяне, странным образом, либо игнорировали, либо относились к ней, как к чему-то преходящему, незначительному. К примеру, не смотря на то, что они тратили массу средств и сил на строительство храмов и гробниц, свои частные дома никогда не делали долговечными. Их

дома рушились спустя двадцать-сорок лет после строительства. Отношение к земной жизни было достаточно нематериальным, она почти полностью игнорировалась. Весь акцент делался на то, что мы зовем духовной реальностью, потусторонним миром, содержаниями бессознательного. Следовательно, здесь наблюдается странное изменение в восприятии жизни: для нас этот мир, наше физическое временное существование является реальностью, а все другое кто-то, конечно, и считает действительным, но большинство рационалистов полагают это воображаемым.

Когда Юнг путешевствовал по Египту, он был поражен этим фактом и сказал одному гиду, который до сих пор водит туристов в гробницы и, похоже, является достаточно мудрым человеком, что несколько странно, почему египтяне не заботились о постройке себе приличных жилищ, но изо всех сил пытались сохранить погребения на вечность. Гид улыбнулся и с типичной восточной мудростью и рассудительностью ответил, что в одном из этих домов вы живете семьдесят лет, а в другом целую вечность, так что не более благоразумным было бы строить для вечности? Он до сих пор имел такое же отношение к жизни, согласно которому жизнь была лишь незначительным эпизодом; наша нынешняя жизнь и материальное существование являются скоротечными и хрупкими в сравнении с архетипическими образами и идеями, которые для египтян были полностью реальными. Индейцы Северной Америки, особенно ирокезы, как мне кажется, имеют подобную тенденцию в своей религиозной позиции, поскольку — хотя это и не сравнить с египетской традицией — они имеют ту же склонность рассматривать временную земную жизнь, как нечто маловажное, и делать акцент на духовные содержания.

Таким образом, я пытаюсь подчеркнуть то, что если мифологическая концепция определяется, как мужская и женская, небесная и земная, то существуют психологические ограничения вне абсолютной реальности и значения в себе; это всего лишь символические ограничения. Если говорится, что нечто является земным, то мы не должны понимать это, исходя из того предрассудка, что мы называем земным,

но просто должны понять, что значит земной, а именно: появление в сравнительно конкретной форме.

Итак, почему же именно богиня Нут, женщина, олицетворяет небо? Что это значит с практической точки зрения? Я уже истолковывала, что собой представляет Геб, но еще не интерпретировала значение Нут. При чтении египетских религиозных текстов поражает их огромная поэтическая и эмоциональная экспрессивность. Эмоциональные свойства текстов технически подкрепляются большим количеством повторений. Побуждение к повторению одного предложения по двадцать или тридцать раз выражает интенсивность эмоций. Люди, которые эмоционально захвачены историей или идеей повторяют ее бесконечно и не могут прекратить о ней говорить. Таким же образом, если человек перенес шок — попал, например, в автокатастрофу — то вы просто вынуждены его сторониться, иначе вам придется слушать историю его катастрофы по двадцать раз на дню. Это есть средства для выхода сильного эмоционального импульса при помощи абреакции.

В текстах индейцев Северной Америки и в египетских текстах существует поразительное сходство в этом отношении, а именно необычное нагромождение красивых прилагательных и эмоциональная повторяемость. Те, кто читал египетские религиозные тексты или религиозные тексты североамериканских индейцев, понимают, о чем я говорю. Таким образом, как мне кажется, то, что мы зовем божественой сферой идей Платона, сферой логосов, для тех людей больше было эмоционально-чувственным опытом. Поэтому это больше вопрос установления эмоционального переживания, атмосферы связанности по отношению к тем содержаниям, которые обычно по признаку являются фемининными и, с точки зрения психологии мужчины, принадлежат аниме.

Итак, там, где мы имеем духовное небо, египтяне имели больше эмоциональную атмосферу религиозных переживаний, а где мы имеем определенную реальность, у них была, в нашем понимании, духовная.

В структуре космоса египтян выше Богини Нут существовал Бог Солнца Ра, который перемещался на своем

корабле вдоль ее спины. Мы также не должны забывать, что в мифе ирокезов тоже существовало множество мужчин и женщин онгви, а выше еще было древо Онодсча, древо света. И опять выше женского принципа находится мужской. Эти структуры следует принимать, как характерные для того, что близко к сознанию и наиболее от него удалено, хотя и не в абсолютном смысле.

Возвращаясь к космогоническому мифу эскимосов, вы можете вспомнить, что в небесах Отец-Ворон был человеком; единственным физиологическим отклонением была шишка на лбу, которая позже стала клювом. Шишка превратилась в клюв только когда он решил спустится вниз, в пропасть — которая соответствует дыре в небе в мифе ирокезов — после того, как он соорудил себе клылья из прутьев дерева и превратил себя в ворона. Это очень неясная история, поскольку позже, на земле, он уже не ворон, а человек в маске ворона: в определенный момент, когда он смеется, узнав, что появился человек, поднимает маску и показывает свое человеческое лицо; потом он ее снова опускает. Это показывает то, что даже после превращения в ворона, он втайне все еще остается человеком. Поэтому ворон — это скорее маска или покрывающая его оболочка. И только воробей в обоих мирах не меняет своего обличья. В индейском мифе о Меннебоше, который хотел передать мудрость племенам алгокуинов, не мог донести это до их сознания, поэтому обучил выдру, которая вышла из воды и обучила людей.

Сходные характеристики этих мифов показывают, что иногда контакт с потусторонним миром и тем, что мы зовем реальностью, осложнен, и не всегда определенные содержания могут пересечь порог сознания, оставаясь неизменными; они должны претерпеть некоторые изменения. Это иногда сравнимо с ситуацией, когда вы просыпаетесь утром и помните, что у вас был сон, который был необычайно загадочным, цветным и наполненным эмоциями и всевозможными нюансами. Однако то, что вы занесете на бумагу, после того как включите свет и возметесь за карандаш, будет незначительным фрагментом, который нисколько, казалось

бы, не передает богатство бессознательного переживания во сне, привкус которого еще остается у вас во рту, но вы уже не можете его полностью вернуть. Из-за некого порога вы не можете его перенести. У вас могут быть сны, в которых проливается свет на решение проблемы, вы очень ясно все понимаете, а потом, утром, вы можете только вспомнить, что ночью нашли замечательное решение, но ничего больше не помните.

Когда мне было шестнадцать или семнадцать лет, я билась над решением математической проблемы, и однажды во сне мне явилось решение; я проснулась с мыслью, что все сейчас же нужно записать, иначе завтра я это забуду. Поэтому, даже не включая свет, чтобы не потерять мысль, я взяла карандаш и записала то, что я считала решением, превозмогая свое сонное состояние, а после легла в постель, успокоенная тем, что записала на бумаге. Утром я проснулась с прекрасным чувством и счастливая подошла к столу, и что же в итоге я нашла? Дрожащим, фактически неразборчивым подчерком было написанно: два — это три! Это была одна из самых мерзких выходок моего ночного духа, которые он со мной когда-либо вытворял! Известно, что математические открытия часто случаются по средствам подобного внезапного откровения. Генри Пуанкаре говорил о нескольких таких переживаниях, они были и у других математиков, поэтому вполне вероятно, что в моем бессознательном я видела что-то реальное, но все так и осталось за порогом.

Эта сложность перехода существует еще и потому, что наше сознание устроенно так, чтобы представлять вещи в пространственном и временном порядке, что не действует на содержания в бессознательном, где они существуют одновременно. Адольф Гуггенбюль-Крейг провел интересный эксперимент. Он поместил записывающее устройство рядом с кроватью, с целью записывать ночью свой пересказ снов в полусонном состояние, а утром, не прослушивая записи, садиться за стол и записывать сны обычным способом. Ему интересно было знать, искажаем ли мы свои сны. Насколько мы их меняем, записывая на бумагу? В итоге не было силь-

ных изменений, лишь некоторые детали были утерянны или переделаны, но поразительным было то, что на записи время было искажено. Например, ему снилось, что он был в церкви и делал определенные действия, а после он шел в церковь. Утром, записывая сон, он автоматически его переделал, записав, что он шел в церковь, в которой уже совершил свои действия. Таким образом, в сознательном состояние он расставил события в естественном порядке вещей, которого не было на записи, в которой последовательность событий была полностью искаженной.

Следовательно, мы можем работать с гипотезой о том, что в бессознательном существует, как это называет Юнг, относительность времени и пространства и временная и пространственная одновременность всех содержаний. Это аналогично определенному мистическому опыту. К примеру, Якоб Бёме, великий мистик, получил внезапное откровение, глядя на оловянную тарелку, на которой отражался солнечный луч. Это ввело его в экстаз, и он увидел то, как он выразился, что является великой тайной космоса. Все его хаотические записи и ужасный стиль — это всего лишь попытки занести в пространственно-временные рамки этот единственный опыт, который он получил, который настиг его в одну секунду! И, хотя он не слишком в этом преуспел, весь остаток жизни он пытался этого добиться, уместить знание в слова, чтобы оно стало доступным для сознания. Это качественное различие между вещами в бессознательном и ими же, уже переступившими порог сознательного, возможно и создает проблему порога. Если бы две системы психического, сознания и того, что мы зовем бессознательным, были одинаковыми, то для содержания не было бы никакой трудности перейти из второго в первое. На пороге сконстеллирована определенная проблема, и это также находит свое отражение в мотивах космогонических мифов.

В примере с Вороном, преодоление порога является обеднением: в потустороннем мире Ворон полностью представляется человеком, но на земле может иметь, по крайней мере внешне, только облик птицы, хотя внутри сохраняет человеческие свойства, свойства небесного человека. Обед-

нение происходит, лишь когда он пересекает порог. У ирокезов мать и ребенок вновь становятся одним существом пересекая порог — это тоже стоит рассматривать как регрессию — только одна фигура, в то время как в потустороннем мире они дифференцировались. С другой стороны, позже некое раздвоение происходит и в земном мире, который можно воспринимать как сферу сознания.

Феномен порога может быть найден не только в космогонических мифах: это обычный мифологический мотив, который встречается и в других мифах, сказках, эпосах, в которых по сюжету весьма сложно попасть в потусторонний мир. Герой должнен выполнить определенные условия. Во многих мифах и сказках есть трудность не только в том, чтобы добраться до потустороннего мира, но и сложность возвращения обратно. Очень часто, например, герой доходит до иного мира, встречает там прекрасную женщину, но, возвращаясь обратно, засыпает, и враги вновь похищают его сокровище. Хорошим примером является Гильгамеш, который находит траву бессмертия, и, затем, как раз в момент неосознанности, когда он принимает ванну, добычу похищает змей. Это и есть проблема порога, это возвращение назад чего-то, что было найдено в потустороннем мире. Обычно трудность возникает между сферой сознания и бессознательного, в перемещении содержания из одной из них в другую.

Со стороны философии, особенно в экзистенциализме, часто возникает возражение о том, что мы говорим о бессознательном, как если бы оно существовало на самом деле, в то время как учение о нем является пограничной, или вообще неподтвержденной теорией. Они считают, что мы совершаем такую же ошибку, как если бы мы философски взяли концепции о бытии и небытии, а потом внезапно стали считать концепцию о небытии конкретной реальностью. Подобная простота мышления уже досаждала Пармениду. Юнг и сам поднимает этот вопрос и детально его разбирает.

Можем ли мы говорить о бессознательном, как о чем-то реально существующем, ведь оно лишь выражает все, что не является сознательным? Мы с уверенностью можем сказать,

что каждое содержание является либо бессознательным, либо сознательным, но можем ли мы утверждать, что это реально, и говорить о бессознательном, как если бы оно было ens reale (лаг. истинно сущее), чем-то существующим? Тем не менее, тот самый факт, что содержание, которое преодолевает порог сознания и становится бессознательным, меняет свои качества, как и в обратном случае, является одной из причин, по которым мы можем представить бессознательное определенной средой, тем самым говоря о его существование.

Если я роняю что-то, и, после поднятия, я чувствую, что предмет мокрый, тогда я могу с уверенностью предположить, что внизу есть вода, и порог в этом случае не воображаемая линия, но воздух, между рукой и водой. Тоже самое и с психическими содержаниями. Когда они забыты или подавлены, то они не сохраняются в той же форме; они начинают изменяться в бессознательном, и наоборот: когда они входят в сознание, то снова количественно видоизменяются. Это отображается в данных мифах. Таким образом, можно говорить о бессознательном как о реальной среде, как о психической реальности, и это не будет наивностью, с точки зрения философии, или принятием абстрактного за действительное. С другой стороны, как раз из-за феномена порога возникает убеждение в реальности бессознательного. Когда эти подорванные содержания пересекают порог сознания, мы должны амплифицирофать их (обогатить!) снова, для того, чтобы понять.

Ассоциирование вокруг мотива означает погружение его обратно в бессознательное; вы расслабляетесь и даете волю эмоциям, впечатлениям и воспоминаниям, которые у вас возникают с этим мотивом. Главное здесь уделить особенное внимание эмоционально-чувственной стороне, не определениям. Последнее можно делать в случае необходимости, но это не существенно; следует пытаться вернуться в исходное богатство и яркость, которыми обладали образы. Поэтому мы и амплифицируем, и такой способ является правильным. Амплификация означает возвращение за порог в бессознательное так далеко, как это возможно, и оживление, вос-

становление всех этих эмоциональных переживаний, чувств и своих реакций на какие-либо моменты. Например, если вам снится такая-то улица, то будет недостаточно просто сказать, что была улица, на который вы жили ребенком. Это хорошо, что речь идет о детских воспоминаниях, но вы должны попытаться ощутить чувство, которое испытывали, когда выходили из дома. На что была похожа эта улица, и как вы ее воспринимали? Какие запахи ее наполняли? Только тогда вы узнаете, что значили образы. В противном случае, вы совершенно не ассоциируете сон должным образом, поскольку должны воссоздать именно богатство, яркость, которые присутствуют в бессознательном и теряются при переходе в сознание.

Затем, согласно нашему подходу, когда это сделано, когда мы обогатили сон и вернули его в эмоциональную форму, в которой он возник, мы должны сформулировать интерпретацию, которая означает, что мы пытаемся, из контекста, восстановить главное послание сна, его смысл. Теперь можно использовать другой метод — нашу западную абстракцию — пытаясь поместить смысл сна в предложение или оболочку.

Я помню, что когда мы с Юнгом занимались интерпретацией снов, он позволял нам интерпретировать каждый кусочек сна, каждую сцену, а затем, расхаживая взад и вперед, говорил: “А сейчас, пожалуйста, скажите нам, одним предложением, о чем говорится во сне! В одном предложении!” Это является самой сложной частью интерпретирования; теоретически, послание должно звучать настолько просто, что попадает прямо в самую точку и передает свой изумительный смысл. Если вы тыкаете наугад и говорите, что это связано с тем то и тем то, и, кажется, значит то или это, вы находитесь на верном пути, но сообщение вами еще не получено. Вы еще не добрались до самого сердца сна, который, подобно письму или телеграмме, не просто закидывает вас образами, а содержит в себе конкретное послание, которое он должен передать.

При амплификации вы удовлетворяете эмоциональные запросы бессознательного и личности, но не сознательной

личности, не укрепляя, также, эго-комплекс, если вы не выполняйте этот второй шаг, который полностью противоположен первому, а именно извлечение простого, понятного сообщения. Если выполняются оба шага, то мы правильно обходимся с несочетаемостью сознательной и бессознательной личности. Так совершается синтез посредством интерпретации снов. Мы должным образом оцениваем феномен бессознательного, и то же самое мы также стараемся делать и в отношении сознательной части личности.

Существует проблема порога, определенная граница, где требуются очень большие усилия, чтобы свести вместе два содержания. Из физики мы знаем, что две частицы с одинаковым зарядом друг от друга отталкиваются, за исключением случаев, когда они силой вынуждены приблизиться друг к другу, преодолев некую пространственную грань; тогда происходит противоположное — они сцепляются с огромной силой. Например, вы видите в своей чашке кофе пузырьки. Среди них вполне могут быть такие два, которые кружатся в одном месте, но постоянно отталкивают друг друга и не могут слиться в одно целое; но потом, в один миг, они врываются друг в друга и становятся одним большим пузырем. Я считаю это наглядным примером того, что происходит с бессознательными и сознательными содержаниями. Эго-копмлекс имеет определенную тенденцию отталкивать комплекс бессознательного; чтобы они слились, необходима определенная сила.

Затем возникает явление их слияния и обогащения, что-то вдруг становится понятным. Правильная интерпретация внезапно озаряет и оживляет вас. Каждая удачная интерпретация оказывает животворящее действие на сознательную личность, оживляющий эффект. Предположим, у вас во сне возникают ужасные страшные фигуры, и вы вынуждены осознавать, что они — часть вас.

Даже такой депрессивный сон со своим печальным сообщением оказывает оживляющий эффект, конечно, если вы поняли его правильно, поскольку теперь вы, по крайней мере, знаете, где кроется проблема, и почему вы постоянно спотыкаетесь на определенных проблемах во внешнем и

внутреннем мире. Таким образом, может, вам это и не понравилось, но свое знание вы уже имеете! Это все равно является животворящим эффектом, даже если для вас сон был неприятным. Существует напряжение и внезапное слияние между сознательными и бессознательными содержаниями. Я считаю, что феномен порога в этих и других космогонических мифах отображает именно эти психологические явления.

Глава 4. Мотив двух творцов

Мы приближаемся к проблеме порога, когда начинаем разбирать близнечный мотив, или, скорее, мотив двух творцов, поскольку они не всегда являются близнецами. В мифе ирокезов, о котором говорилось выше, женщина родила девочку после того, как оказалась на земле, и эта девочка позже забеременела от духа черепахи; во время родовых схваток она услышала голоса близнецов, говоривших в матке. Один другому сказал: "Мы выйдем через этот, более короткий путь". Второй ответил: "Нет! В таком случае мы убьем нашу мать! Нам следует выбрать другой путь, тот, через который позже будут появляться все люди. Мы будем двигаться вниз". Первый уступил, и второй сказал, что отныне так должно быть всегда. Так случился их первый раздор. Второй сказал, что будет пробираться за братом, но тот ответил, что должно быть наоборот. Они опять начали ссориться, но в этот раз второй уступил. Он повернулся и вылез наружу головой вперед. Бабушка взяла его на руки и сказала дочери ждать второго ребенка, но тот появился не обычным путем, а из подмышки. Его макушка была в форме острого куска кремния, ею он прорезал себе выход из тела матери. Это ее убило. Бабушка в ярости закричала: "Ты убил свою мать!" Но тот начал обвинять брата, настаивая на этом так сильно, что, в итоге, бабушка взяла невиновного близнеца и выкинула его в заросли, в то время как другой стал ее любимым внуком, с которым она няньчилась и о котором постоянно заботилась. Затем она взяла тело мертвой дочери и сотворила солнце, луну и другие светила. Близнец, которого выкинули, пришел в себя и начал расти, став положительным творцом по имени Ребенок Клена (*Maple Sprout*), который был в постоянной вражде с Тавискароном (*Tawiskaron*), своим братом.

Существует стандартный эпос, в котором Ребенок Клена сотворяет людей, кукурузу, все полезные растения, а также обучает человека земледелию; Тавискарон ему пытается подражать, но сотворяет только крокодилов, комаров и прочих вредоносных существ. Он также пробует сотворить человека, но получается нечто демоническое, не способное даже ходить. Таким образом, он уничтожает все сотворенное Ребенком Клена. В конце этого замечательного мифа ирокезов развязывается финальная битва между близнецами, в которой они охотятся друг за другом по всей земле, и, в итоге, хороший побеждает плохого, изгоняя его с бабушкой за восточную границу земного мира, где тот становится богом мертвых. Он становится богом царства мертвых и потустороннего мира, в то время, как Иоскеха, Ребенок Клена или Отиронтонджия (*Oterongtongia*) (в разных версиях встречаются разные варианты, но смысл один и тот же) является истинным творцом и богом-спасителем племени.

Такое предельное деление на хорошее и плохое выделяет данный миф из числа других мифов о двух творцах, его нельзя сравнивать с мифом о Христе и Антихристе, поскольку противопоставление добра и зла в первом случае слишком сильное. Он исключительный и странный. Обычно один из творцов более светлый, а второй более темный, один, скорее, мужчина, второй — женщина, один более деятельный, а второй более неповоротливый или ленивый. Но противоположности не имеют такого сильного противопоставления с точки зрения этики. В некоторых случаях оно может быть совсем маленьким. Я хочу привести в пример миф, который взят у племени ачимави.

Вначале везде была вода, и небо было ясным, но однажды на небе образовалось облако, которое затем уплотнилось и превратилось в Койота. Возник туман, и из него появился Черно-бурый Лис. Они вместе начали думать, и, думая, они сотворили лодку, после чего сказали: "Мы можем здесь остаться и жить в лодке, как если бы она была домом". Так они дрейфовали на этой лодке многие годы, но она стала старой, покрылась водорослями, более того, они

порядком заскучали сидеть в ней все время. "Иди ляг", — сказал Лис Койоту, и тот сделал это. Пока Койот спал, Лис расчесал свои волосы, сохраняя очески. Когда их стало много, он скатал их, растянул и разгладил в руках. Сделав это, он положил их на воду и начал разбрасывать, пока они не покрыли всю поверхность воды. Затем он подумал: "Здесь должно быть дерево", и оно было там. И так же он сделал с кустами и камнями, и утяжелил тонкий слой камнями, так чтобы он не колебался и не покрывался рябью, плавая, носимый ветром. И так он сделал то, что должно было стать миром.

Затем каноэ мягко подплыло к краю, и это был мир. Тогда он крикнул Койоту: "Вставай! Мы тонем!" И Койот проснулся и огляделся. И над его головой, когда он лежал, висели вишни и сливы. И на поверхности мира он услышал пение сверчков. И тут же Койот начал собирать и есть вишню, сливы и сверчков. [В этих племенах Койот играет роль трикстера, крайне прожорливого и непотребного]. Потом Койот сказал: "Где мы? Что это за место, куда мы пришли?" А Лис ответил: "Я не знаю. Мы просто здесь. Мы подплыли к берегу". И все же он все время знал, но не говорил, что создал мир. Он не хотел, чтобы Койот знал, что мир был его творением. Затем Лис сказал: "Что будем делать? Здесь твердая почва. Я пойду на берег и буду жить здесь". Так они и поступили. Лис построил себе потельню и жил в ней.

Этот мотив, как мы видим, отличается от других мотивов о двух творцах, поскольку в нем один из творцов вносит свой вклад лишь тем, что спит и пытается съесть сотворенное, в то время как второй выполняет всю творческую деятельность. Это напоминает о нашем первом мифе, в котором шла речь о воробье и вороне; ворон совершает всю творческую работу, но там, где первым побывал воробей. Воробей несколько активнее Койота, поскольку он, во всяком случае, по просьбе Отца-Ворона спускается вниз и исследует землю, оказывая тем самым помощь; но кроме этого он также никак не участвует в сотворении. Однако при этом в конце говорится: "Так Отец-Ворон создал землю, но

воробей побывал на ней первый". Данная фраза в конце рассказа звучит так, как-будто именно воробей является более древней и значимой фигурой, несмотря на всю свою бездейственность в процессе творения.

В мифологии многих племен Койот является богом-трикстером *par excellence*. Материал по этой теме можно найти в книге, написанной К. Кереньи, Г. Юнгом, П. Радином и посвященной теме трикстера. В своих комментариях Г. Юнг интерпретирует Койота, как некую теневую фигуру, чья функция заключается в уничтожении консолидации сознания. Сознание имеет некую врожденную тенденцию замыкаться в себе и поддерживать свою неразрывность, что происходит при его работе естественным образом. Но крупным недостатком при этом является то, что постоянно исключается все иррациональное, недифференцированное, лишнее. Поэтому в бессознательном существует необходимость в обратной деятельности, такой, которая бы постоянно разрушала консолидацию коллективного сознания и, таким образом, держала двери для наплыва новых творческих импульсов открытыми.

Творческие люди часто имеют прочное и сильное эго-сознание и обычно нуждаются в некотором толчке извне — в депрессии, эмоциональном подъеме или даже болезни — чтобы войти в состояние, в котором они могут творить. Я выделила два типа таких людей: первый тип можно назвать богемным. Он встречается, в основном, в среде художников, которые, фактически, живут в постоянном *abaissement du niveau mental* (понижение умственного уровня). Они обитают в богемном окружении, не подчиняются многим социальным правилам общества и постоянно живут в мире Койота, Трикстера, и, можно сказать, беспрерывно открыты для новых вдохновений. Но есть и иной тип творческих личностей, люди, которые, не смотря на свой талант, преуспели в обществе и нарастили себе сильное эго-сознание. Такие люди, в основном, прежде чем они начнут творить нуждаются в сокрушительном переживании. Это неизбежно, но если человек знает о том, что его ждет, то, естественно, как только появляются первые симптомы

творческой болезни, он начинает двигаться ей на встречу, осознавая, что в скором времени что-то должно произойти. Так человек может защитить себя от приближающегося натиска тени и бессознательного, имея возможность им противостоять. Не случайно Юнг, к примеру, написал "*Ответ Иову*", книгу, которую он считал своей лучшей, над которой работал лежа в постели с довольно высокой температурой; по окончанию работы над рукописью он встал и очень быстро пришел в нормальное состояние. Но для этого была необходима подобная форма *abaissement du niveau mental,* для того, чтобы произвести эту творческую работу. Написание книги — достаточно эмоциональный и волнующий процесс, поэтому болезнь была необходима, чтобы вывести из себя интенсивно работающее в обыденности сознание. Есть еще множество примеров подобного рода. Бетховен и Гёте — два типичных представителя двух типов творческой личности: Бетховен, который постоянно жил вблизи от бессознательного, ведя беспорядочную богемную жизнь, и Гёте, которому, напротив, всегда нужно было влюбляться и испытывать сопутствующий любви кризис, прежде чем он мог закончить новую работу.

Комментарий Юнга об образе Койота касается не только космогонических мифов. Изумительно, что в космогонии ачимави бог-трикстер присутствует с самого начала. Можно бы было сделать предположение, что сначала не было подобной фигуры, а был просто творец, и что лишь только спустя время, когда замкнулось в себе, в нем возник из бессознательного компенсирующий образ трикстера, чтобы повернуть вспять затвердевание сознания. Но, несомненно, как видно в этом и некоторых других мифах, которые я собираюсь рассказать позже, это не так. Базовое стремление к обратному, чему-то, что действует согласно эмоциям, настроениям и кратковременным волнениям и обратное стремление к упорядоченному сознанию представляют две грани двойственности сознания, которая существует с самого начала. Она возникает с самого начала в виде двух противоположных импульсов, как, например, когда человек вытягивая свою руку, напрягает две мышцы, одна из кото-

рых сжимается, а другая делает обратное действие. Поэтому можно сказать, что с самого начала сознания происходит так, что если есть *да*, по отношению к сознанию, то есть также и *нет*, стремление к противодействию и созданию обратной позиции.

Прежде чем продолжить разбор проблемы двойственного творца, я хочу рассказать некоторые другие мифы, в которых фигурируют два создателя. Родственное ачимави племя майду, также живущее в северной части Калифорнии (два племени, возможно, оказали друг на друга определенное влияние), имеет следующий миф: Творец Земли плавал в воде. Он был погружен в размышления и подумал: "Мне интересно, как? Где? И в каком месте я найду мир?". "Ты силен, поскольку представляешь этот мир", сказал Койот. И далее рассказчик добавляет: "Откуда взялся Койот, в мифе не говорится". Очевидно, что Койот, как и Творец Земли, является вечным. Затем Творец Земли и Койот планируют, как они смогут создать мир вместе, и т. д. Я не буду вдаваться в детали этого повествования. В космогоническом мифе индейцев пима также присутствуют два творца. Первый появляется из облака, как и Чернобурый Лис, и создает мир из частей своего тела. Его зовут Земной Шаман (*Earth Doctor*; *Earth Magician*), и с самого начала он имеет соперника, которого зовут Старший Брат (*Elder Brother*). Эти два творца снова друг другу враждебны, как в мифе о Ребенке Клена и его брате, поскольку Старший Брат постоянно пытается погубить и уничтожить все, что сотворил Земной Шаман (*Earth Doctor*). Индейцы оджибве, которые входят в состав племен алгонкинов, верят в верховное божество Киччи-Манито, при этом существуют еще два творца на земле, Меннебош и Выдра. Таким образом, также есть два бога-творца, но существует третий, что находится над ними, оставаясь на небе и не участвуя в процессе сотворения.

Другое калифорнийское племя имеет следующий космогонический миф: В начале была только вода и тьма. По водной поверхности плыл плот; он приплыл с севера и двое сидели на нем: Осма, черепаха, и Пипейпи (*Pepeipe*). Затем с неба распустилась веревка и по ней спустился Посвя-

щенный Землей (*Earth Initiate*). Его лицо было полностью скрыто, а тело светилось, словно солнце. Он спустился, но долгое время ничего не говорил. Наконец, черепаха сказала: "Откуда ты пришел?" Посвященный Землей (*Earth Initiate*) ответил: "Я пришел сверху". Затем они втроем начали вместе создавать мир. Здесь их теперь действительно трое, но в начале, пока Посвященный Землей не спустился, чтобы начать процесс сотворения, двое богов на плоту просто дрейфовали по воде.

Можно найти иногда такую же констелляцию в космогонических мифах индейцев Южной Америки. К примеру, миф племени мундуруку из Центральной Бразилии выглядит так: В начале везде была лишь тьма, и из нее вышли двое людей. Одного звали Кару, а второй был его сын по имени Райру. Они были одного возраста, никто из них не создавал другого, но оба возникли одновременно. Когда они шли, Райру споткнулся о камень, выдолбленный, как горшок, и стал бранить его. Кару, отец его, велел Райру взять этот камень с собой. Райру послушал отца, взвалил камень себе на голову и понес. Но камень начал расти во всех направлениях и становиться все тяжелее. Тогда Райру сказал отцу: "Камень уже слишком тяжелый". Камень все рос и рос, и Райру уже не мог идти, а камень становился только больше. Но затем он принял форму горшка, который дал форму небу, на котором возникло солнце. Кару ненавидел своего сына за то, что тот знал больше его — сын был мудрее отца. Однажды Кару пустил стрелу в дерево и попросил сына подняться за стрелой, втайне надеясь, что тот умрет. Затем следует долгая история битвы, но Кару так и не удалось убить сына.

Мотив вражды между двумя творцами встречается также и во многих африканских аналогах. Следующий африканский космогонический миф рассказывается в племенах басонге: Нколе (*Nkolle*) и Фиди Мкулу (*Fidi Mkullu*) поссорились (последний является божеством, которое встречается во многих африканских историях, своего рода верховное божество этих племен; Нколе, как рассказывает история дальше, является старшим сыном Фиди Мкулу). Нколе ска-

зал: “Я все сотворил!” Фиди Мкулу сказал: “Нет, это я все сотворил!” Нколе сказал: “Я могу сделать все что угодно!” Фиди Мкулу сказал: “Ладно, тогда иди вниз и управляй людьми”.

Нколе сошел вниз и стал великим лидером среди людей. Он руководил ими, но человечество заболевало. Он не мог им помочь. Они страдали, но он ничего не мог сделать. Люди сказали: “Избавь нас от боли!” Нколе этого не мог. Люди умирали, и, умирая, просили: “Избавь нас от страданий!” Нколе не мог им помочь. Он вернулся на небо. Люди обратились к Фиди Мкулу: “Ты должен быть нашим лидером”. Тогда Фиди Мкулу излечил несколько людей, другим же помог умереть быстро. Люди сказали: “Ты наш истинный правитель и остаешься нашим лидером”. Нколе был старшим сыном Фиди Мкулу. До тех пор, пока он был хорошим, его имя было Мвиле (*Mwile*), но когда он стал плохим, он стал носить имя Нколе Нфуле (*Nkolle Nfule*). Фиди Мкулу наслал болезни только потому, что Нколе стал плохим.

Еще один космогонический миф племени басонге: Коломбо муи фанги, или Коломбо, создал себя сам. Мвиле (*Mwile*), верховный бог этого племени, сказал людям: “Люди постоянно говорят о Коломбо муи фанги. Я хочу лично его увидеть”. Люди пришли к Коломбо муи фанги и сказали: “Мвиле желает тебя видеть”. Коломбо ответил: “Я приду”. Затем он призвал всех животных и затеял очень долгое путешествие к верховному богу, Мвиле. Когда он, наконец, прибыл, Мвиле спросил: “Кто ты такой?” И Коломбо ответил: “Я — Коломбо муи фанги, тот, кто сотворил себя сам”.

Мвиле сказал: “Это не так; я создатель всего”. Мвиле взял горсть земли, смочил своей слюной, слепил человека, поставил его на землю, и тот стал обычным живым человеком. Коломбо также взял горсть земли, смочил своей слюной, слепил человека и поставил его на землю. Получился такой же живой человек. Тогда Мвиле сказал: “Сделай так, чтобы твой человек говорил!” Коломбо ответил: “Сначала заставь говорить своего”, и сказали они это друг другу трижды. Они спорили, кто первый должен дать

своему человеку дар речи. В конце концов, Мвиле обратился к своему человеку: “Говори!”. И человек заговорил. Коломбо обратился к своему человеку: “Говори!” Но тот лишь начал шевелить губами, но не говорить. Мвиле сказал: “Я собираюсь уничтожить своего человека”. Он коснулся руками своего творения, и человек умер. “Теперь и ты убей своего”. Коломбо муи фанги коснулся созданного им человека, и тот тоже умер.

Мвиле сказал: “Вижу, что ты можешь, но сейчас зайди в дом и закрой дверь. Я сожгу его, и тогда будет видно, кто ты есть на самом деле, ибо если я всему дал жизнь, то я могу это все уничтожить”. Коломбо и пришедшая с ним живность вошли в дом, тогда он сказал двум животным: “Сделайте в земле дыру прямо до моих земель”, — и птице, — “отложи на землю несколько яиц, прежде чем мы уйдем по подземному тоннелю”. Таким образом, он втайне покинул пылающий дом через подземный ход, а яйца, которые оставила в доме птица, нагрелись и взорвались, и Мвиле, стоящий снаружи, сказал: “Отлично, теперь Коломбо сожжен”. Когда дом сгорел дотла, Мвиле начал искать в пепле кости Коломбо, но нашел только скорлупки. Затем один человек сообщил ему, что Коломбо муи фанги сбежал со всей живностью в свои земли.

Следующий космогонический миф, который рассказывают в племенах балуба, начинается так: Кадифукке (*Kadifukke*) сказал Фиди Мкулу (*Fidi Mkullu*): “Меня создал не ты”. Фиди Мкулу сказал: “Я создал землю, я сотворил все. Почему ты считаешь, что тебя создал не я?” Кадифукке ответил: “Меня создал не ты. Я сам появился из земли”. Тогда Фиди Мкулу обратился к своему сыну: “Дойди вместе с Кадифукке до дерева”. Кадифукке с сыном Фиди Мкулу подошли к пальме, и начали сражаться. (Я пропускаю этот момент, поскольку он не относится теме космогонических мифов). Кадифукке почти, но не полностью убил своего противника. Затем Фиди Мкулу разгневался на Кадифукке, заточил его в дом и попытался сжечь. Кадифукке сбежал, как и в предыдущем мифе, через подземный проход. Когда Фиди Мкулу осматривал пепел, пришел че-

ловек и сообщил, что тот не сгорел. Фиди Мкулу пошел и увидел Кадифукке все еще живого. Затем Фиди Мкулу сказал Кадифукке: “Я белый, а ты черный”. Л. Фробениус, тот, кто записал этот миф, отметил, что люди не понимают этой последней фразы. Если их спросить, что значат слова Фиди Мкулу “я белый, а ты черный”, то они ничего не смогут пояснить. Они лишь пожимают плечами.

Миф о двойственном творце есть и у африканского племя масаи. В нем Черный Бог и Красный Бог спорят о власти. Красного Бога зовут Наитирукоп (*Naiterukop*), он — основатель земли, но, как говорится в племени, не такой сильный, как Черный Бог. Так мы видим, что один творец может быть младше другого, хотя при этом он остается творцом. В Униоре можно также найти бога двойственного творца; помимо него существует еще Брат Бога и Первый Человек. Есть Верховный Бог и существующий одновременно с ним его брат, которого зовут Нкайя (*Nkya*), и который попросил Бога сотворить мир. Бог не начал бы делать этого сам, но Нкайя, его брат, попросил приступить к сотворению, которое тот затем и начал. Этот миф также можно найти и у племени масаи, как говорит Герман Бауманн.

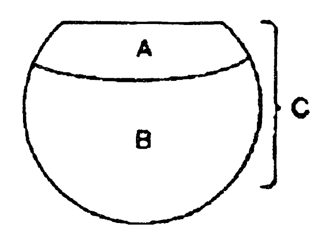
Мотив скрытого творца дал начало теории, изложенной Максом Шмидтом, известным этнографом, которого, как я считаю, представляют в ложном свете. В миссионерских и этнографических записях о примитивных племенах пишется, что Верховный Бог когда-то существовал, но позднее был замещен политеистическими божествами. Как видно из нескольких примеров, которые я привела, в некоторых мифах о двойственном творце существует такая идея, что один из творцов более великий, старший и более пассивный — Бог, который не участвует в сотворении, но остается на заднем плане — в то время как в других мифах сотворение выполняется фигурой, которая позже удаляется на небо. Изумительная частота этого мотива побудила Отца Шмидта предположить, что когда-то был исходный монотеизм, что монотеистическая религия когда-то существовала даже у язычников, но затем медленно, путем все большего вырождения религиозного, монотеизм был замещен полите-

истическими системами. Для тех, кто смотрит на эти мифы с психологической точки зрения, достаточно ясно, что мы не сталкиваемся здесь с пережитками исторического развития, и, в тоже время, нет причины что-либо додумывать для того, чтобы объяснить феномен. Скорее всего, мотив двойного творца является архетипическим, поскольку встречается по всему миру.

Я бы могла привести в пример некоторые индийские или гностические аналоги, но сосредоточилась именно на мифах коренных американцев и африканцев, поскольку в этом случае их истории более живые и красочные. Тем не менее, они встречаются по всему миру. Даже в Китае есть мотив двойственного творца. По всему миру наблюдается некая тенденция приписывать акт сотворения кому-то одному, тому, который затем удаляется и остается за пределами, в то время как второй вступает в акт творения. Мне кажется довольно ясным, что это архетипический мотив, который описывает отделение индивидуального сознания от бессознательного; вместе оба представляют предсознательную целостность. Следовательно, встречая подобные мифы, мы не имеем никаких причин предполагать, что в более раннее время существовал "единый Бог", как его описывает Шмидт. Это проекция в историю психологического фактора.

В примерах, которые я привела, есть два мотива, которые я хочу проиллюстрировать в рисунке, поскольку сложно объяснить, что происходит в этих мифах. Было бы легче объяснить, если бы мы нацепили на них ярлыки эго-сознания и тени, что допустимо, поскольку, определенно, в каждом индивиде эти две фигуры будут частично соответствовать такой классификации, однако я назову одну фигуру предсознательной целостностью (С) — вся фигура одновременно — которая является тем, что Шмидт бы назвал единым Богом. Хорошо видимое на этой фигуре пятно, А, представляет сознание, или я бы даже назвала это архетипическим стремлением к сознанию. Стремление к сознанию можно принять за "сына" предсознательной целостности, С, но, в тоже время, они оба существуют в естественном единстве, поскольку это стремление к сознанию возникает

из всеобщей целостности. Вы видите, что рисунок сам по себе уже вводит в заблуждение, поскольку он иллюстрирует двойственность, но это стремление к сознанию естественным образом является неотъемлемым от всей фигуры. И лишь только когда оно начинает проявляться, возникает определенная разница между А и В.

Этот контраст формулируется по-разному. Сначала имеются две одинаковые фигуры. Затем, как, например, в африканских сказках о Кадифукке и Мкулу, где оба утверждают, что они создали себя сами, и подвергают испытанию силы друг друга, доказывается, что оба одинаково сильны, и ни один не может уничтожить другого — Мкулу пытается уничтожить Кадифукке, но не может. Они сравнительно одинаковые творцы, но:

1. Один более активный, другой более пассивный.
2. Одни знает больше, другой знает меньше.
3. Один более человекоподобен, другой менее человекоподобен.
4. Один предстает в образе сына, другой — отца.
5. Один скорее мужчина, другой скорее женщина.
6. Один добрый, другой злой.
7. Один обращается к жизни, другой обращается к смерти.

1. Это лишь относительное различие; согласно мифу о Лисе и Койоте — один спит, а другой действует.
2. В южно-африканском мифе, к примеру, говорится, что Райру, сын, знал больше, чем его отец, Кару, и это стало причиной, по которой отец пытался его уничтожить.
3. Один более человекоподобен, другой менее человекоподобен. Мы видим это в мифе эскимосов, где воробей на протяжении всей истории не имел никаких человеческих

признаков, в то время как Ворон является человеком, который лишь временно принимает облик ворона.
4. Тот, что более активный, имеет образ сына, а другой, наоборот, образ отца — еще одна дифференциация, которую можно встретить в африканских и южно-американских мифах.
5. Контраст мужское-женское будет одной из конечных дифференциаций, но я собираюсь уделить этому особую главу.
6. Контраст добрый-злой может проявляться в разной степени. К примеру, в мифе ирокезов, в мифе о Нколе и Фиди Мкулу, а также в некоторых других мифах он может стать действительно масштабным. Интересно, что в одном из африканских мифов тот, кто является сыном, позже становится злым, хотя вначале оба были добрыми.
7. Один становится богом живых, другой — богом мертвых.

Один является частью относительно более человеческого аспекта божественной природы, другой менее человеческого. Когда я говорю об образе сына и образе отца, то не следует думать, что сын возник позже отца, поскольку отец и сын, как однозначно показано в мифе, существуют одновременно; поэтому не стоит думать, что отец начал существовать раньше, а сын позже. Различие, которое подразумевалось, выражено тем фактом, что если рассмотреть ряд, к которому принадлежит тип сына или человека, то все эти характеристики показывают стремление к творению человеческого сознания — активная деятельность, рост знания, ставка на доброе против злого, более человеческое и творческое начало. Поэтому если мы вернемся к нашему рисунку, то одна часть будет характеризовать стремление к сознанию, а другая, пассивная, та, что знает меньше, злая, образ отца, менее человекоподобная, будет предсознательной целостностью, взятой отдельно. Отец и сын находятся в родстве по тому признаку, что каким-то образом один появился из другого, но, в действительности, согласно некоторым мифам, каждый создал себя сам, и оба существуют вместе всегда с самого начала.

Здесь появляются трудности, но люди, которые имеют некоторое теологическое образование, сразу увидят, что

такой же тип архетипической констелляции можно найти в христианском учении о Христе в качестве Слова, которое с самого начала отождествлялось с Богом и служило ему, так сказать, как инструмент творения. Христос, в качестве вечного Слова, инструмент творения. Христос, в качестве вечного Слова, возник задолго до своего появления на земле в качестве Сына, и уже был в мироздании и даже даже являлся творческой активностью Отца. Следовательно, в христианской мифологии Логоса мы можем узнать структуру той же архетипической констелляции, которая присутствует в примитивных мифах. По-моему, все они пытаются описать посредством символов тайну — которую мы никогда не будем способны открыть — почему существует сознание, и почему сознание отделилось от бессознательного, или всегда было с тем, что мы сейчас зовем бессознательным, и всегда существовало в нем. Можно только сказать, что в каждом человеке мы сталкиваемся с одним и тем же фактом, а именно, с предсознательной целостностью, в которой все уже заключено, включая сознание, но, в тоже время, и что-то вроде активного стремления к обустраиванию обособленного сознания, которое затем иногда возвращается обратно к предсознательной целостности и говорит: "Я не был создан тобой; я сам себя сделал". Это показано в африканском мифе, где Фиди Мкулу и Кадифукке или Нколе спорили о том, кто сам себя сделал, и спор так ничем и не завершился.

Таким образом, пытаться обсуждать, что было первым, сознание или бессознательное, все равно что спорить о том, что было первым, курица или яйцо. На самом деле, если делать краткий обзор разных мифов, то оба совершают относительно синхронное появление.

До тех пор, пока нет сознания, нет никакого смысла в слове *бессознательное*, такого просто не существует! Поэтому, как только мы начинаем говорить о феномене сознания, то формулируем контр-аспект, бессознательное. По существу, они являются одновременно возникшими феноменами, которые не возникли друг из друга в ходе времени, но существовали с самого начала в качестве двух равных

стремлений в психическом. Кроме того, мифы, в которых два творца сравнительно равны, и которые просто спорят о том, кто был первым, без намека на этику в своем споре, появились в примитивных племенах. Подобные истории также имеют характерный оттенок туманности и неясности, как, к примеру, в рассказе, в котором Лис плывет в воображаемой лодке по океану, а затем сотворяет мир из волос, которые собрал с тела. В племенах с большим культурным развитием наблюдается стремление создания мифов, в которых фигура сознания обладает положительными и добрыми чертами, в то время как другая фигура описывается отрицательной и разрушительной. Элемент этики, который входит не в каждую сказку, но появляется лишь на определенном этапе культурного развития, как мне кажется, отображает более *высокий (higher)* уровень сознания, в том смысле, что в нем есть некая дифференциация этического осознания, и, следовательно, в этом отображен определенный прогресс сознания.

Мне кажется, крайне важно еще раз обратить внимание на обычные примитивные мифы, в которых два творца не имеют противопоставления с точки зрения этики, поскольку в наше время мы склонны переоценивать сознание. Мы действительно достигли уровня, когда односторонним образом думаем об одном, как об исключительно положительном факторе, а о другом, как об исключительно отрицательном. Но, возвращаясь к этим примитивным мифам, мы видим, что проблема доброго и злого, проблема отношения сознания и бессознательного, взаимосвязи между активированием сосредоточенного сознания и оставанием в туманной, пассивной, почти инстинктивной бессознательной целостностью является намного более сложной проблемой, которую невозможно просто отсечь, деля все на доброе-злое. Обе стороны действительно имеют положительный и отрицательный аспекты. То, что мы находим в сновидениях современного анализанда, очень часто соотносится к этому мотиву более, чем, например, к нашей контрпозиции Христа и Антихриста, доброго сына Бога и злого, который является специфической позицией. Мы даже видим, что в некоторых

из примитивных мифов наблюдается стремление создать часть, которая обычно является злой, но лучшей из двух: пассивное, призрачное, которое даже не вступает в сотворение является Верховным Богом, который уходит на небо, а более активный, иногда скорее разрушительный, Люцифером, который сбегает из предсознательной целостности.

Здесь акценты расставлены в несколько непривычной для нас форме, и я думаю, мы должны узнать об этой относительности двух, для того, чтобы лучше понять природу человека. Китайский даосизм, а также китайское направление дзен-буддизма, к примеру, ставит акцент полностью на предсознательную бессознательность с ее туманными инсайтами и с всеобщим туманным осознанием вещей, что возвышаются над любым культурным сознанием со всеми его этическими и культурными показателями. Огромный конфликт в Китае между Конфуцианством и Даосизмом также основан на этой двойственности, так как Конфуцианство подчеркивает важность социального и этического порядка и поведения, а Даосизм всегда делает акцент на предсознательное самоосознание целостности, как на очень важную вещь.

В Даосизме человек стремится стать настолько бессознательным, насколько это возможно. Конфуцианец, с другой стороны, не отвергает жизнь и пытается приспособиться к ней согласно политической или другой позиции. С юнгианской точки зрения, можно сказать, что это есть, в известной степени, конфликт между экстраверсией и интроверсией. Слишком сильные интроверты склонны отрицать действительность и наделять особой важностью отношение к бессознательному. Экстраверты, напротив, уделяет больше внимания внешнему миру и сознанию. Вероятно, очень важно уметь не впадать в одну из крайностей, поскольку мы всегда содержим в себе обе стороны. Таким образом, мы имеем обоих творцов в нашей душе, и мы должны понимать, что оба бога содержат и "за" и "против" в себе, и это является неразрешимым парадоксом человеческого существования. Я затрагиваю эти крайности только лишь для того, чтобы показать, что это мотив двух творцов включает

одну из самых глубоких проблем человечества, а именно сомнительность развития культурного сознания в человеке.

Двойственность бога-творца вкрадывается даже в нашу традицию посредством того факта, что космогонический миф в Библии был объединен в одну версию из двух: текст, в котором Яхве является единственным творцом, и вторая версия, в которой творец именуется как Элохим. Глагол, описывающий действия Элохима, используется в единственном числе, ***хотя окончание слова*** *Элохим* ***множественное***. Если в нашем рисунке Элохим будет отождествлять предсознательную целостность, то все становится ясно, поскольку эта предсознательная целостность представляет многообразие в том смысле, что она показывает целостность сознательного и бессознательного и, следовательно, включает все архетипы; это множество, включающее всех богов — Элохим — и это одна вещь, поскольку это предсознательная целостность. Поэтому противоречивое сочетание глагола в едиственном числе и существительного во множественном — это действительно замечательный способ выразить то, что представляет собой предсознательная целостность, а именно единую множественность, которая, так сказать, не тождественна, но и уже тождественна Яхве, активному творцу. Таким образом, две части нашего рисунка также тождественны; вы не можете разделить их, их две, но они являются одним, два аспекта одной и той же вещи.

В гностицизме существовало несколько течений, в которых считалось, что вначале существовал Элохим, верховный бог, который был добрым и одухотворенным. Он не участвовал в сотворении, которое, на самом деле, осуществлял злой Яхве, который считался зловещей фигурой. Это объясняло, почему творение является злом, и поэтому, согласно учению гностиков, Иисус возник, чтобы освободить людей и привести их души обратно к Элохиму, к верховному и доброму богу, который никогда не участвовал в сотворении. Так мы можем видеть, что в противоположность нашему чрезвычайно положительному определению творения (т.е. сознания), даже в те времена было другое определение, согласно которому тот, кто является пассивным и остается

в стороне, является положительной фигурой, а тот, что активный, осуществляющий творение, является злой и деструктивной силой.

Эта идея гностиков основана на восприятии реальности как чего-то отрицательного. Те, кто чувствует, что творение и человеческая жизнь представляют собой тотальный провал, который не должен был случиться, и кто считает печальным, что существует такая вещь, как реальность, в которой мы живем — те обязательно будут относить негативный аспект к творцу мира. Возможно, в этом гностическом мифе есть некоторая доля дальневосточного влияния; в буддийском учении реальность рассматривается, как нечто губительное, также как и эго-сознание. Цель жизни — вырваться из этого. В других цивилизациях также есть некоторая тенденция оценивать сотворение как скверную ошибку, которая не должна была случиться, что это была тень Бога, которая заставила его заняться творением, и что если бы он сознавал, что делает, то не создал бы жалкую реальность. Когда доходит дело до чувственного или этического определения творения, то это, на самом деле, полностью зависит от человеческого фактора.

В китайском даосском мифе, который я буду обсуждать далее, боги, которые представляют собой сознание, определенно злые, а те, которые представляют бессознательное — добрые. Скрытый смысл этого космогонического мифа, следовательно, таков, что сотворение является катастрофой. Оно не должно было случиться. Для Запада эта идея кажется довольно странной. Но если мы попытаемся взглянуть на это с точки зрения животного мира, когда человек еще не выделился из животных, в эпоху неолита, к примеру, когда группы людей бродили вперемешку со стаями животных, тогда легко можно представить, что творение в то время не было таким разрушительным, каким оно бывает сейчас. Это особенно важно, когда сознается тот факт, что из-за развития человеческого сознания, мы способны уничтожить все формы жизни на планете, включая животную и растительную жизнь. Если бы мир был уничтожен таким образом, что вполне может случиться, то мы тогда должны сказать,

что открытие природой человеческого сознания (поскольку человеческое сознание не является результатом деятельности человека, а скорее природа и история нашей собственной эволюции заставила нас достигнуть этого сознания) на самом деле катастрофа. Тогда было бы доказано, что творение человека, а именно сознательного человека, было катастрофой, бедствием, ужасным творением, которое с точки зрения самой жизни, не должно было бы лучше случаться вообще.

Это, конечно, крайний случай, рассмотрение которого должно заставить нас вздрогнуть или пробудить сомнение в нас самих, что, возможно, сознание не является чем-то хорошим. Скорее, что оно также и нечто опасное. Некоторые расы испытали это с большей силой. Мы вернемся к теме демонического сознания и демонического аспекта сознания позже.

В моем рисунке образ отца психологически характеризует целостность предсознательного психического, в котором сознательное и бессознательное являются одним и где активный, более творческий тип соотносится со стремлением формировать более освященную область сознания, медленно эволюционируя из предсознательной целостности. Предсознательная целостность очень часто в мифах становится впоследствии богом мертвых, как, например, в мифе ирокезов о Ребенке Клена и его злом брате, Тавискароне. Последний изгоняется с земли и уходит на Восток, где живет с Матерью Земли в потустороннем мире, окруженный льдом. Он является великим богом, к которому направляются мертвые. Поэтому можно сказать, что они возвращаются к предсознательной целостности, к отцу, когда покидают реальность и область сознания. Эту модель можно также найти в африканских космогонических мифах, к примеру, в том, где фигурируют два творца, Красный и Черный: Черный, который является богом мертвых, оставаясь вне творения, и Красный, бог-творец. Мертвые возвращаются к Черному. Здесь он не описывается, как злой, но, подобно Осирису в Египте, просто бог мертвых, бог ночи, потустороннего мира. Смерть — это не конец жизни, но является иной формой существования в потустороннем мире. Там

мертвые продолжают жить с Черным богом, или же, другими словами, в предсознательной целостности.

Близнечный мотив не ограничивается космогоническими мифами. Существует огромное число эпосов, где встречаются такие пары, как Гильгамеш и Энкиду. В этих мифах два героя имеют некоторое сходство с двумя творцами, поскольку один, в общем, представляется как темный тип, как Энкиду. В мифе о Гильгамеше и Энкиду можно обнаружить, что Гильгамеш связан с солнечным богом, а Энкиду первый спускается в нижний мир. Энкиду больше связан со смертью; он раньше Гильгамеша уходит в земли мертвых, является более *старшим* и обладает более архаичным, животноподобным характером. Следует предположить, что эта двойственность является основным законом всех психологических проявлений и не возникает только в происхождении сознания, как в космогонических мифах, но и где угодно. У офитов существует, например, идея двух спасителей; говорится, что было двое Адамов, первоначальный человек, который был сотворен до начала времен (то есть бессознательный человек), и человек, который посредством гнозиса (сознание) был возрожден духовным человеком и стал идентичным с первым человеком. Один из текстов офитов говорит, что перед их храмами стояли две идентичные статуи человека, представляющие первого Адама, который был до начала всякого развития, и одухотворенного человека — *anthropos pneumatikos* — который выглядит в точности как и первый Адам. Здесь снова встречается мотив двух: первый — это бессознательный человек в предсознательной целостности, и второй — духовно возродившийся человек, который достигает этой целостности, но в сознательной форме.

Юнг определяет психическое, как сознательно-бессознательное единство. Для него слово *psyche* значит единство сознательных и бессознательных процессов. Дуальность также относится к проблеме психического и материи. Они оба возникают в психологической сфере, как характеристики сознательных содержаний. То есть, если мы скажем, что что-то представляет духовные содержания психическо-

го, включая психологические содержания, которые не относятся к материальной реальности, или если мы говорим о чем-то, что имеет материальную реальность, обе вещи могут восприниматься только через психическое; одно мы характеризуем, как материальную реальность, а другое, как духовную или психологическую реальность.

Если вникнуть в суть проблемы, то единственной непосредственной реальностью, которую мы можем понять, является психологическая реальность; мы не можем выйти за пределы наших сознательных содержаний, но мы склонны характеризовать определенные содержания в нашем сознании, как материальные или духовные. И материальная реальность, и духовная реальность, в конечном счете, являются трансцендентными, но трансцендентными не в философском или теологическом смысле; в юнгианской терминологии трансцендентный значит переступающий пределы сознания, переступающий пределы осознания сознательного: эти содержания *unanschaulich* (не поддающийся наблюдения) — термин, взятый из физики. Четвертое измерение, к примеру, будет *unanschaulich,* то есть, мы не можем формировать внутренний образ, наглядное представление о нем. Его реальность может быть высчитана математически; то есть, мы достигаем этой реальности с помощью процесса логических выводов, но мы не можем ее представить, поскольку не имеет непосредственного внутреннего образа. Это справедливо также и для архетипов, которые сами по себе просто *unanschaulich.* "Мы не имеем представления, что они собой представляют; то, что мы можем наблюдать — это архетипические *образы*, исходя из которых, мы можем заключить, что должны существовать такие вещи, как архетипы, сами по себе которые мы представить не можем". Следовательно, со слов Юнга, в своей первичной природе архетипы являются *unanschaulich,* как и материя, поскольку последняя имеет четвертое измерение. Бессознательное психическое является *unanschaulich* поскольку психическое и его образы являются единственной реальностью, непосредственно данной нам, единственной реальностью, которую мы можем непосредственно наблюдать.

Физик Вольфганг Паули цитировал это объяснение Юнга и добавил к нему несколько поясняющих моментов. Я беру это из лекции, данной Паули к восьмидесятилетию Юнга. В ней Паули говорит, что не факт, что нельзя представить (т.е. иметь образ о) материю или дух, поскольку это имеет логические сложности, но что имел в виду Юнг, говоря, что психическое "дано непосредственно" (дано a priori)? Как может сознательное-бессознательное единство быть дано непосредственно? Физик, если он смотрит на это простодушно, может сперва предположить, что сознательные содержания даны непосредственно. То, что уходит по ту сторону, кажется физику сомнительным, поскольку он спрашивает себя, может ли то, что уходит по ту сторону, иметь материальный аспект. Я урезала аргумент Паули и дала лишь суть его утверждения. Это, на самом деле, не критика, но лишь дополнительное суждение, а именно, что это сознательно-бессознательное единство также включает физический мир, то есть, мир который физик может наблюдать посредством определенных микрофизических процессов. Далее он говорит, что если вообразить бессознательное в оппозиции к материи, то бессознательное слишком сильно отделяется от материального аспекта реальности. Я думаю, что Паули в этом утверждении не противоречит Юнгу, поскольку последний утверждал, что материальность — это всего лишь характеристика вещи на субъективном уровне; таким образом, мы говорим про определенные вещи, как материальные, но не можем непосредственно доказать их существование.

Я беру это в рассмотрение, поскольку проблема предсознательного сознательно-бессознательного единства, которую на вышеприведенном рисунке можно обозначить, как круг без разграничительной черты внутри него, будет включать в себе всю реальность, не только психическую, но и физическую. Данная проблема все еще остается открытой, и это только гипотеза, которая помогает нам думать об этих факторах. То, что мы не можем уйти от базовых структур предсознательного-сознательного единства, проиллюстрировано в одной из теорий о происхождении космоса, в которой мы опять находим близнечный мотив. В физике существует

космогония, разработанная Йорданом и Дираком (Дирак несколько разошелся с Йорданом, поэтому в некоторых деталях существуют определенные различия) в которой они отталкиваются от идеи, что весь космос возник из сдвоенных частиц — из двух электронов. Не существовало ни пространства, ни времени; пространственно-временной континуум возникает только при наличии содержания. В микрофизике также известно, что не существует ни одного типа частиц, которые бы не имели античастиц.

В этой космогонии — проецированной на материю — можно заметить ту же идею двух творцов. Хотя в этом случае она появляется, как естественная научная идея, в этой новой форме все равно можно легко заметить стоящую за идеей все ту же архетипическую структуру, поскольку дуальность как сознательно-бессознательных содержаний, так и частиц и античастиц, имеют изумительный параллелизм. Поэтому не удивительно, что встречается этот мотив двойственности в попытках человека описать базовые процессы, по средствам которых осуществляется наше осознание реальности.

Однако мне следует заметить, что взятый нами рисунок в некоторой степени сомнителен, поскольку иногда, выделяя что-то и отсекая определенные аспекты с целью прояснить другие, может случиться переоценка, поэтому рисунок любого рода является несколько неправильным. Таким образом, я хочу, чтобы приведенное мною воспринималось только в качестве относительной иллюстрации; к этому я еще вернусь несколько позже.

Сейчас я бы хотела привести в пример отдельный сон о проблеме творческого, для того, чтобы дать иллюстрацию и приблизиться к более практической области проблемы, а также показать, как это все происходит в реальности. В этом примере также будет показана степень, в которой тень часто вовлекается на начальных этапах творческого процесса. Сон покажется забавным, если сравнивать его с мифами и Лисе и Койоте, Кадифукку и Мкулу и т. д.

Существует еще один момент, который будет проиллюстрирован с помощью этого сна. В мифе ирокезов была

женщина, которая являлась основным агентом творения. Она представляет собой женское начало как в женщинах, так и в мужчинах. Как известно, Юнг называл женский аспект мужчины анимой. Как мы увидим, анима играет важную роль в творческой жизни мужчины. (Анимус, с другой стороны, важен для творческой жизни женщины).

Это сон обычного практикующего врача, который изучал юнгианский анализ, но затем уехал в другую страну, продолжая анализировать свои сны. Он являлся интровертом чувственно-интуитивного типа и, следовательно, мог достаточно хорошо работать со своим личным бессознательным; он справлялся с анализом достаточно хорошо и, как он говорил мне, расшифровывал около шестидесяти процентов своих снов. Он чувствовал себя отлично и не имел никаких видимых проблем; все было хорошо и в браке, и в карьере. Но когда он пришел ко мне, то сказал, что в последнее время заскучал и обрел странную тревогу, опасение, что он становится напыщенным человеком; все было очень хорошо и ему не на что было жаловаться, но это и было, в некотором смысле, неудовлетворительным. Но в один момент у него случилась страшная депрессия, которая началась утром, после данного сна, смысл которого он не смог понять. Поэтому он решил проконсультироваться у меня, чтобы получить объяснение.

Ему снилось, что коллега оказался в его приемной (которая находится на квартиру ниже той, в которой он живет) и тут же исчез. Этот коллега — очень экстравертный американец, увлеченный генетикой и работающий с подобными проблемами. Затем сновидец оказался в своей квартире и почувствовал себя крайне плохо. Его жена сказала, что им следует поговорить с гинекологом, и она позвонила соответствующему коллеге, который явился через мгновение. Достаточно крепкий, экстраверт, он сразу же начал жаловаться о проблеме выдаче женщинам сертификатов на легальные аборты. Он говорил: “С женщинами, пришедшими делать аборт, невероятно сложно говорить — невозможно понять, то ли они хотят ребенка, то ли нет. Они такие своевольные, и невообразимо трудно с ними поговорить

и заставить отнестись к проблеме серьезно; они всего лишь хотят мнимого решения проблемы, зная, что они будут иметь эту проблему снова". Затем гинеколог продолжил рассказывать об одной женщине, которая воткнула в себя бритву и достала до головы эмбриона, но зародыш выжил; беременность не прекратилась, ребенок остался в утробе и продолжил расти.

Сновидец вступил в беседу и ответил: "Да, это ужасно. Я действительно бы запретил давать сертификаты на аборты, ведь это такой ужас. Но пока единственное, что вы можете сделать, это найти время и предпринять попытку заговорить с женщиной, раскрывая ей все стороны проблемы; а затем, в целом, она уже захочет оставить ребенка. Но это такие большие усилия, что подобное практически невыполнимо". После этого гинеколог пропал. Пациенты ждали в приемной, и сновидец подумал, что не может работать, поскольку чувствовал себя очень плохо. Поэтому он позвал свою жену и спросил, может ли она помочь ему. Жена засмеялась и покачала головой, сказав при этом, что ей бы свое серебро сейчас чистить! Поэтому он, расстроенный, отвернулся и проснулся в глубокой депрессии, которая с этого момента стала преследовать его.

Очевидно, что если женщина зовет гинеколога своему мужу, то он беремен, таким образом, несмотря на то, что во сне об этом не говорится, достаточно ясно, что каким-то образом беременная анима, с которой он, согласно сну, втайне отождествлялся, является реальной проблемой. Иначе бы ему не понадобился гинеколог. Во сне, следовательно, все обсуждение вращалось вокруг проблемы беременных, которые за и против аборта, что, естественно, имеет отношение к его аниме и, косвенным образом, к нему. Но интересной деталью является то, что все начинается не с анимы — из мифа о падающей с неба женщины мы знаем, что анима является медиатором творческого процесса; здесь мы видим в образе американца, который увлекается генетикой, образ тени. Сновидец в свое время получил от руководства право на исследование определенных психосоматических медицинских проблем. Когда он начал над ними работать, то

в его голову нахлынул целый поток интересных мыслей, и он понял, что работая, он может узнать массу новых интересных вещей. Но работа сновидца не имела ничего общего с генетикой; поэтому на эту деталь стоит смотреть символически. Он изучал микрофизические процессы и мутации, которые ведут к происхождению человека, и разработал новый метод — в наши дни очень распространенный — облучение рентгеном зародышевых клеток.

Эта проблема широко известна и связана с происхождением жизни. Это появляется в фигуре тени экстраверта-американца. Так же, как и с Лисом и Койотом, тень возникает и ничего не делает; но после минуты ее бездействия начинается весь творческий процесс. Я часто видела, что у интровертов первый импульс к творческой идее или творческой деятельности возникает посредством чего-то, что приходит из вне; он поступает от теневой части личности. Это является первым вдохновением, так сказать. В этом случае довольно ясно: приказ руководства работать над определенной проблемой поступил исключительно извне, через его амбициозную, экстравертную, теневую сторону, но это пустило весь творческий процесс в движение. Когда он принялся за работу, то сразу же стал беремен множеством идей того, что может быть сделано. Он чувствовал, что должен узнать ту или иную информацию, но, будучи ленивым, он тут же подавил развитие этих возможностей и попытался вернуться в нормальный темп своей жизни.

Мы видим, как двойственность возникает сперва в американце, а затем в гинекологе. Ассоциация с последним была как с медицинским коллегой, экстравертом, жестким типом военного, не слишком чувствительного, но убедительного; таким образом, снова вовлекается тень. Тень жалуется о проблеме легальных абортов. Это относится к отрицательному аспекту экстравертности человека, негативному аспекту его тени, которая желает короткого и молниеносного решения; гинеколог говорит, что в одном из случаев беременная пытается отрезать лезвием голову эмбриону, но зародыш продолжает жить и расти. Значение этому такое: он думал, что просто сделает то, о чем просит его руковод-

ство — в десяти страницах — и закончит дело; после этого его перестанут посещать творческие идеи по этой теме. Это и значит вырезание эмбриона, отрезание его головы — всех творческих идей; лишь производство той работы, что он может совершить за раз, того, что попросило его сделать руководство и быстрый отход на отдых.

Но во сне показано, что это не помогло — эмбрион продолжил расти; этот быстрый, мысленный аборт — окончание задания и прекращение всякого творческого мышления — не имел успеха. Хотя гинеколог является тенью и близок к деструктивному аспекту, поскольку он также склонен к быстрому подавлению творческого импульса, видно, что он абсолютно необходим, поскольку он ускоряет выявление внутренней проблемы. Наш сновидец несерьезно относился к своим идеям, хотя мог их записывать, но, с другой стороны, он мог бы и продолжать болеть творческими идеями вечно, если бы как раз не эта брутальная, примитивная, экстравертная тень, которая бы время от времени спрашивала, следует или нет эти идеи удалять.

Итак, мы видим, как тень, или двойственный творец, необходима для начала работы. Весь разговор был посвящен не болезни человека, но упрямству беременных женщин: тому, что они сами не знают, чего хотят, и переполнены мнениями анимуса. Наш сновидец говорит, что они были упрямыми и переполненными глупыми идеями. Это говорит о том факте, что бессознательное, или анима в качестве носителя или временной персонификации бессознательных импульсов, всегда имеет эту тенденцию двойственности, согласно которой существуют два противоположных желания. Есть желание воспроизвести творческую идею; но, поступая, она также легко и ускользает. Этот тот случай, когда сознание должно вмешаться и либо вытащить рыбу на берег, либо забросить ее обратно в воду.

Эта странная тенденция двойственности бессознательного, заключающаяся в том, чтобы поднимать что-либо, но не передавать сознанию, также связана с тем, что любой творческий импульс является двойным. Всегда существуют “да” и “нет”, активный и пассивный аспект. Здесь активный

и пассивный аспекты отражены в двойственном отношении беременных женщин, желающих и не желающих ребенка. Пока гинеколог и сновидец обсуждали физиологические проблемы беременных вместо диагностики болезни, можно предположить, что проблема беременных женщин и является болезнью сновидца; его анима беременна. Его анима, его женская сторона, не способна решить, дать ли жизнь ребенку внутри нее — то есть, творческим идеям — или же сделать аборт, выкидывая творческие идеи в мусорную корзину. Так выглядит его сон. И это все выражается через женщину и иллюстрируется на женщине, поскольку, в конечном счете, это не логическое решение, но скорее чувственное. Опираясь на свои чувства, он должен будет решать, будет ли он заботливо относиться к этим творческим идеям и пытаться воплотить их в жизнь или же откажется от них, поскольку они не имеют для него важности. Конечно, его амбиции сами по себе не служат толчком. Какие бы попытки не предпринимались реализовать творчество по средствам амбиций, результат всегда минимальный. Амбиции оказывают сдерживающий эффект на творческую деятельность. Пытаться быть творческим по причинам тех или иных амбиций бесполезно. Подобная деятельность нуждается в любви, вкладе с чувственной стороны. И, кажется, что он, гораздо в меньшей степени его анима, не смог вложить чувства. Но, очевидно, что “это” внутри него желало сохранить ребенка.

Работа была для него подавляющим фактором — говоря объективно, для практикующего врача очень трудно оставаться креативным, когда телефон и звонок постоянно звенят, а приемная полна людей. Таким образом, соблазн отдаться ежедневной работе является определенной проблемой. Затем появился другой соблазн — попросить жену о помощи. На самом деле, он спросил ее, но она сказала, что совсем не склонна это делать. Во сне она говорит, что ей бы свое серебро нужно чистить. В данном случае это тоже должно восприниматься объективно, поскольку она была занята своими собственными проблемами, которыми как раз занималась, и ей было не до его указаний. Сюжет

сна не имеет завершения, поэтому проснувшись, он впал в ужасную депрессию. Он потерял влечение к жизни, постоянно думая о себе, как о глупом, бесполезном, напыщенном человеке, не понимая, в чем причина этих настроений.

Я была под впечатлением, поскольку в миниатюре, на персональном уровне, сон воплощает в себе все, о чем мы говорили, и на архетипическом уровне он иллюстрирует двойственную тенденцию бессознательного к творению. Во сне беременная женщина является первым шагом на пути к творению, затем следует болезнь сновидца. Если вспомнить, то в мифе ирокезов вождь почувствовал себя плохо после того, как женщина забеременела, и его здоровье улучшилось, когда он столкнул ее вниз. Наш сновидец попробовал сделать то же самое; он попытался вытолкнуть проблему и сказать, что снова чувствует себя отлично. Но у него это не получилось, поскольку эмбрион находился в его аниме, и, вместо того, чтобы быть обезглавленным, он успешно продолжил расти далее.

Если анима мужчины беременна, он может вытолкнуть ее двумя способами. Наш сновидец сделал это неправильно, пытаясь не обращать на проблему внимания и делать вид, что этих идей не существует. В мифе ирокезов вождь онгви также устранил беременную женщину, но другим образом — он столкнул ее на землю, где и началось творение. Всякий раз, когда существует творческая констелляция в бессознательном, то есть, когда бессознательное зачинает ребенка, то если мы не выталкиваем его наружу в форме творческой работы, *мы становимся этим одержимы.* Это видно на примере нашего сновидца, который почувствовал себя плохо, словно беременная женщина, поскольку он не стал записывать свои творческие идеи или совершать творческую работу. Он стал одержим беременной женщиной и чувствовал себя, словно последняя на финальных месяцах беременности. Таким образом, можно сказать, что если анима мужчины стала творческой, то он должен освободить себя от беременной анимы правильным способом и дать начало творчеству; то есть, к примеру, записать свои идеи. Если бы наш сновидец не стал себя вести, словно больная

женщина, а спросил себя, что с ним происходит, почему его посещают такие идеи, и что ему с ними делать, тогда бы он, возможно, начал читать дальнейшую литературу по своей теме и т. д. В этом случае он освободил бы себя от состояния беременности, и это было бы правильным способом выталкивания анимы в процесс творения. Второй способ — это избегание проблемы и полное бездействие, но в этом случае человек становится идентичным с состоянием, в котором находится бессознательное. Человек становится идентичным с беременной анимой в неприятной форме, и я бы сказала, что он в этом случае чувствует себя таким же беспомощным и жалким, каким чувствовал себя вождь, прежде чем он столкнул женщину.

Следовательно, есть два пути: либо остановиться, подавить процесс, либо освободиться с помощью выражения. Есть еще один момент. Если человек все еще вовлечен в предсознательный творческий процесс, он незаметно раздувается. В этом случае мужчины имеют живот, как у беременной женщины, но в психологическом смысле, а именно в смысле *инфляции*. Беременность, так сказать, является *инфляцией*. Люди часто не проявляют свое творчество, поскольку их *потенциальная* креативность намного более импрессивная и существенная, нежели то яйцо, что откладывается в итоге. Когда человек переполнен потенциальными идеями, он чувствует, что способен сделать нечто масштабное; он чувствует, что способен привнести идею, которая станет революционной для всей эпохи и все в этом роде. Это то, что чувствуется — вполне оправданно, кстати говоря — во время беременности, поскольку все бессознательное заражено этой предсознательной творческой идеей. Внутри вас, так сказать, находится вся божественная природа. Но затем, когда вы садитесь и делаете тяжелую работу по воплощению вашей идеи, то наступает ужасное разочарование, и то, что в итоге вы производите, в целом является жалкими осколками того, что вы хотели, пока это находилось внутри вас. Пока идея находится внутри вас, она кажется великолепнейшей, но когда вы ее исполняете, то всегда наступает относительное сокрушение. Латинская поговорка гласит:

Parturiunt monies nascetur ridiculus mus — рожают горы, рождается жалкая мышь. Это обычное состояние, но, не смотря ни на что, это необходимо — иногда рождается нечто большее, чем мышь. Конечно, иногда это вне сомнений всего лишь мышь. Но никогда нельзя угадать наперед, что это в итоге будет, и единственный способ проверить, выйдет ли полноценный ребенок или жертва аборта — это родить. В нашем обществе мы не можем убивать детей-калек, но можем убивать ущербные идеи, выкидывая их в мусорные корзины, если они не применимы ни к чему. В любом случае, если человек достиг этого состояния, то он вынужден родить и иметь дело с тем, что вышло. Роды — это дефляция, поскольку пока человек вынашивает новую творческую идею, она связана с цельностью бессознательного, следовательно человек чувствует себя переполненным идеями.

Возможно, это возвышенное состояние, которое испытывает человек, имеет свою положительную сторону. Но, конечно, не всегда; противоположное состояние также имеет место быть. Во многих случаях состояния человека колеблются между торжественным возвышенным состоянием и болезненной депрессией; то есть, с одной стороны, человек чувствует, что достиг чего-то по-настоящему великого, а в другое время он чувствует себя крайне подавленным. Каждая творческая личность вынуждена в той или иной степени проходить через этот процесс. Добавочным свойством является то, что в момент творения человек не может дать оценку того, что он уже сделал. Он просто не знает ценность этого. Только спустя пять-шесть лет человек может взглянуть на свое творение с позиции постороннего наблюдателя. В момент творения человек находится слишком близко или слишком далеко от своей работы. Так возникает сильное напряжение между крайностями, что также отображено в космогонических мифах.

Иногда проблема заключается в том, сколько человек может произвести, и сколько он вынужден проигнорировать. Каждый затрагиваемый вопрос поднимает сотни и тысячи проблем; вы погружаетесь все глубже и глубже, и затем вы должны выбирать, что брать во внимание, а что опускать,

и как далеко готово зайти ваше исследование. Дефляция — это очень болезненное решение, и люди очень часто предпочитают бродить годами в состоянии потенциальной творческой личности, с невозможно огромным животом и с неприятными симптомами постоянного раздражения, тошноты, беспокойства и в плохом настроении.

Глава 5. Бог Умелый

Одна из самых заметных пар противоположностей в мотиве о двойственном творце — это деление на активное и пассивное, при этом активное понимается, как тенденция к становлению сознательного. И это активное лучше всего описывается в мотиве Бога Умелого (*Deus faber*). Бог Умелый — это специальный термин, который определяет Бога, как мастера или ремесленника, который, словно архитектор, плотник или кузнец сотворяет мир по аналогии с неким искусством или ремеслом.

Я начну с китайского создателя, который считается искусным во всех ремеслах. В более новом китайском мифе существует только одна созидающая сила, творец по имени Пань Ку. Считалось, что до начала мира существовал только Пань Ку в форме человека. Он изображался со специфическими ушами и покрытым зелеными листьями. Он в какой-то степени подобен фигуре космического Адама. Пань Ку воспринимался, как создатель мира, который в то же время стал всем миром; когда он умер, его тело разложилось и превратилось в разные части мира. Я буду разбирать эту идею позже, а сейчас я бы хотела отметить его активный аспект, в котором он изображается с резцом, которым он вырезал и выстрогал весь мир. То, что он сотворил мир и в то же время стал им, является парадоксом. Таким образом, получается, что он в определенном смысле менял свою форму. Он нечто вроде божественного ремесленника, который сформировал горы и вырезал небо. Он обычно изображается вместе с первозданной черепахой и существом, похожим на феникса; они представляют основные элементы мира. Как бог-творец, Пань Ку часто изображается с туслом, молотком или резаком.

В египетской космогонии Богом Умелым является мемфисский Бог Птах. Считалось, что на гончарном круге

он сотворил весь мир и даже других богов. Позже стало считаться, что он живет в сердцах и особенно в языках всех существ. Египтяне верили, что сердце — это место, где живут душа и сознание. По этой причине полагалось, что язык, сознание и то, что мы сегодня зовем душой, берут свое начало в сердце. Как бог населенного мира, Птах живет в сердце и языке всех существ. Один текст восхваляет Птаха следующим образом: он стал языком и сердцем бога Атума — первоначального бога — великий и могущественный Птах, который сотворил даже богов и их Ка. Тот произошел из него, Хорус произошел из него. Он — бог, чье сердце и чей язык могущественны. Он — лучшее во всех, лучшее во всех ртах всех богов и людей, животных и змей. Он то, через что сердце живет и думает; все, что он желает — возникает.

Вся серия богов Атума появляется из его горшков и из его пальцев. На гончарном круге он делает горшки, из которых появляются боги. Боги также являются зубами и губами его рта, поскольку он все говорит. Глаза видят, нос вдыхает, и через них все это идет к сердцу, и именно сердце принимает все решения, и именно язык повторяет мысли сердца. Он всюду создает духов жизни, корм и пищу. Он создает все, что нравится и не нравится. Он дает жизнь тому, кому пожелает, и посылает смерть тем, кто на нее осужден. Всякое искусство, созданное человеческими руками, создано им. Ноги и руки двигаются по его команде.

В другой части того же текста говорится, что Атум является отцом всех богов, но сам Атум говорит, что это не он, а мемфисский Птах, который сотворил все.

Из предыдущей главы мы можем вспомнить африканскую легенду, в которой боги создают вещи, вылепливая их из глины. Это немного отличается от гончарного круга, но также идет ссылка на сотворение вещей из глины; эти племена не имели гончарного круга; они лепили горшки своими руками. Мвиле и Коломбо муи фанги спорили, кто из них создал себя первым. В этом мифе Мвиле берет немного земли и вылепливает человека, затем Коломбо делает то же самое, и они сравнивают их, чтобы узнать,

чей человек лучше. Затем они убивают созданных людей. Таким образом, в африканском мифе бог тоже создает вещи из глины, словно гончар.

Еще одно ремесло, упоминающееся в связи с космогоническими мифами — это ткачество, то есть боги ткут весь мир на ткацком станке. Это упоминается в комментарии Саяна (Sayana), средневекового индийского комментатора, к Ригведе. В стихе 10.82 Ригведы поднимается вопрос, из какой субстанции был сделан мир, и Саяна в своем комментарии говорит, что бог соткал землю из первичной материи. В качестве образа ткачество используется не слишком часто, поскольку это естественным образом скорее атрибут богинь, ткание всегда было скорее женским делом. Следовательно, образ ткания скорее можно найти там, где в космогонический миф включается богиня природы. К примеру, можно вспомнить богиню Немезис в платоновском *Тимее*. Она — богиня природного порядка. Она сидит в центре космоса, и ось космоса вращается в ее лоне, как веретено.

Прядение и ткачество связаны с идеей природы. Богиня природы — это ткацкий станок, в котором боги крутят челнок, чтобы ткать мир. До Сократа один греческий философ, Ферекид, использовал подобный образ: вначале был Зевс и Хтония, богиня Земли; бог Неба женился на богине Земли и соткал весь мир как большой плащ и развесил его по дубу. Таким образом, мир — это огромный плащ, по-гречески *pharos*, который висит на огромнейшем дереве, дубе; на нем располагается океан, земля и все остальное — совокупность этого и есть реальность. Весь мир, можно сказать, был соткан богом.

Идею мира, как огромной разноцветной сотканной вещи, мы снова встречаем в индийской концепции о покрывале Майя. В индийской философии Майя является богиней обличий, которая, в некоторой степени, вызывает в воображении драмы мира внешних образов. В более поздних, более пессимистических философских учениях, она интерпретируется, как иллюзия, в определенной степени фантастическое существо, которую, преимущественно с помощью медитации, можно рассеять. Нужно только освободиться

от ее власти, и тогда человек освободиться от ложного видения реальности. Первоначально же она была всего лишь изумительной сценой мира, которую она как Богиня исполняла в виде танца для Бога. Мужским богом является чистый свет и знание, и его богиня, Майя, распространяет покрывало мира обличий до него.

Ткачи ковров на Востоке также имеют представления о сотканном ковре мира. Ткачество ковров имеет глубокую религиозную подоплеку. Фонэссен (Vonessen) пишет: "Нет такого персидского ковра, который бы не содержал в себе ошибки; напротив, ткачи в своем вязании умышленно делают ошибку, чтобы показать, что они не стараются соревноваться с ткацкими навыками создателей мира, даже делая коврик для ног". То же самое можно встретить и у китайцев. Они также считали, что ничто на земле не должно быть идеальным, и в каждой вещи должна быть хотя бы маленькая ошибка, поэтому в их древних художественных вазах всегда встречается трещина. Совершенство только для Божественного, и, следовательно, что-то совершенное неуместно.

Ткачество и прядение — самые частые выражения бессознательной игры воображения. Также в негативном значении, когда кто-то говорит о ком-то на немецком "er spinnt" (он плетет), то это значит, что человек находит свою речь основывает на фантазиях. Творческая деятельность всегда вызывает некоторые формы игры воображения, которая вырабатывает сеть ассоциаций. Словно отыскивая тропинки, человек внезапно видит связи, примечает, что эта идея относится к этому, то объясняет это, и так, достаточно быстро, человек встречается с паутиной мыслей. Это также справедливо для художников и скульпторов, людей, которые постоянно дополняют образ новыми идеями. Вот почему такие люди на определенных моментах своей работы не имеют представления, как они будут продолжать. Это показывает то, что фантазия подчиняется своим собственным законам, устанавливает свои собственные связи, а затем выдает некую полностью завершенную вещь, которая, оглядываясь назад, представляет собой целостность.

Достаточно позже в истории появилась идея, что бог создал мир, как некого рода механизм. В манихействе (I–II в. н. э.), например, считалось, что Бог создал мир как одно громадное ковшовое колесо, поэтому все души, затерянные во тьме, могут быть зачерпнуты и, тем самым, вернуться на небо. За этим стояла мысль, что до начала творения был зловещий хаос. Следовательно, для того, чтобы восстановить мир и спасти свет, Бог построил мир в форме огромного ковшового колеса, буквально своего рода механизм, с помощью которого те части божественного, что упали во мрак, могли вернуться к свету. Эта тема часто появляется во снах и фантазиях современных людей, близких к машинам. Иногда она имеет негативный подтекст, в этом случае мир, которому предстоит возникнуть, будет бессмысленной машиной, чья работа будет бесцельна. Но очень часто, если внимательно вглядеться в контекст, то можно увидеть позитивный момент. А именно лежащую подтекстом идею, что творение возникло для определенной задачи, с некой специфической целью, которую нужно достичь, так как человек изобрел машину, чтобы достичь чего-то определенного. Это, возможно, более редкий мотив, но он, тем не менее, тоже встречается.

Также часто встречается образ кузнеца и мира, выкованного им. Так Пань Ку, на некоторых китайских изображениях, держит молот; он выдолбил и выковал землю. В некоторых комментариях Ригведы бог описывается, как кузнец, который выковывает форму мира. Образ кузнеца также упоминается в *Enuma Elish* (Энума Элиш), где встречается интересная связь. Бог Мардук сформировал мир из мертвого тела Тиамат. Он сперва лишил ее жизни, а затем из ее трупа сотворил мир. Сейчас это мертвое тело убитой богини-матери Тиамат также зовется Ку-бу, что является специализированным термином для зародыша или руды; таким образом, в металлургии можно найти Ку-бу; это как переработка трупа Тиамат. Это можно найти в книге Мирча Элиаде “Кузнецы и Алхимики” (*The Forge and the Crucible*).

Стих в Ригведе также восхваляет создателя мира как кузнеца:

Точный как кузнец, Повелитель Всех Молитв выковал вселенную: в самые ранние эпохи богов из ничего.

В этой же поэме в другом стихе создатель зовется плотником. Это сравнение очень близко нам, поскольку в нашем средневековом искусстве часто присутствовала идея бога, сотворяющего наш мир, словно плотник, создающий дом. Также в Ригведе, 10.81, есть стих: "Скажи нам, из какого вещества, из какого дерева Бог создал небо и землю так, что они остаются прочными и молодыми всегда и не разделяются". Санскритское слово для дерева точно такое же, что и греческое слово *hyle*, которое означает и вещество и дерево, включая дерево, которое используется для строительства. В латинском языке существует подобное слово, обозначающее вещество, а именно *materia*, которое обозначает строительный материал, дерево как строительный материал, дерево которое уже спилено и приготовлено для строительства. Таким образом, в наших языках первый материал, вещество из которого строился мир, начиная с индогерманского времени и далее, была древесина.

Очень часто, следовательно, в средневековом искусстве бог изображался как геометр с циркулем в руках. Он сидит на троне над миром, составляя план, словно архитектор для строящегося дома, и, таким образом, он создает мир.

Бога, создающего мир, как безжизненный предмет, можно найти в основном в цивилизациях, где технический аспект развит достаточно сильно. Также существует тенденция в этих картинах Бога Умелого использовать идею создания мира как работы плотника или кузнеца только в качестве сравнения, а не брать ее так же конкретно, как это делается в других космогонических мифах. Я думаю, что из этого можно сделать вывод, что мифы, в которых Бог предстает в роли ремесленника, отражают определенный этап, на котором сознание уже в определенной мере развилось, как независимая от бессознательного сила. Так в таких картинах Бог больше не является неотъемлемой частью материального мира, но существует вне его и обращается с ним, как с объектом, как ремесленник обращается с материалом. Для нас это кажется привычным, поскольку

наша традиция научила нас всегда думать о Боге, как о чем-то таком, что находится за пределами мира, и что формирует этот мир из некого мертвого вещества. Но прежде, чем делать общий обзор космогонических мифов, мы видим, что этот тип Бога отражает редкую и специфическую ситуацию; он отражает состояние, в котором сознание уже заметно отсоединилось от бессознательного в качестве независимой сущности и, следовательно, может воспринимать остальной материал как безжизненный объект. Это уже также показывает определенное разделение между субъектом и объектом; Бог является субъектом творения и мира, и его материал — безжизненные объекты, с которыми он имеет дело. Естественно, мы должны несколько скорректировать этот взгляд, помещая его в правильный контекст, а именно что ремесленник в примитивных обществах никогда не считал, что он сам делает свою работу. Если в наши дни взять плотника или кузнеца, то любой из них воспринимает себя, как человека с независимым сознанием, который перенял от своего учителя определенные навыки, с помощью которых он работает с неодушевленным материалом. Он считает свой навык собственностью, которой он владеет. Если мы рассмотрим фольклор или мифологию различных ремесел в более примитивных обществах, то мы увидим, что они имеют более конкретный взгляд на это. У них до сих пор имеются сказки, в которых показывается, что человек никогда сам не придумывал какое бы то ни было ремесло или навык, но это ему было *открыто*, именно боги давали знание, которое люди сейчас используют, если оно имеет какую-нибудь практическую ценность.

У австралийских аборигенов есть красивая сказка, в которой говорится, что лук и стрелы не были изобретением человека, но Бог-прародитель превратился в лук, а его жена стала тетивой, поскольку она постоянно обхватывала его колени руками, как тетива обхватывает лук. Так они спустились на землю и предстали перед человеком, показывая себя луком и тетивой, и после этого человек понял, как сконструировать лук. Затем прародитель лука и его жена исчезли в дыре в земле. Таким образом, человек, словно

обезьяна, скопировал, но не изобрел лук и стрелы. И также кузнецы, как это следует из довольно правдоподобного аргумента М.Элиаде, не думали, что они сами открыли металлургию, скорее они научились трансформировать металлы на понимании того, как Бог создал мир.

Всегда сначала существует божественное откровение, божественный акт, а человек лишь копирует его. Так возникли все ремесла и поэтому они все имеют мистическую подоплеку. В примитивных цивилизациях это осознается, и это объясняет тот факт, что, в общем, они лучшие ремесленники, чем мы, которые утратили это осознание. Если мы считаем любое ремесло, не важно, ремесло ли это плотника, кузнеца или ткача, возникшим в результате божественного откровения, то мы лучше понимаем скрытые процессы, которые определенные космогонические мифы описывают как сотворение мира Богом-ремесленником. Сотворяя мир с помощью подобного ремесла, он раскрывает секрет своего собственного таинственного и непостижимого навыка.

В одном африканском мифе слова "бог" и "навык", "умение" идентичны. Божественность определяется как некая вещь, которая возникла в человеке как тайна необычного навыка или умения. Это нечто божественное, божественная искра в человеке, не его личная собственность, но чудо.

По причине относительного разделения субъекта и объекта в космогонических мифах, которые описывают творение как создание посредством ремесла, определенные люди почувствовали, что это убивает часть аспекта творения, поскольку превращает его часть в мертвый объект. Когда вы работаете с материалом, то частично относитесь к нему, как к неодушевленному веществу. Этот процесс достиг своей высшей формы в нашей цивилизации, в то время как в других цивилизациях все еще существуют остатки идеи, что объект сам по себе является живым. Мы обладаем иллюзией, что это полностью неживой объект, с которым мы можем обращаться согласно своим настроениям. Чтобы показать проблематичность этого отношения, я хочу привести сравнение одного китайского философа, Чуан-цзу (Chuang-tzu), который создал обратный космогонический

миф. Это относительно поздний текст и своего рода протест против переоценки идеи того, что ремесленник создал мир. К сожалению, английский перевод, который у меня есть, сильно отклоняется от немецкого. За добавочные пояснения я в долгу перед синологом доктором Арианой Рамп.

Он называется “Смерть — —”, на месте пропуска стоит слово, которое в английском переводе означает “Хаос” и которое Ричард Вильгельм (Richard Wilhelm) перевел как “Бессознательное”: “Смерть Хаоса-Бессознательного”. Владыка Южного Моря обладал множеством граней. В английском переводе он зовется Изменчивым (Brief). В немецком используется слово *Schillernde* (изменяющийся, блестящий, радужный, переливающийся). Если человек является schillernd, то это значит, что этот человек может находится во множестве различных состояний, его личность многогранна, в его голове уживаются сразу несколько идей и целей. Такой человек не слишком склонен к размышлениям, он не склонен держать один замысел в голове, это скорее туманная личность с изменчивым настроением, поэтому в английском переводе он зовется Изменчивым. Владыка Северного Моря в английском переводе был назван Молниеносным (Sudden), в то время как в немецком языке используется слово der Zufahrende, обозначающее того, кто необдуманно схватывает на лету. Если я zufahre (действую) необдуманно, значит, что я просто ухватываюсь за какую-то сторону предмета, так чтобы понять, что он из себя представляет. Первый — это что-то, не имеющее особого смысла, но мгновенно вспыхивающее при различных настроениях, другой — это тот, кто воспринимает все слишком быстро и вмешивается слишком быстро. В центре был Хунь-тунь (Hwun-tun), который переводится как Хаос, или Бессознательное; это предсознательное единство, та неопределенная вещь, которую можно назвать сознательным или бессознательным или хаосом, или предсознательным порядком; такая неизвестная вещь посредине.

Изменчивый и Молниеносный часто встречались в середине, месте, где обитал Хаос-Бессознательный. Хаос-Бессознательный всегда относился к ним очень дружелюбно.

Изменчивый и Молниеносный решили его отблагодарить за доброту. Они решили, что все люди имеют семь отверстий, с помощью которых они могут видеть, слышать, есть и дышать, но у Хаоса-Бессознательного не было ничего подобного, поэтому они решили помочь ему. Каждый день они высверливали по дырке в Хаосе-Бессознательном, но на седьмой день он умер. Это конец истории. Как видно, они хотели ввиду своей доброты превратить Хаос-Бессознательное в красивое существо, которое бы могло видеть и слышать, что значит сделать его сознательным. Своей попыткой сделать его сознательным, они очень мило убили его! Это очень выразительный космогонический миф Чуан-цзу, который сильно выравнивает наш взгляд на Бога, придающего материалу форму из хаоса. Это значит убивание чего-то, убивание специфической жизни материала мира, в каком-то роде разрушение. Это значит уничтожение чего-то, уничтожения специфической жизни того материала, своего рода разрушение. Это превращает его в нечто оформленное и сознательное, но в то же время это и его разрушение. Это, конечно, обычный даосский текст; в Даосизме наблюдается общая тенденция подчеркивать ценность бессознательного в отличие от сознания.

Сейчас я хочу привести несколько коротких объяснений определенных ключевых слов в тексте.

Shu: Здесь существуют два объяснения — 1) необдуманный, опрометчивый, молниеносный, короткий; 2) пестрый: переливающийся зеленым, голубым, черным. *Hu:* Внезапно, неожиданно, unexpectedly, беспечно, опрометчиво. *Hun:* туманный, поток, целость, полный. *Tun:* спутанный. Следовательно, *hwun tun* приблизительно означает: беспорядочный, неразборчивый, неясный, мутный — еще не разделенный, но находящийся в гармоничном единстве. Также объясняется как не имеющий причины или цели, непостижимый, чьи корни невозможно найти.

Интересный параллельный мотив о беспечности можно найти в исламском тексте, который комментирует сотворение Адама. Текст написан Масуди (Masudi), который утверждает, что когда Адам был сотворен, то он лежал,

словно комок глины, целых 80 лет. Тогда Аллах придал ему форму человека, но душа у Адама все еще отсутствовала. Так Адам лежал еще 120 лет, после чего Аллах вдохнул в него дыханием жизни. Однако это дыхание не наполнило тело Адама целиком. Он захотел встать, но не был способен это сделать, поэтому упал назад; так говорится в 17 и 21 сурах Корана: "Человек был сотворен неосторожно", и только когда дыхание Аллаха полностью пропитало тело Адама, он смог подняться и восхвалить Аллаха. Здесь мы видим идею того, что в акте сотворения присутствует странное несовершенство, которое в Китае относится к необдуманному импульсу и которое снова встречается в исламском мотиве сотворения Адама.

Эти два небрежных и опрометчивых творца, которые, фактически, стали убийцами Хунь-Туня, напоминают сцену из нашего первого эскимосского мифа: момент, когда Отец-Ворон пробуждается во тьме в качестве человека и начинает осознавать себя. Затем, все также на небе, он делает фигурку из глины, но она сразу же начинает зарываться в землю: как сказано в рассказе "оно обладало вспыльчивым и горячим характером, совсем не таким, какой имел Отец-Ворон". Тогда последний делает дыру в небе и скидывает туда фигуру, которая становится злым духом. Эта часть текста показывает, что злой дух — это первое творение Отца-Ворона как Бога, которое действительно является существом, вспыльчивым и раздражительным. Его можно сравнить с Молниеносным, о котором мы говорили чуть выше — безрассудное существо, которое постоянно постоянно желает портить вещи. Это ясно указывает на теневой аспект творческой деятельности.

Что качается более практического аспекта, то я лично наблюдала, что одной из самых больших проблем в любого рода творении является способность рассчитывать и регулировать творческие порывы должным образом. В моменты творчества человек обычно им переполнен, так что становится слишком опрометчивым и пытается привнести все за раз. Переполненный идеями он боится, что когда он начнет писать, то не успеет изложить все идеи достаточно быстро и,

таким образом, утратит половину из них. Это относится не только к словесной творческой деятельности; подобное также происходит и в прикладном искусстве. Человек видит готовую картину или то, что должно получиться из куска камня, и стремится скорее обработать камень или занести все на холст, опасаясь утратить внутреннее видение вещи, поскольку если его потерять, то все пропадет! В это состояние нельзя просто так войти снова. Необходимо ковать железо, пока горячо, пока озарение предлагает себя здесь и сейчас. В то же время это чувство сделать все быстрее заставляет совершать свою работу опрометчиво, небрежно писать или неосторожно выражать свои художественные озарения. Тем самым человек окончательно все портит. Приходится переделывать работу по несколько раз, приводя ее в порядок, но иногда она портится на столько, что ее уже невозможно доделать. Таким образом, чувство внезапной стремительной опрометчивой вспышки является одной из опасностей и сложностей большинства творческих импульсов.

В научной среде существует такая же опасность в виде поспешных выводов и заключений. Если кажется, что-то одно описывает все очень хорошо, то вы делаете заключение; все служит одной идее. Это дает почву для возникновения мономаниакальных идей, в которых одна идея вколачивается во всякий объект, и если объект не подчиняется правилам идеи, то он отвергается. Это опрометчивая творческая деятельность. В истории науки, к примеру, большинство ложных идей (по своей начальной природе верных), в сети которых человечество попадало иногда на сотни лет, стали таковыми, поскольку их вывели слишком поспешно и необдуманно. Это прекращало дальнейшее развитие конкретной мысли. Человек бывает настолько переполнен эмоциями вследствие нового открытия, что опасность уничтожить все из-за небрежного и безрассудного отношения является самой большой опасностью в творческом процессе. Очень сложно при этом действовать упорядоченно. Юнг, к примеру, писал свои книги очень медленно, он писал их вручную. Если взглянуть в его рукописи, то в них очень мало исправлений. Он не писал больше одной-двух страниц

в час, и делал это очень аккуратно, делая паузу после каждого предложения. Я наблюдала за этим многие годы и пообещала себе делать так же, поскольку считаю, что это единственный верный путь. Но я в этом не преуспела, и даже сейчас у меня это не получается. Сдерживать мистера Опрометчивость — это целая борьба жизни и смерти. Можете надо мной смеяться, я не против, но прежде попробуйте сделать это сами! Творческий импульс настолько мощный, и он захватывает эмоционально так сильно, что приходится постоянно сдерживать эмоции. И если вы будете придерживать коней слишком сильно, то может произойти так, что идея исчезнет, или потеряется свежесть первого вдохновения.

Таким образом, величайшим искусством является способность регулировать творческий процесс должным образом, чтобы быть точным, созерцательно-сознательным, осознавать каждую деталь, но в то же время не утратить вдохновение. От этого в большой степени зависит то, насколько человек может развить свое творчество в правильном направлении — не разрушая объект (материал) или исходное открытие.

Также Опрометчивый со своим ожесточенным характером имеет еще одно очень важное значение. Творческая деятельность, в некотором смысле, всегда близка к чему-то дьявольскому, ужасному. Сегодня мы можем с легкостью это наблюдать в наших технологических открытиях, которые показывают склонность человека постоянно чрезмерно увеличивать. Стоит только взглянуть на тот размах разрушений и загрязнений, которые мы причинили окружающей среде вследствие безрассудного преувеличения технологических открытий! Можно сказать, что наш прогресс в человеческом сознании был регулярно охарактеризован такими катастрофическими безрассудными преувеличениями. Так можно себе представить, что происходило в области психиатрии, все грехи, которые были совершены в данной сфере за последние 50 лет. Невозможно перечислись все те вещи, которые вначале восхвалялись, а спустя два или три года о них заявлялось, что они причинили больше вреда,

чем пользы. Но это лишь служило для опробования чего-то нового.

Опрометчивость, как свойство, имеет прямую связь с творческой деятельностью: невозможно быть творческим и не болеть творческой лихорадкой, не быть воодушевленным и полным энтузиазма. Получается, что с одной стороны это просто необходимо. С другой стороны, если не развить сильное моральное чувство ответственности, то из-за поспешности все выйдет отрицательно. Поэтому в наших космогонических мифах мы встречаем двойственное значение, которое присутствует с самого начала. Так мы видим это в мифе о Кремнеголовом младенце, к примеру, который в рассказе показан вспыльчивым и нетерпеливым с самого начала, когда они с братом еще находились в утробе матери. Кремнеголовый сказал: "Я вижу свет, давай пойдем этим путем". Но Ребенок Клена, его брат, рассудительно ответил: "Нет, мы не будем этого делать, если не хотим убить нашу мать", — и после этого он принял ту позицию, которую должен принять эмбрион, чтобы родиться естественным образом. Но его брат не был способен ждать, поэтому он разрезал свою мать, что ее убило. Он является несдержанным, тем, кто не имеет терпения и выбирает только самые короткие пути, тем самым превращаясь в деструктивную силу. Это аспект тени в творческой деятельности.

Наглядность этого демонстрирует тот факт, что множество творческих людей бывают в той или иной степени жестоки. Их партнеры могут многое рассказать об этом, поскольку творческие люди бывают безжалостны, и в некотором роде они такими и должны быть, поскольку они вынуждены направлять всю свою энергию на объект их творческой деятельности, что мешает им удовлетворять остальные жизненные запросы. К примеру, мы не можем справедливо обвинять исследователя или изобретателя, фокусирующегося на объекте своей деятельности; но с другой стороны во время занятия творчеством в человеке может присутствовать и демонический аспект.

Есть еще один момент, который нужно рассмотреть. Когда из бессознательного всплывает содержание, то для него

существует тенденция пересечь грань не символического внутреннего уровня, но уровня определенной реальности. Чтобы проиллюстрировать это, я приведу ужасный пример, который имел место быть. В психиатрической лечебнице один пациент, страдающий шизофренией, вел себя настолько дружелюбно и миролюбиво, что ему было разрешено работать в саду директора больницы. В процессе работы он подружился с маленькой дочерью директора. Они много общались и стали хорошими друзьями. Но однажды мужчина впал в состояние сильного эмоционального возбуждения, взял нож и отрезал голову девочке. Его не судили, поскольку он был душевнобольным. Но его спросили, почему он это сделал, и он ответил, что слышал голос, голос Святого Духа, и тот сказал совершить этот поступок; мужчина, конечно, не мог не повиноваться. И он не испытывал никаких мук совести.

Если мы анализируем это с точки зрения психологии, то этот голос был по своей природе позитивным и созидательным, и можно сказать, что это был голос Святого Духа. Но тогда возникает вопрос, что, на самом деле, он значил? Если, к примеру, он бы был моим пациентом и обратился бы ко мне со сном, в котором говорилось сделать такую вещь, то я бы тогда ответила: "Да, все верно. Вы до сих пор ведете себя как ребенок, и эта детская часть вашей сущности должна быть убита". Это бы значило, что такой голос может пониматься, как проблема на внутреннем духовном уровне. Вместо того, что он сделал, этот человек должен был принести в жертву свою незрелость, наивное отношение к жизни, а не дочку директора.

Когда идет импульс из бессознательного, он всегда сопровождается стремлением осознаться определенным образом. Это одинаково для всего. Чаще мы это наблюдаем, к примеру, когда во время психологического лечения случается феномен переноса. Когда пациент влюбляется в доктора и мечтает о любви с ним, то это знак, что человеку нужно испытать более большую человеческую близость, лучший контакт. Но очень часто пациент дает этому слишком конкретную интерпретацию и желает это осознать немедленно.

Это происходит не из-за глупости, но скорее "это" внутри нас руководит нами. Это некая демоническая сила, и если пациент осознает это в подобной манере, то он разочаровывается первый. Но человек не может сдержать себя и не замечает того, что происходящее нужно понимать символически. Так происходит с большинством содержаний из бессознательного. Они всегда сопровождаются опрометчивым стремлением вынести все и сразу. Это и есть демон. Это значит, что человек должен всегда сперва думать, говоря: "Минуточку. Нужно немного подождать и затем посмотрим, что именно требуется осознать"

Юнг пошел даже дальше, он писал: "Демонические силы являются архетипами в начальной стадии движения по отношению к сознанию". Это значит, что все архетипы, как только они начинают свое движение по отношению к сознанию, имеют демонический аспект. И только когда порог сознания пройден и содержание интегрируется, его положительное значение становится видимым. Это также значит, что демоническое не является абсолютным. Скорее это одна из ступеней, которую проходит бессознательное содержание на пути к сознанию. Это объясняет, почему творческие люди очень близко находятся к демоническим, зловещим силам, поскольку в них архетипические содержания пересекают порог сознания. Также поэтому можно часто наблюдать, что до творческой конкретизации имеет место быть творческое расстройство, и возникают определенные демонические импульсы. Я знала одного творческого человека, который прежде, чем начать творческую деятельность, страдал озлобленностью — он словесно атаковал всех своих друзей. Поскольку он был очень образованным человеком, способным говорить крайне саркастично, он мог со злобой ранить каждого из своих друзей, когда их встречал, и в результате, конечно, они обходили его стороной. И лишь оставшись совсем один, он начинал пытаться восстанавливать контакты. Но, естественно, ни у кого не находилось на него времени. Тогда он возвращался домой, и в этот момент он был способен сотворить что-то стоящее, но только в этот момент. Из абсолютного одиночества, когда никто не желал

с ним общения, он мог творить. Другие люди тоже так делают, но внутри себя, внутри своих четырех стен. В процессе депрессии они чувствуют себя глубоко подавленными и не находят ни в чем никакого смысла. И лишь достигнув самого дна своего состояния, они могут взяться за работу.

Я знала одного художника, экстраверта, который работал графическим дизайнером. В пред-творческой фазе его захватывала безумная сексуальная одержимость. Он привык выбегать из дома и кататься иногда целый день в трамвае, глазея на всех женщин. Он вполне мог относиться к себе со смехом по этому поводу и говорить: "Опять оно прихватило!". И когда это состояние проходило, он мог делать на самом деле прекрасные вещи. Такое поведение объясняется тем, что существует определенная энергетическая насыщенность, которая не способна дать выплеск в нужном месте, и, следовательно, она ищет обходной путь. Поэтому следует знать, что внутри человека есть определенная насыщенность, переполненность, и не следует позволять ей выплескиваться неправильным образом. Необходимо содержать все в себе, пока не придет время для выплеска правильным образом. Но это, конечно, требует строгой самодисциплины.

Глава 6. Первая жертва

Последний миф Чуан-цзы приводит нас к еще одному мотиву, который я собираюсь рассмотреть в этой главе, а именно мотив *первой жертвы*. Как мы видели, Хуньтунь, Хаос и Бессознательное, был первой жертвой. Невозможно создавать одно, одновременно не разрушая что-то другое, и китайцы, особенно даосские философы, которые плотно изучали проблему человеческого сознания, достаточно правильно выделили сотворение как некоего рода убийство, убийство и невинная жертва, поскольку Хуньтунь описывается необыкновенно добрым, дружелюбным и безвинным.

Мотив первой жертвы можно также найти в Энума Элиш, где хаос, ужасная Мать Богиня Тиамат, убивает Мардук; из ее трупа создается весь мир. Она является первой жертвой. Здесь первая жертва не Бог, но Богиня. Та же идея, но в другом аспекте, содержится в самой древней индусской космогонии, где мир создается как акт жертвоприношения. Согласно некоторым индусским космогониям первозданным существом был великан Пуруша (слово буквально переводится как “человек”, “мужчина”). В некоторых других текстах, согласно определенным комментаторам, он идентифицировался с Вишну, но в основном тексте он обычно упоминается как просто Пуруша, то есть мужчина. Весь космос имел форму Пуруши. У него была тысяча голов и тысяча ног, он был больше земли, простирался за ее пределы и покрывал собою все. Из его тела был создан мир. Но акт сотворения описывается как ритуал жертвоприношения, в котором первый человек, Пуруша, был жертвой. Каждая часть его разрезанного тела стала частью вселенной: голова стала небом, пупок — воздухом, ноги — землей. Из его мозга получилась луна, из глаз — солнце, из дыхания — ветер. Таким образом, они, боги — внезапно воз-

никают множество создателей — сформировали мир. Один текст говорит, что Пуруша является всем: тем, что было, тем, что есть, тем, что будет. Четверть его тела — это все живущие существа на земле, а остальные три четверти — бессмертные на небе. Иногда в поздней философии (Санкхья) Пуруша является душой материи, противоположным материи. Я не хочу сейчас описывать все тонкости; я хочу выделить идею того, что материал, из которого был создан мир, является божественной жертвой.

Китайский бог Пань Ку также является не просто ремесленником, создающим мир, но и первой жертвой, и мир создается из его трупа. Когда Пань Ку плакал, как говорится в одном тексте, из потока его слез возникла желтая река Янцзы; он дышал, и дул ветер, он говорил, и гремел гром; он огляделся вокруг и молния сверкнула из его глаз. Когда Пань Ку был в хорошем настроении, то и погода была хорошая, если нет, то было облачно и хмуро. Когда он умер, его останки развалились на части, превратившись в 5 священных гор Китая. Его голова стала горой Тайшань на востоке, его тело — горой Суншань *в центре*, правая рука — горой Хэншань (Шаньси) на севере, левая рука — горой Хэншань (Хунань) на юге, а ноги — горой Хуашань на западе. Его глаза превратились в солнце и луну, жир, растаяв, стал реками и морями, а волосы, дав корни, покрыли землю в виде растений. Итак, хотя Пань Ку в некоторых мифах и на некоторых изображениях является ремесленником, здесь он предстает жертвой и материалом, из которого был создан мир.

Такой же мотив встречается в старой германской мифологии, в которой первозданным гигантом является Имир. Имя Имир означает звук кипящей воды в котле, звук бульканья. В немецком языке это переводится как *Urgebraus,* звук волн в шторм. Один перевод говорит:

Из мяса Имира была создана земля,
Из хлещущей крови моря, холмы из костей его,
деревья из волос,
Небо из черепа.
Так мир был создан из частей Имира.

Мы знаем, что Вотан и двое его братьев, Вили и Ве, лишили жизни Имира, или же Один сделал это (Один — скандинавское имя; в немецком это Вотан). Эти три брата были сыновьями Бёра. Имир является своего рода великаном. Эти же троя первые, кто является не великанами, но богами. Как дети великана внезапно стали богами не объясняется, но очевидно, что они обладают большим могуществом в мире, чем великаны. Согласно Саксону Грамматику они убили Имира, и в его крови утонули все другие замороженные великаны. Затем три брата затащили Имира в первичный хаос — *Ginnunga-gap* — и сформировали из него землю. Они взяли череп и сделали из него небо, поддерживаемое четырьмя дварфами. Поэтому иногда в поздних кеннингах (загадки в стихах) небо называется черепом, подпираемым четырьмя дварфами. Нордическая поэзия полна подобными косвенными упоминаниями.

В *Волюспе* вариация этого мифа гласит:

На заре времен жил Имир,
Не было тогда песка, моря и холодных волн;
Ни земли, ни неба,
Лишь зевающая пропасть [Ginnunga-gap], и никакой травы вокруг

Слово *Ginnunga* родственно немецкому слову *gdhnen* и английскому слову *yawn*. Это своего рода огромная, открытая щель, открытый рот. Также слово *chaos* в корне имеет значение "зевота" — зевающая бездна.

Бёра сыны подняли диски
И создали прекрасный Мидгард [Землю];
С юга солнце светило на камни земли,
И из земли росли зеленые побеги.

Другой текст гласит:

Из мяса Имира была создана земля,
Горы из костей его,
Горы из замороженного черепа гиганта,
Бурное море из крови его

Множество деталей были добавлены позднее, но в этих поздних источниках мы не можем сказать с определенной

уверенностью, насколько легенды об средневековом Адаме, возможно, оказали свое влияние на германскую традицию. Очень рано, в эпоху христианизации, множество легендарных материалов стали распространяться, описывая библейский образ первого человека, Адама, который в Мидраше (еврейских легендах) или в исламской традиции описывается как своего рода мировой гигант. В некоторых версиях его тело простирается от одного конца мира до другого. Мы находим возникновение космического аспекта Адама в легендах, которые гласят, что Бог взял глину, или пыль, чтобы сотворить тело Адама из четырех концов света. Он не только взял глину с четырех концов света, но эта глина была еще и разных цветов: красная, черная, белая и желтая (стоит заметить, что это четыре основных цвета в алхимии). Из красной он сделал кровь, из черной — внутренности, из белой — кости и кровеносные сосуды, а из желтой — тело. Бог собрал воедино разную пыль для того, чтобы если человек будет странствовать с запада на восток, или с востока на запад, или найдет иное место, которое ему понравиться, то Земля не сможет сказать: “Ты не можешь здесь обитать, поскольку ты не содержишь моей субстанции”. Поэтому Земля ниоткуда не может изгнать человека.

В некоторых старых еврейских преданиях говорится, что первый человек простирался от одного конца света к другому. Здесь виден противоположный мотив: материя человека не просто собрана с разных концов света, но сам человек простирается на весь мир, и только после Падения, после того, как он согрешил, Бог сделал его маленьким, тогда он был сокращен до нынешнего размера. В талмудической и мидрашеской традициях, тем не менее, Адам остается одинакового роста до и после Падения. Эту идею можно также найти в Каббале. В *Sefer Gigulim,* каббалистическом тексте, говорится, что голова Адама и его горло во время сотворения были в середине райского сада, но тело простиралось по всем частям мира. Он также рассматривается как андрогин, как и первый человек в речи Аристофана в диалоге Платона “Пир” (*Symposium*). Согласно другим сведениям, он не был андрогином, но имел два лица, идея,

которая отражает влияние платоновской традиции. В каббалистической концепции Адам не только был размером с мир, но и содержал в себе души всех людей, что тогда существовали — а именно, 600 000. Не постепенно они выделились из него, но первоначально каждый человек содержался в первом Адаме. Существует одна интересная деталь. В раввинской литературе говорится, что души свисали с его тела, некоторые с его волос, некоторые с носа и так по всему телу; оттуда они рождались в мире. Здесь первое гигантское существо не убивается, но после Падения сокращается и делается маленьким, что является определенной вариацией на тему убийства первозданного монстра.

Если мы сделаем обзор этих первых жертв, то увидим, что они в основном относятся ко второму типу одного из двух творцов, к пассивному типу. Эта идея уже содержится в слове *жертва*: он тот, кто выталкивается из реальности, тот, кто перестает существовать, уходит, уменьшается или разрезается. Он относится к образу создателя, который в какой-то момент исчез. И самое время спросить себя, что этот мотив разрушения гигантского человека или человекоподобного существа значит в психологическом смысле. Я думаю, что значение относительно понятно: это первозданное существо представляет собой аспект предсознательной целостности, иногда всецело, а иногда, как в случае с Тиамат, большей частью пассивный аспект, который разрушается ради дальнейшего развития сознания. Каждый шаг в сторону большего наращивания сознания разрушает предшествующий жизненный баланс. Это верно и в случае невроза и является одной из причин, почему человек привязывается и служит своему неврозу и обычно имеет огромное чувство опасности в противовес предшествующему неврозу состоянию. Одна из самых больших терапевтических сложностей заключается в том, что существует определенное инстинктивное сопротивление к лечению, поскольку во взволнованном положении относительно бессознательного состояния и неспособности адаптироваться психика человека имеет тенденцию устанавливать определенный баланс, некую гармонию. Эта невротическая система называется

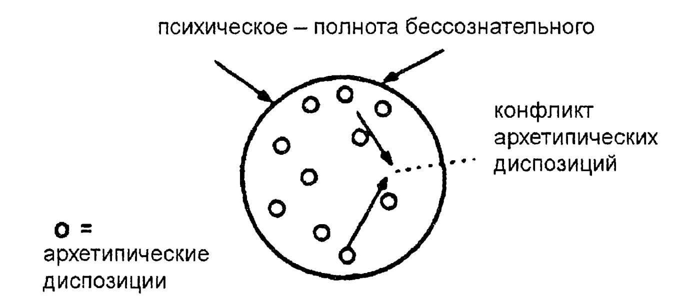
компенсацией. Неумение адаптироваться, к примеру, компенсируется фантазиями, связанными с мегаломанией. Но определенный баланс существует всегда, и всякий раз, когда планируется прогресс или расширение сознания, предыдущий баланс должен быть уничтожен. Поэтому в терапии мы говорим о кризисе лечения, и поэтому люди, подвергаясь анализу, часто жалуются, что их состояние все хуже и хуже, что до анализа все было более менее терпимо, но все стало гораздо более хуже, и они чувствуют, что не должны были касаться психологии. Также в начале анализа родители иногда приходят и говорят, что раньше их сын или дочь были, по крайней мере, выносимы, но сейчас больше просто невозможно держать их дома. Этот невротический баланс нарушается процессом привнесения новой формы сознания, и только когда новая расширенная форма сознания становится доминантной, конфликт начинает утихать.

Каждая доля прогресса в сознании, каждый творческий процесс, каждое расширение границ и изменения сознательного отношения первым делом разрушает примитивную первозданную целостность и некий баланс внутри целой системы. Так как мы рассматриваем сознательно-бессознательное психическое в виде относительно закрытой, саморегулирующей системы, то понятно, что подобные процессы раскалывают ее на части. Этот мотив в другой форме можно найти в мифе о благородном дикаре (noble savage) — сбалансированный человек, находящийся в состоянии гармонии, от которого мы отклонились ввиду нашего развития по отношению к более высокому уровню сознания (Руссо). В некоторой степени это, вероятно, чистая проекция.

Всякий раз, когда этот первозданный гигант, представляющий собой целостность, разрушается, во всех кроме одного случая существуют фигуры разрушителей, которые являются богами. Только в мифе о Пань Ку текст гласит: когда Пань Ку умер, его голова превратилась в гору Тайшань и т. д. Он умер сам, так сказать, без внешнего воздействия. Но в случае с Хунь-тунь его убивают Изменчивый и Молниеносный (Brief and Sudden), Имира разрезают три

бога брата, а Тиамат с помощью ветра разрывает на части Мардук. Пурушу также убивают боги.

Это, вероятно, дает нам подсказку, почему предсознательное единство, ранняя форма самости, разрушается, и, возможно, может намекнуть, где мы должны искать происхождение сознания. Если смотреть на это с точки зрения эволюции человека, то естественным образом встает вопрос, почему человек единственный из млекопитающих имеет это странное свойство, сознание, в гораздо большей степени, чем другие известные нам существа на нашей планете. Если боги расчленили первозданное существо (можно сказать, что боги представляют собой архетипические содержания), то это значит, что одно архетипическое содержание, или их группа, разрушило первозданный всеобщий баланс. В приведенной диаграмме, мы попробуем рассмотреть предсознательное единство как континуум.

Когда мы используем слово *psyche*, мы имеем в виду нечто вроде континуума, в то же время, естественно, оно содержит в себе все различные архетипы или архетипические диспозиции, которые соответствуют тому, что в животных зоологи зовут моделями поведения. Сейчас единство моделей поведения в животных и людях не находятся в гармонии. Уже на животном уровне можно увидеть, что различные паттерны и различные диспозиции могут сталкиваться и конфликтовать. Другими словами, даже животные страдают от конфликтов, которые можно назвать бессознательными конфликтами. Это можно легко заметить. К примеру, если вы видите высиживающую яйца курицу и начинаете

к ней приближаться, то вы сразу заметите, что она оказывается в двойственном положении: стандартный инстинкт заставляет улететь в целях самосохранения и материнский инстинкт, который говорит ей продолжить высиживание яиц. Она находится в напряженном состоянии, глядя на вас немигающим взглядом, а затем внезапно улетает с криком: первый инстинкт преодолел второй. Но может быть и другой вариант, тогда она затихнет и не будет больше выказывать страх; ее можно даже погладить, убеждаясь, что материнский инстинкт взял верх. Иногда конфликт длится некоторое время, и если вы умеете понимать выражения этой птицы, то можете видеть, как она разрывается между двумя инстинктами, один из которых через какое-то время становится сильнее; в этом случае происходит реакция или/или. Здесь возникает феномен, проблема вытесненной реакции, о которой я говорила выше, когда приводила в пример двух птиц, которые собирались драться, но поскольку страх и агрессия были на одном уровне и не могли взять вверх друг над другом, возникла третья реакция, и обе птицы просто погрузились в сон. В этом случае две несовместимые инстинктивные модели находились в абсолютном балансе. Конечно, это не обычный случай, чаще бывает так, что спустя некоторое время одна модель берет верх над другой, генерируя ту или иную реакцию. Другая хорошо известная несовместимая модель поведения проявляется у сексуально возбужденного оленя-самца, который может побежать прямо на охотника. Людям с их ружьями лучше держаться в стороне от этого; бывали случаи, когда охотников сбивали с ног эти животные. В таких случаях животное теряет естественный инстинкт самосохранения, поскольку другой инстинкт, сексуальный, заменяет все остальные. Конечно, все другие инстинктивные паттерны — самосохранение, голод и т. д. — всего лишь на время подавляются и потом возникают снова, но в момент главенствования сексуального инстинкта все остальные просто затихают.

Следовательно, мы не должны думать, что высшие млекопитающие во всех случаях являются гармоничными существами с гармоничным набором инстинктивных паттернов;

гармония инстинктивных моделей поведения у высших животных весьма относительна, и при случае она вполне может перерасти в конфликт. Возможно, что и мы не исключение в этом отношении, и в нас также различные инстинктивные диспозиции могут приходить в противоречие и нарушать общий баланс системы. То, что мы зовем в зоологии моделями поведения, это то, что мы можем наблюдать извне, а именно фактическое поведение: полет, спаривание, кормление, гнездование и т. д. Архетип, согласно определению Юнга, это сопроводительный внутренний аспект модели поведения, а именно эмоции, чувства, внутренние образы, включающие в себя даже абстрактные концепции; это является архетипической диспозицией, и они сталкиваются и воюют в точности, как это делают инстинкты и модели поведения. Поэтому во множестве мифологий встречаются войны богов или титанов. Совсем даже не так, что в небесном или призрачном мирах не происходит войн; напротив, бесчисленное количество мифов по всему миру показывают нам богов, воюющих между собой. Иногда существует два типа богов: боги, воюющие с титанами, и боги света, сражающиеся с богами тьмы, или духи весны, бьющиеся с духами зимы и т. д. Это отражает базовую дисгармонию даже бессознательных архетипических паттернов в человеке. Когда Гераклит сказал, что источник бытия и отец всех вещей — война, то в нашем смысле он был прав.

В связи с этим я хочу привести текст, который, ввиду более высшей философской эволюции, несколько отличается от примитивных текстов, но также освещает проблему борющихся паттернов. Это космогонический миф гностической секты, адепты которой называли себя сифианами. Эта секта существовала примерно во времена Христа. Они имели свои священные тексты, которые назывались "Святая Книга" или "Парафразм Сима" (*Paraphrasis of Seth*). Книга утверждает, что первоначально космос был сформирован из трех вплетенных принципов, которые состояли из огромного числа других принципов. Одним принципом был свет сверху, другим — тьма снизу, а посредине была чистая пневма, исключительно духовная сила, которая распространяла успо-

каивающий, восхитительный запах во тьму. Тьма походила на ужасающую массу воды. Будучи не лишенной разума; тьма хорошо понимала, что если кто-то будет отгораживать ее от света, то она станет пустой и слабой, поэтому она постоянно пыталась добраться до света и вместить в себя пару его искр. (Я пропускаю моменты, которые напрямую не относятся к нашей теме) Все три принципа заключали в себе бесконечное число других сил, которые обладали разумом и умели думать. Они пребывали в спокойствии, как если бы находились в спящем состоянии, но как только один из принципов приближался к ним, то неравномерность их порядка вызывала определенное движение и энергию; это движение заканчивалось столкновением сил. Когда они сталкивались, они оставляли друг на друге пятна. Путем столкновения сил формировались образы. В результате бесчисленного числа столкновений бесчисленных сил было произведено бесчисленное число образов. Эти образы являются идеями разных живых существ. Идея здесь понимаются не в современном философском значении, но в платоновском смысле, *eidola*, архетипические образы всех существ, что будут существовать далее. На языке ирокезов это Онгви, о которых я упоминала выше, и которые также являются прототипами всего, что будет существовать в дальнейшем.

Итак, вы видите, в космогонии сифиан ясно сказано, что архетипические паттерны в психическом человека происходят в результате столкновения инстинктивных или активных импульсов, и что даже в первозданной целостности имеется огромное число коллизий, которые медленно формируют определенные модели. Это, как мне кажется, отражает то, что мы знаем из психологии, а именно то, что коллизия различных архетипических моделей поведения, возможно, стоит за происхождением сознания. Можно сказать, что высшие млекопитающие с присущими им конфликтующими инстинктивными моделями поведения только относительно являются хорошо адаптированными существами, поскольку существуют отклонения от идеальной адаптации, как результат коллизии паттернов. Таким образом, очевидно, что изобретение “центрального офиса”, который должен

регулировать конфликтующие модели, было бы огромной ценностью. На самом деле, можно сказать, что именно это и произошло в человеке: он имеет задатки сознательного эго, с помощью которого он может регулировать подобные коллизии. Это то, что мы субъективно зовем свободной волей сознательной личности. Юнг определяет свободную волю, как определенное количество энергии, которая находится в распоряжении эго. Если эго имеет некоторое количество энергии в распоряжении, то в этом случае оно чувствует, что субъективно обладает тем, что мы зовем свободной волей. С философской точки зрения существование свободной воли не может быть доказано, поскольку чтобы вы ни делали, чувство, что данное решение принято свободно, всегда можно оспорить и сказать, что это бессознательная модель заставила вызвать подобное чувство. Поэтому мы не можем с философской точки зрения спорить на тему свободной воли; слишком много за и против; это тот вопрос, который с позиции разума не может быть доказан или опровергнут.

Возьмем в качестве примера мать, дом которой охвачен пламенем. Ситуация та же, что и в примере с курицей, высиживающей яйца — ее первым действием будет побежать прочь спасая свою жизнь, но затем она вспоминает о спящих в доме детях. На субъективном уровне она почувствует, что сама решила вернуться и спасти детей. Человек, который не верит в свободную волю, в этом случае скажет, что это всего лишь взявший верх над инстинктом самосохранения материнский инстинкт — это не было ее решением, она только почувствовала, что приняла решение сама. Это невозможно доказать, но в качестве субъективного переживания можно допустить, что был инстинктивный конфликт между спасением своей жизни или жизни ребенка. Мы часто впоследствии имеем ощущение, что что-то в последний момент решило: “Вот что я должен делать, не то, а это”

Если вы спросите людей, побывавших такой критической ситуации, то они иногда достаточно честно подметят, что они не сами приняли решение, но что-то подтолкнуло их вернуться и спасти ребенка. Что-то более сильное заставило

их вернуться. Но другой человек в равной степени может честно сказать, что в определенный момент он осознал всю ситуацию и принял решение. Таким образом, здесь мы должны полагаться на человеческую честность, и в одном случае может быть так, что материнский инстинкт подтолкнул женщину спасти ребенка, а в другой же случае она имела достаточно свободы, чтобы дать сгореть ребенку заживо, но сознательно решила спасти его. Иногда мы действуем полностью под управлением инстинкта; он заставляет нас действовать, и мы это субъективно чувствуем. Мы хорошо знаем, что мы не имеем сами какой-либо заслуги в том, что сделали, поскольку нас направляла более мощная сила, в то время как в иных случаях кто-то вспоминает, что сам взял себя в руки и сам принял решение в критический момент. Таким образом, свободная воля в этом случае является субъективным опытом наличия энергии, силы в нашем распоряжении.

Мы определяем эго как всего лишь один из комплексов среди других, эго, имеющее определенное количество энергии в своем распоряжении, которое нужно для того, чтобы поддержать тот или иной инстинктивный импульс. В определенный момент мы решаем поддержать один или другой импульс. Принимает решение минимальное количество энергии эго, поэтому в этом смысле эго становится центральным бюро, которое влияет на то, когда будут сталкиваться инстинктивные паттерны, и которое иногда спасает ситуацию. Естественно, эго иногда неправильно использует свою силу и, как все люди, сидящие в офисах, подавляет вещи, которые не имеет права подавлять. Действительная функция должна заключаться лишь в том, чтобы быть центральным бюро решений в случае коллизий, но оно, естественно, переходит границы и причиняет всевозможный вред и оказывает влияние на вещи или процессы, которые его не касаются, подобно чиновникам, которые постоянно суют свой нос, куда не надо. Здесь эго является отражением бед нашей сознательной цивилизации. Но также можно заметить, почему природа вложила в человека сознание, и также можно заметить его огромную ценность, поскольку в определен-

ные моменты дисгармонии и конфликта инстинктов оно может привнести разумное решение путем обдумывания. Конфликтующие инстинктивные паттерны и войны богов — это мифологический мотив, к которому я вернусь позже в связи с другим моментом. Сейчас я хочу использовать этот мотив только для того, чтобы представить возможное доказательство того, почему первичная целостность должна была распасться, почему существует такая вещь, как первая жертва. Определенные инстинктивные паттерны стали сильнее, чем другие, и нарушили гармонию, и, следовательно, первозданному балансу пришлось распасться, чтобы создать более высокую форму сознания.

Происхождение эго комплекса — это очень таинственная вещь, о которой мы знаем очень мало. Юнг во вступлении в своей книге *Aion* дает основное описание эго, начиная говорить с того, что это загадочный фактор в человеческом существе, и мы не знаем, что это. Мы можем только определить, что центр области сознания, в том смысле, что все содержания, которые ассоциируются с эго, являются сознательными; те, что не связываются с эго, не являются сознательными. Затем Юнг говорит, что ничего не известно о происхождении эго, оно, возможно, происходит из коллизий тела с внешним миром. Например, ребенок не может оценить расстояние: он видит что-то, вытягивает руку, но не дотягивается и начинает реветь изо всех сил. Появляется конфликт! Он чувствует глубокую боль, поскольку не может взять игрушку, которая находится за пределами его досягаемости. Так он медленно осваивает пределы своего тела. Это все коллизии, которые сперва основаны на телесных коллизиях. Таким образом, формируется то, что фрейдисты зовут телесным эго, то есть осознание тела, себя. Даже взрослые люди при вопросе “кто ты?” затрагивают свое тело. Это подлинный жест демонстрации эго: это я, а это не я. Впоследствии подобная коллизия происходит и с внутренним миром, но это процесс, который происходит несколько позже, а именно тот, кто уже выстроил все физические противоречия, начинает сталкиваться с внутренними факторами, и здесь начинается проблема воспитания.

Я хочу проиллюстрировать этот момент на примере. Давайте представим, что ребенок отчаянно хочет украсть кусочек шоколадки, поскольку его жадность руководит им. Однако, ребенок знает, что возможно ему не следует этого делать, или даже хотеть это сделать. Он становится на пути противоречия своему желанию. Множество современных психологических теорий поддерживают точку зрения, что в этот момент играет роль суперэго. Тогда это был бы тот случай, когда родители ребенка строго запретили ему красть столь желаемый кусочек шоколада. Но давайте представим, что ребенок хочет украсть шоколад у своей младшей сестры, тот случай, когда мальчик не так уверен, что родители ему это запретили. Тогда возможно, что неподдельная привязанность мальчика к сестре с сопутствующим чувством не желания красть у нее шоколад сталкиваются с его собственным желанием съесть этот шоколад. Это показывает подлинное столкновение эго с внутренним миром ребенка.

Я помню незабываемый опыт из своего собственного детства, когда я столкнулась с моим личным внутренним миром. У меня был резкий характер, и я была очень нетерпеливой. Однажды, когда мне было где-то шесть с половиной лет, я захотела нарисовать собаку. Собака лежала на большом кресле и дремала. Я удобно расположилась и начала рисовать, когда внезапно "глупая" собака зашевелилась. Начатый мною рисунок, конечно, уже невозможно было исправить, и я начала рисовать снова. Было очень приятно рисовать его в этой новой позиции, но вдруг он зашевелился опять. Этот процесс повторялся раза четыре. Тогда я встала и, как следует, отвесила собаке затрещину. Наши собаки в доме всегда имели к себе самое хорошее и пристойное отношение, вследствие этого собака была глубоко обижена и находилась в полном недоумении. Он не сделал ничего плохого. Его совесть была чиста. В результате он сел и начал смотреть на меня долго и напряженно, взглядом полным негодования и упрека. Он не мог понять, что случилось, и вполне очевидно думал: "Она сумасшедшая". Этот укоризненный взгляд собаки врезался мне прямо в сердце,

и я почувствовала себя ужасно пристыженной. Мне было достаточно ясно, что я не имела никакого права ударить его, поскольку он всего лишь двигался и немного вертел головой. Это было столкновение с моей нетерпеливостью и моим резким характером, и я никогда этого не забуду. Я пообещала себе, что больше никогда не сделаю ничего подобного, и больше никогда так не поступала. Все определенно имели этот опыт в детстве, опыт, когда человек сталкивается и погружается в конфликт не только с внешним миром и обычаями общества, но также, с помощью определенных импульсов, с самим собой и своей моралью.

Итак, ребенок знает, что не должен брать или трогать что-то; он имеет гигантское желание сделать это, но воспитание научило его не делать этого, и здесь он сталкивается со своим желанием; у него происходит внутренний конфликт. Он хочет шоколад, но ему запретили его брать, таким образом, желание взять сталкивается с запрещающей силой сознания. Существует целая цепь дальнейших коллизий, связанных с внутренним миром, желаниями, импульсами, аффектами и т. д., которая бьет по континенту эго словно волны и всегда отталкивается назад. Это все, что мы можем сказать с определенной достоверностью о строении эго. Через эти столкновения один более сильный комплекс медленно выстраивает и формирует то, что мы зовем эго. Существует известная иллюстрация — ребенок сперва говорит о себе в третьем лице, называя себя Джоном, Джеком или Биллом, и внезапно, спустя некоторое время, начинает говорить "Я". Он сперва видит себя только в виде отражения в том, что другие говорят о нем, и лишь затем медленно выстраивается чувство "меня", "я", "это я".

Кажется, что сила, которая строит эго, является особым комплексом, а именно, самостью, а не другими архетипами. Если вы наблюдаете детские сны, скажем, детей от четырех до двенадцати лет, то вы увидите, что их будущее сознательное отношение, которое можно назвать будущей формой эго, возникает в виде образа, который проецируется извне, обычно в форме старшего брата или лидера шайки — из той фигуры, про которую ребенок может сказать, что

он хотел бы стать ей. Он хочет стать кондуктором трамвая или начальником станции и носить красную кепку, махая поездам флажками и т. д. Все эти фигуры можно назвать его образцами или, более точно, моделями того, какой будет следующий шаг развития эго. К примеру, если ребенок хочет отдавать сигналы к движению поездов, то это уже является следующей стадией развития; то есть он способен управлять до настоящего времени механическими процессами своего психического. Это обычная идея эго — теперь *он* является тем, кто решает, чему случится, а не Отец или какой-либо другой авторитет. Если посмотреть на эту модель эго с точки зрения ее более общих архетипических усложнений, то это та же вещь, что и самость. Символы модели эго и символы самости в раннем детстве — и в общей фазе юного развития — являются одной и той же вещью. К примеру, детям снится лидер банды, которым они восхищаются, но во сне лидер банды обладает магическими способностями, или светится, словно солнечный герой, или что-то вроде этого, что иллюстрирует, что эта фигура является не просто лидером банды, которого мальчик знает из школы, но также и самостью. Для него эта фигура в то же время означает самость, поскольку обладает сверхъестественными или даже божественными свойствами вдобавок к качествам эго. Таким образом, тождество фигур моделей эго в юности и тем, что мы обычно зовем самостью, в мифологии указывает, что импульс, который в основном выстраивает эго, является центром, который в дальнейшей жизни мы называем самостью. В первой половине жизни он действует в роли силы, формирующей эго.

Процесс построения эго может быть нарушен. В случае шизофрении, как хорошо известно, эго-комплекс не может больше находиться в позиции главного офиса, так сказать, и утопает среди конфликтующих архетипов. Эго утопает в коллективном бессознательном, оно захватывается архетипическими паттернами. Тогда происходит разрыв индивидуальности, и это тот момент, когда войны богов, войны титанов начинаются вновь. Я часто замечала, что когда я ссылалась на космогонические мифы, люди, не имеющие

психиатрического опыта, думали, что эти мотивы в космогонических мифах выглядят очень странными и далекими от реальности, тогда как для людей, имеющих психиатрический опыт, они звучат очень знакомыми. Это объяснимо, поскольку если для человека существует шанс выбраться из шизофренического состояния, то в нем можно заметить все процессы из космогонического мифа. Если пациент преодолевает это состояние, его сознание восстанавливает себя само, и ему начинают снится космогонические мифы, или, по крайней мере, сны, содержащие в себе мотивы из космогонических мифов; это показывает, что сознание выстраивается снова, а вместе с им и осознание внешней реальности. Естественно, очень важно понимать эти процессы, поскольку тогда можно поддержать эго сознание пациента, так как оно возрождается и вновь создает функцию принятия реальности.

Эго комплекс, если он утопает в войне богов, можно сказать беспомощно лежит среди трупов на поле брани; титаны и боги перешагивают его и бьют друг друга прямо над ним. Если люди преодолевают этот эпизод, то они очень часто говорят, что всегда присутствовали, но не могли обнаружить себя. Я знаю, к примеру, шизофреников, которые были определены в палаты с мягкими стенами, и которые не опознавали приходивших к ним родственников, и посетители просто опускали руки, поскольку человек даже не замечал, что отец или мать были рядом. Но спустя многие годы, после того, как они преодолевали свое состояние, они могли сказать: “Да, мать приходила, она была в белом платье и носила такое-то ожерелье, и она сказала то-то и то-то”. Я знаю одну женщину, которую спросили, почему она, ради всего святого, не могла выказать хоть какого-нибудь знака, что она все узнает, и тогда женщина ответила: “Я просто не могла”. И она привела очень хорошее сравнение: “Это походило на то, как если бы я была на дне моря, всё замечая, но не имея ни единого шанса подать сигнал. Я не могла дать знак, что я понимаю, и просто видела мою семью и слышала, что они говорят, и также понимала, что со стороны я выгляжу тотально глупо”. Это

было утопленное эго! Оно существовало, но лишь в виде потенциальной возможности; оно имело определенный уровень осознания того, что происходит, но не могло занять доминирующую позицию над хаосом и богами. Это объясняет также ужасные изменения настроения. В один момент доминирует положительный бог, Эйфория, а в другой момент к власти приходит зловещий титан; регулирующее эго при этом является слабой, беспомощной вещью, которую невозможно обнаружить в хаосе. Это тот случай, когда эго затоплено в архетипических силах.

Эта возможность конфликта, возможность того, что изначальное единство может расколоться, может быть и является одной причиной появления эго в качестве контролирующей силы. Эго здесь имеет изначальную функцию противодействия хаосу и распаду на бессмысленные конфликтующие паттерны. Это является его положительной функцией, и поэтому сознательный человек адаптируется лучше. К примеру, человек, который не диссоциируется в момент конфликта и не впадает в состояние аффекта, является высшей индивидуальностью и всегда выигрывает в конце. Про такого человека обычно говорят, что он владеет собой. Когда корабль идет ко дну, то человек, который владеет собой, и эго которого в этот момент не пытается немедленно спасти свою жизнь, является тем, кто порою спасает весь корабль, в то время как люди со слабым эго полностью отдаются одной из моделей поведения. Кто-то сидит в углу, плачет и молится, кто-то, расталкивая людей направо и налево, рвется к спасательной шлюпке и т. д.

Как мы знаем, Юнг ввел окончательную точку зрения в рассмотрении психологических факторов; он рассматривал психологический фактор с каузальной позиции и с финальной позиции. К примеру, мы рассматриваем невроз, вызванный определенным родительским и детским опытом, в фрейдистском смысле, и затем рассматриваем это с финальной позиции и спрашиваем: “С какой целью?” Мы считаем, что невроз имеет как причину, так и цель, и его целью чаще всего является построение более высокой формы сознания. Конфликт является причиной появления более высокого

сознания. Например, есть некий мистер X, у которого есть определенный конфликт, но если он выходит из конфликта должным образом, то после он станет более сознательным. Позиция его сознания будет более высокой, но если он не преодолеет конфликт, то тот возникнет снова. Или же если смотреть с финальной позиции, то конфликт возник с целью достижения более высокого сознания.

Каждая из позиций имеет свою долю правды. Первая, каузальная, является очевидной. Естественно, каждый конфликт толкает к более высокой форме сознания. Но финальная цель не очень ясна, если вы не слишком хорошо умеете интерпретировать сны. К примеру, может так случится, что человек находится в мирном, хорошо обустроенном положении, когда все идет хорошо, но вдруг ему снится надвигающийся конфликт. Тогда он удивляется, почему. Какого дьявола намечается конфликт, когда все хорошо? Может, дьяволу просто стало скучно? У человека есть сон, в котором иллюстрируется конфликт, вы интерпретируете его, и анализанд отвечает: "Но нет у меня никакого конфликта! Я в порядке!" Я же говорю: "Подождите". Двумя днями позже конфликт входит в свою взрывную стадию. У человека возникает конфликт, о котором заранее было сказано во сне. Здесь, если смотреть с финальной позиции, конфликту можно дать некоторое оправдание, поскольку он был организован с некой финальной целью. Но, конечно, это просто категории. Ни причинность, ни финальность не могут быть объективно доказаны. Это только полезные логические пути к рассмотрению психических процессов. В биологии также вы можете спросить, почему человек имеет желудок, и получить длинное объяснение, но если спросить, для какой цели человек имеет желудок, то в этом еще больше смысла. Объясняя функционирование органов, финальная позиция полезна для объяснения и установления связей.

Проблема конфликта также связана с обучением и способностью к обучению. Бихевиористы, которые изучали способность к обучению у высших животных, заметили, что эта возможность увеличивается, когда модели пове-

дения становятся менее механическими, когда они имеют определенную гибкость. Когда модель поведения является чрезмерно механической, животное не может обучаться. Хорошим примером глупости механической модели поведения является блуждание леммингов. Лемминги, как и многие другие грызуны, имеют импульс время от времени собираться вместе и, плетясь вереницей, менять территорию. В этом состояние они становятся полностью одержимыми, и если по воле случая они подойдут к пропасти или к морю, то пойдут дальше, организовывая, так сказать, массовый суицид, и ни один лемминг при этом не будет спрашивать себя, что он делает и что происходит вокруг. Они просто идут в море и тонут; в них нет способности к обучению — они работают словно часы! Но в то же время другие животные обладают определенной гибкостью, и эта способность в определенных границах все же есть.

Великий энтомолог Жан Анри Фабр предложил идею, что модель поведения полностью механическая. Он наблюдал за определенным видом пчел, которые строили свою колонию в песке, песчаные пчелы. Эти пчелы делают серию дыр в песке; затем при помощи ядовитых инъекций они парализуют, но не убивают гусениц. Песчаные пчелы располагают парализованных гусениц в каждую дырку, и затем откладывают в них яйца. Когда вылупляются личинки, они первым делом кормятся гусеницей, которая съедается заживо — садистское дело — и лишь потом пчелиная матка кормит молодняк. Иногда гусеница получает слишком много инъекции и погибает, тогда распространяется ужасная вонь, и все в дыре погибают, то есть одно из гнезд рушится, но пчелиная матка настолько глупа, что продолжает подавать еду в каждое гнездо. Фабр, который наблюдал этот процесс, часто говорил: “Здесь вы можете наблюдать механическую модель поведения, словно заведенные часы, она совершенно не знает, что она делает, никакой гибкости, тотально механическое поведение!” Наблюдение было перепроверено, и теперь можно заметить, какую роль предубеждение играет в наблюдении природы, поскольку теория Фабре была принята и много раз копировалась, что

удовлетворяло механический образ того времени. Теперь же было замечено, что песчаные пчелы проводят механическую кормежку четыре или пять раз, а затем устраивают, можно сказать, инспекционный тур. Не беря с собой еду, пчелиная матка просматривает каждую дыру и после кормит только живые гнезда. Единственное, чего она не может делать, это кормить и проверять одновременно. То, что и *мы* тоже не можем делать, я полагаю!

Таким образом, уже на низшем уровне песчаных пчел существует определенная способность к обучению, получению информации и адаптации модели поведения к ней. Итак, в самом низу животной цепочки уже существует определенное количество пластики в модели поведения. Бихевиористы говорят, что в общем, чем больше паттерны расслаблены, тем менее они механизированы, менее плотно организованы, и способность к обучению более сильна. Когда механические паттерны смазаны и расплывчаты и не работают слишком сильно, то существует определенная гибкость, и тогда появляется способность к обучению. Человекообразные обезьяны имеют очень смазанные модели поведения и, соответственно, высокую способность к приобретению индивидуального опыта. Мы, люди, в свою очередь, заплатили за нашу способность к обучению и за высокий уровень сознания тем, что имеем относительно расплывчатые и ослабленные инстинктивные паттерны. Невозможно в одно время иметь и монетку, и пирог!

Книга Артура Кестлера "Лунатики" является историей предубеждений, которые порою господствовали в науке. Она обладает достаточной наглядностью, чтобы показать, как предрассудки, основанные на чувственной убедительности, поддерживались тысячелетия. В 60х годах 20го века конгресс медиков материалистического толка *ex cathedra* решили, что астма не имеет какого бы то ни было психологического основания, но является чисто физическим фактом, который должен лечится всякими сыпучими препаратами и т. д. Тот факт, что существуют чисто психотерапевтические курсы лечения астмы, полностью игнорируется. Я же, к примеру, являюсь свидетелем одного случая, когда я сама

вела лечение, когда без физического вмешательства, а лишь при помощи анализа снов, астма полностью исчезла. Мой же пациент не изменил свой образ жизни, а лишь прошел сеанс психотерапии, и его астма исчезла, окончательно и бесповоротно. Но этот факт не берется в расчет, поскольку это не соответствует их мировоззрению. Итак, наша способность к обучению очень и очень мала, поэтому Юнг часто повторял цитату: "*Les savants ne sont pas curieux*" (ученые не любопытны).

Глава 7. Субъективные состояния Творца

В этой главе речь пойдет о реакциях, побуждениях и мыслях, приводящих к сотворению. Как вы помните, иногда говорят, что творцы пробуждаются к сознанию, в других случаях — что они кажутся скучающими и потому творят. Например, Серебряный Лис и Койот сотворили лодку с помощью мыслей: от скуки они думали, что теперь должно было что-то случиться, и таким образом Серебряный Лис создал мир. Итак, мы соберем различные реакции и побуждения или мыслительные импульсы, которые, согласно мифам, привели к сотворению мира. Странно, однако, то, что тот способ, который, как можно подумать, кажется наиболее простым, является не самым часто встречающимся: это сексуальность, хотя аналогию мужчины ми женщины, вместе создающих ребенка, естественно, можно найти в мифах сотворения. Например, Отец-Небо и Мать-Земля, или Отец-Солнце и Мать-Луна порождают весь мир. Или это Великий Дух и его женщина. Североамериканский миф творения говорит, что у них было четверо детей, и эти четверо детей также творили, и так далее, и таким образом был сотворен мир.

Разумеется, мы находим, особенно во многих примитивных обществах, миф сотворения мира путем сексуального акта. Это прекрасная аналогия тому как из ничего, так сказать, создается нечто полностью естественным путем. Но это в каком-то смысле неудовлетворительно, потому что объяснить происхождение человека, говоря: “Ну, это происходит в сексуальном союзе мужчины и женщины”, — не объясняет, что происходит на самом деле. Это словесное объяснение, которое скрывает настоящую тайну, а именно настоящее происхождение человека. И потому все мифы творения, которые приписывают происхождение мира сексуальному союзу отца и матери, очень быстро перескакивают

через начало и переходят к следующему шагу. Это, следовательно, способ объяснения творения когда, по той или другой причине, не желают углубляться в этот вопрос. Это всего лишь простой путь объяснения одного чуда другим: "Ну, это были просто отец и мать, и как ребенок происходит от отца и матери, также и мир происходит от отца и матери, разве это не очевидно?" Такие мифы обычно делают огромный упор на дальнейших этапах творения, а начало многословно или быстро откладывается в сторону вместе с образом сексуального союза.

Приведу несколько примеров. Южноамериканский миф о сотворении мира у киче: в их известной священной книге мифов "Пополь Вух" говорится, что в начале не было людей, не было животных, птиц и рыб, ни деревьев, ни камней, ни растений и ни лесов, было лишь небо. Лицо земли было невидимо, под небом было лишь молчаливое море. И был лишь Тепеу Кукумац, создатель космоса, отец и мать, окруженный зелеными и синими перьями. Ее имя было Кукумац, потому что она была великим мудрым существом и с ней было сердце неба. В темноте и ночи Тепеу и Кукумац подошли друг к другу и заговорили. Потом они подумали над этим и согласились, что, вместе со светом, нужно создать также и человека. Таким образом, они приняли решение о творении, о росте деревьев и побегов, о начале жизни и сотворении человека. Они создали животных, которые не могли разговаривать, но они хотели создать человека, чтобы восхвалять Богов. Потому они решили обратиться к оракулу двух магических богов, чтобы понять, как и когда им нужно снова попытаться создать человека. В начале пророчества старые Бог и Богиня сказали: "Ложитесь вместе и говорите, чтобы мы слышали, и решите, нужно ли собрать дерево, чтобы создатель и тот, кто придает форму, могли работать с ним, и увидите, сможет ли поддерживать и подпитывать нас то, что получится". Затем заговорил оракул и возвестил: "У вас получатся ваши творения из дерева, они будут говорить и их будут понимать на лице земли". "Да будет так", — прозвучало в ответ на эту речь. И сразу же были созданы творения из дерева. Тогда она и сердце неба вместе создали

все. Эта творящая пара идентична в то же время с небом и поверхностью воды. Затем, юкатанские майя также говорят: в год и день темноты, когда не было, ни дней, ни лет, когда мир был еще погружен в темноту и хаос и земля была покрыта водой, и на поверхности были лишь глина и пена, однажды появился Бог-Олень, которого звали Пума-Змея, и красивая Богиня-Олениха, которую звали Ягуар-Змея.

У них был человеческий образ и большие магические силы; они сексуально объединились, и от этого произошел мир. Они — Ягуар-Змея и Пума-Змея, но на самом деле это два человека, которые есть Боги.

В таких случаях, два существа, отец и мать мира, всегда находятся "только там", не объясняется, откуда они берутся, они даны ex nihilo. Тогда просто говорится, что они создали все, но "как" не описывается, и если создание произошло с помощью женщины, которая потом родила, — это полностью пропускается. Вот почему я говорю, что это так неудовлетворительно. В этих мифах о мужчине и женщине не вдаются в подробности того, что происходит на самом деле. Считается, что сказать, что это мужчина и женщина, вполне достаточно. Что теряется, так это удивление! Это ужасно сокращенный вариант, где все удивление, изумление нуминозностью создания не выражено; возможно, оно чувствуется, однако не выражено в мифе. Однако эти мифы, которые начинаются с сексуальности, обычно очень сильно подчеркивают более поздние события. Например, что создается неправильный вид человечества, затем он уничтожается, потом создается новый, а затем идут великие битвы, и так далее. Это говорится очень пространно и с сильными эмоциями, но начало выражено в паре предложений. Я считаю это неудовлетворительным. Мне нравится удивляться и выражать свое удивление, так что я предпочитаю те мифы, которые не выражают тайну начала так коротко.

Следующий этап, и это, насколько мне известно, единственный случай, дан в египетском мифе, где изначальный Бог создал следующую четверицу Богов путем мастурбации. Это по крайней мере логично, потому что он один и не имеет

жены. В самом начале существует один Бог, а не два, и, следовательно, не имея жены, единственный способ, которым он мог создать мир, была мастурбация. Из изначальных вод, Нун, вышел Бог Солнца. Он мастурбировал и извергнул двух Богов — Шу и Тефнут, а они создали Геба и Nut. В одной из версий он плюет и создает четверицу богов своей слюной, а в другой он мастурбирует и собирает свою сперму в ладони и таким образом создает четверицу Богов: Небо и Землю, Шу и Тефнут. Первоначальный Бог в этой версии называется Атум. С одной стороны, необходимо, чтобы в начале было одно существо, а не пара, но есть также склонность объяснить происхождение мира путем сексуального акта. Для египтян мастурбация была очевидным и достаточным образом и давала решение, с которым они могли бы прийти к монотеизму: через мастурбацию единственный Бог творит все.

Теперь я хочу перейти к различным видам эмоций, которые приводят к творению. Одной из возможностей является то, что Бог чувствует себя неуютно, или чувствует беспокойство, как, например, в мифах некоторых североамериканских индейцев. Есть также Майду, где сказано, что Создатель Земли плавал на воде и волновался: "Интересно, как, и интересно, где, и интересно, в каком месте можно найти землю в этом мире?" Здесь первая реакция создателя — это своего рода тревожное беспокойство: "Интересно, интересно, как бы мы могли и где бы мы могли" делать что-то. Это довольно необычная и не часто встречающаяся реакция.

Более частое чувство, которое побуждает к творению — это одиночество. Например, виннебаго, племя индейцев сиу, рассказывают миф творения так: Великий Дух чувствовал себя одиноким. Потому он взял часть своего тела, из области сердца, а также немного земли, и из этого создал первого человека. Потом он создал еще трех мужчин и женщину, которая есть эта земля, мать всех индейцев. Четверо мужчин — это четыре ветра. Сначала они очень беспорядочны и дики, но затем они становятся более контролируемой. Затем Великий Дух населил земли животными, а после

этого создал мужчину и женщину. Мужчина получил табак, женщина — кукурузу, и так далее. Это длительный процесс, показывающий, как Великий Дух является также инструктором человечества во всех вопросах цивилизации. Но первичная мотивация в том, что Бог чувствовал себя одиноким и по этой причине создал мир.

Эта тема встречается во многих вариациях. Индейцы кламат, например, рассказывают то же самое. Они говорят, что сначала был один Бог, единственное существо, обладающее сознанием и мыслью, и он создал все через свою мысль и через желания, пожелав вещи, потому что он был одинок. В одном племени инков говорится, что создатель живет на небесах, которых он никогда не оставляет, потому что он должен упорядочивать все. Он сотворил небо и землю, потому что он чувствовал себя одиноким, а затем создал помощников, у которых было такое же отношение, как у него, и они создали остальной мир. Здесь опять мы находим ту же мотивацию: Бог чувствовал себя одиноким.

Эту идею можно найти также в Индии. В Брихадаран-Яка Упанишад говорится, что мир создан принесением в жертву коня — я упоминала об этом, когда говорила о мотиве первой жертвы. В четвертой части мы находим следующий миф творения:

В начале была одна Самость (Атман, в форме личности. [Слово, обозначающее личность, "пуруша", обозначающее существо в форме человека, или личности. Мюллер переводит Атман, как "Самость", так что можно также сказать, что в начале Атман был один в форме личности, или в форме пуруши.] Он, глядя вокруг, ничего не видел, кроме своей Самости. Сначала он сказал: "Это я", поэтому его именем стало "Я". Поэтому даже сейчас, если человека спрашивают, он сначала говорит: "Это я", а затем произносит другое имя, которое может у него быть. И поскольку до всего этого он (Я) сжег все зло, потому он был личность (пуруша). [Это игра слов, потому что "ush" означает "сжигать", и purusha интерпретируется как то, что сжигает все зло.] Воистину, тот, кто знает это, сгорает каждого, кто пытается быть впереди него. Он боялся, и поэтому каждый, кто одинок,

боится. Он подумал: "Раз нет ничего, кроме меня, почему я должен бояться?" Затем его страх ушел. Чего он должен был бояться? Поистине, страх возникает только от существования второго. Но он не испытывал восторга. Поэтому одинокий человек не чувствует никакой радости. На секунду у него возникло желание. Он был так велик, как муж и жена вместе. Затем он сделал так: его Я разделилось на два (pat), и так появились муж (pat) и жена (patni) [снова игра слов]. Поэтому Ягнавалкья [мудрец, которого он наставляет] сказал: "Мы, таким образом, двое (каждый из нас), что половинка ракушки". Поэтому пустота, бывшая там, заполнилась женой. Он обнял ее, и родились люди. Она подумала: "Как он может обнять меня после того, как произвела меня от самого себя? Мне нужно скрыться". Затем она стала коровой, а другой стал быком и обнял ее, и, так родились коровы. Одна стала кобылой, а другой жеребцом, один ослом, а другой ослицей. Он обнял ее, и так родились копытные животные. Один из них стал козой, другой козлом; один стал овцой, другой бараном. Он обнимал ее и, обнимая друг друга весь процесс творения, они создавали все виды животных и существ.

Здесь мы сконцентрированы на начале истории: Пуруша, первоначальное существо, одиноко и боится и не чувствует никакой радости. Снова возникает мотив страха, но это очень хорошо охарактеризован. Это не страх чего-то, не страх перед объектом; он даже спорит об этом и говорит, что, поскольку нет второго человека, почему он должен бояться? Он пытается рационализировать свой страх, как мы делаем, когда мы боимся. Это тот глубокий, иррациональный страх который появляется, когда ты один, и которые мы все испытываем, если вдруг остаемся в полной тишине и одиночестве, когда большинство людей начинают бояться, не зная почему. Одинокий начинает воображать, что за ним следят, и смотрит вокруг. Это иррациональный страх, потому что один хорошо знает, что это бессмыслица, что один ничего не должен боится, и все же, тем не менее, один боится. На самом деле, причина этого страха в нас исходит из бессознательного.

Если вы одиноки, множество вашей жизненной энергии, обычно используемой для связей с внешними вещами, можно сказать, весь “социальная энергия”, внезапно словно ограждается плотиной и не имеет выхода и, следовательно, течет обратно и формирует бессознательное. Вот почему во всех религиях изоляции является одним из способов, с помощью которых можно встретить Богов, или призраков, или духов — тех, при помощи которых мы становимся посвященными во внутренний опыт. Первый шаг в большинстве религий, будь то шаманский опыт, или опыт инипи коренных американцев, или поиск откровения североамериканскими индейцами на вершине горы, или монашеская жизнь на Дальнем Востоке и в Европе, или первые монахи Египта, — это всегда был импульс, чтобы изолировать себя, потому что тогда внутренний опыт устремляется вверх.

Страх одиночества лежит в основе фобии тюрьмы. Нахождение в тюрьме в одиночестве в течение длительного времени — это то, что многие люди не могут вынести, потому что создает угрозу вызвать у них сумасшествие. Это те люди, которые не в состоянии позволить бессознательному выйти наружу как, как “нечто”, на что они могут опереться. Единственный способ преодолеть такой иррациональный страх — это попытка визуализировать бессознательное, или дать ему говорить, как голос, и слушать, и и позволить ему вам рассказывать; затем вы можете преодолеть первый иррациональный страх ощущения, что если вы слышите голоса и так далее, вы сходите с ума. Если вы можете вынести этот первый удар, который, кажется невыносимым для рационального ума, то фобию тюрьмы, или как ее назвать, легко преодолеть. Это вопрос о том, чтобы вынести первый удар. Но прежде чем бессознательное достигнет такой степени тяжести, что она прорывается наружу в галлюцинации или голосе, или любом из этих проявлений, обычно прежде всего этого существует состояние высочайшего напряжения, когда такой иррациональный страх захватывает одинокого человека.

Я сама много лет назад не могла применить активное воображение, и, прочитав о монахами в египетской пустыне,

думала, что единственное, что надо сделать, это заключить себя полностью и попытаться оградить бессознательное, как это делали они. Я заключила себя в горной хижине в снежный период зимы, но я была настолько интровертна, что в походе в деревню один раз в день для покупки хлеба было вполне достаточно, экстраверсии, чтобы заставить меня чувствовать себя замечательно, и бессознательное не было достаточно огорожено. Перекинуться несколькими словами с женщиной в булочной и сказать: "Да, сегодня хороший день, немного дует Fohn [теплый ветер], снег тает," — было вполне достаточно, так что никакой монашеский опыт не хотел проявляться. Тогда я решила запасти консервов и сухарей, и не выходить из дома, даже в булочную, — и вот тогда оно прорвалось. У меня была ужасающая фобия грабителей! Эта фантазия шла дальше и дальше, особенно ночью, когда у меня всегда появлялась мысль, что грабитель придет к хижине, которая не может быть достаточно хорошо заперта. На третью ночь, в ужасном страхе, я спала с топором возле моей кровати — у меня не было ничего другого, он был нужен мне для рубки дров — и вот я лежала с топором у моей кровати, пытаясь представить себе, будет ли у меня мужество ударить грабителя по голове, если он придет! Это стало совершенно невыносимо, я была так напугана, что не могла больше спать, и вдруг я подумала: "Но, боже мой, это ведь то, что я хотела!" А потом я визуализировала грабителя и начала разговаривать с ним, и все чувство страха исчезло.

Я пробыла в этой хижине две недели и мне не нужно было запереть дверь; спала я как убитая. Я поняла, что я приехала туда, чтобы получить такие переживания, и, когда они пришли, я была напугана, но потом я научилась разговаривать с этим грабителем. Я видела его очень ясно своим внутренним зрением. И это тот способ, которым, как я думаю, можно преодолеть этот вид паники. Фокус в том, чтобы позволить вещи, в какой бы форме она ни возникала, стать объективной. И вот, помимо прочего, человек не одинок больше, у него есть внутренний партнер, с которым можно говорить, и захватывающие разговоры на целый день. Напротив, этим вполне можно быть занятым.

Это момент, когда “один становится двумя,” (Ницше), который описан, когда Атман-Пуруша разделяется на мужа и жену — на две половины. Это момент, когда надо понять, что то, чего боишься, объективно. Это так красиво описано здесь: жена заполняет пустоту, а затем охватывает Пурушу. Это та пустота, которой боишься, но в тот момент, когда позволяешь бессознательному ворваться в эту пустоту и заполнить ее и стать объективным партнером, одиночество, а с ним и иррациональный страх перед одиночеством, уходят. Тогда это становится лишь вопросом разговора с внутренним партнером. Именно поэтому Юнг часто цитирует известное высказывание алхимиков что тот, кто одинок и изолирован от толпы и не может присоединиться к другим людям, найдет внутреннего друга, который присоединится к нему и будет его направлять. Для алхимиков это был Гермес Меркурий, который помогал им в их опытах одиночек по созданию философского камня. Однако существует предварительный этап до того как бессознательное может принять эту форму бытия реального объекта; это переходный этап, когда человек испытывает, или страдает от иррационального страха, которая на самом деле есть известный страх привидений, и страх, который испытывают все первобытные люди. Это также страх чего-то нового и неожиданного.

Обычно, отношение живого существа, в том числе высших животных, к внешнему миру и к социальному окружению, то есть другим существам того же вида, обусловлено моделями поведения. Животные, например, обусловлены врожденными моделями поведения по отношению к своим сородичам, в том числе добыче, которую они должны убить. У животного нет проблем с отношениями, так как все регулируют инстинктивные модели социального поведения. Мы, будучи, как мы теперь знаем, до сих пор стадными животными (в раскопках древнейших времен человека всегда находят племена, племенные образования), также обусловлен иметь отношения не только с другими человеческими существами, но и с объектами, со всем, и страх овладевает нами, когда у нас нет модели поведения, по которой строить отношения. Это объясняет страх перед неизвест-

ным, потому что мы не знаем, как встретить неизвестное. Если это человеческое существо, которое вы знаете, вы можете реагировать так-то и так-то. Если это дерево или животное, вы можете реагировать, вы обусловлены ко всем этим вещам. Но если это неизвестное, то вы чувствуете пустоту внутри, вы не знаете, что это такое и поэтому не знаете, как реагировать. Это вызывает то самое странное, чувство потерянности, ты находишься, так сказать, в пустом пространстве.

Фантазия, прокравшаяся в мой ум, была совершенно очевидной и простой — грабитель-анимус — но это была очень уместная фантазия, потому что немецкое слово, обозначающее грабителя, Einbrecher, тот, кто врывается, — а тот, кто врывается, это как раз бессознательное. Итак, грабитель символизирует вторгающееся бессознательное, то, что вторгается в область сознания. Как только вы можете визуализировать это, или услышать голос или еще что-то, то худшее преодолено, потому что тогда у вас есть модели поведения и вы можете на них опереться. Если, например, это грабитель, то в вашем распоряжении есть все модели отношения к человеческому существу. То есть бессознательное уже приняло форму, превратилась в нечто, к чему вы можете относится. Но прежде, когда вы все еще находятся в состоянии, в котором есть только напряжение, сдерживание энергии, существует огромный страх. На самом деле, многие люди, даже те, что проходили анализ, никогда не преодолевают этот страх перед бессознательным и не рационализируют его. Они никогда не позволяют воздействиям неизвестного приближаться к ним и даже используют психологические термины, юнгианские или фрейдистские, чтобы заблокировать его. Они говорят: “О, это мой Анимус” , или “Это моя Тень”. Они используют ум как защитный механизм, который, естественно, очень подозрительно.

Иногда при анализе, когда пытаешься передать анализируемому что-то, чего он боится, то, вместо того чтобы слушать, он выльет на вас целую проповедь, и будет, говорить, и говорить, и говорить, чтобы не оставить пустого места в разговоре, где вы можете поместить то самое

страшное. Он боится чего-то, таким образом он пытается отогнать это разговором. Есть даже такой невротический симптом: у некоторых из-за бессознательной тревоги бывает своего рода постоянный словесный понос. Они боятся что-то и постоянно должны заполнить пустое пространство вокруг них большим количеством горячего воздуха, потому что молчание может принести реальную вещь, которая страшна, поскольку неизвестна.

Но страх, согласно нашим индийским мифам, является основой творчества. Каждый, кто не может выдержать удар неизвестного, разумеется, не способен создать что-то новое, или позволить возникнуть чему-то новому, чему-то творческому. Если он не может выдержать этот предварительный этап паники или страха, он никогда не станет творческим, и это является одним из блоков творчества. Некоторые люди никогда не могут встретиться лицом к лицу с этим страшным моментом, когда тебя преодолевает неизвестное, и по этой причине не могут перейти к активному воображению, разговаривая с бессознательным.

Теперь мы подошли к теме, очень тесно связанной с этим беспокойством и чувством одиночества, и которую можно обнаружить в мифах очень часто, а именно мотив плача. Создатель плачет; его первая реакция перед созданием мира или во время него — это плач. Африканский миф, миф творения племени балуба, который, в известном смысле, немного странен, потому что все существа уже есть, также несет этот мотив плача: В начале была большая, пустынная равнина, не было ни куста, ни травы, ни дерева. Все животные плакали: антилопа плакала, птицы плакали, леопарды плакали — все плакали, потому что не было ничего, где они могли бы спрятаться. И еще была старуха со слезящимися, дурно пахнущими глазами, которая сказала, что она спасет их, если все они будут лизать ей глаза и исцелят их. Животные согласились; и вот пришли антилопы и лизали ее глаза, попугаи, леопарды, все они пришли, пока она не была исцелена. Тогда старуха взяла калебас с семенами и бросил семена в землю. Из этих семян произошла вся растительность, и каждое животное теперь

имело свое жилище, и так все животные были спасены старухой.

Это не миф творения в полном смысле слова, потому что земля и животные уже существуют, и есть только создание растительности. Я включила его, потому что мотив плача имеет важное значение. С помощью плача животных поверхность земли из пустыни становится местом для жизни. Плач также часто встречается в мифах творения североамериканских индейцев. Один принадлежит одному из родов племени алгонкинов. Он таков: В начале не было ничего, кроме воды, земли не было видно. На воде была лодка, и в лодке был человек, который плакал, потому что он понятия не имел о том, какой будет его судьба. И крыса Moshus пришла из воды и спросила: "Дедушка, почему ты плачешь?" А потом она выловила для него землю. Это известный индейский способ зарождения земли. Там первая реакция Бога-творца — это плач от волнения перед неизвестным, потому что он не знает, "какой будет его судьба".

Затем, существует миф творения виннебаго, где говорится, что то, что сделал наш отец, придя в сознание, неизвестно, но у него стали литься слезы, и он заплакал, и он ничего не видел. Не было ничего, а потом его слезы образовали землю внизу. В других версиях он поднимает землю и формирует поверхность земли. В другом мифе виннебаго, его слезы падают и создают озера, а затем он начинает желать. Он желает света — и появляется свет, он желает землю, и земля становится реальной, и так далее. С тех пор он творит все просто желая.

Я действительно видела при анализе, что иногда люди, которым нужно сделать какую-то творческую работу, впадают в эти состояния плача. Они не знают, почему они плачут, или это рационализируется как род жалости к себе, но они полностью растворяются в слезах, а потом вдруг собираются и начинают быть творческими. Это один из способов сначала растворить сознание и приблизиться к бессознательному, которое играет большую роль также в алхимии. Одной из начальных стадиях алхимической работы очень часто явля-

ется liquefactio, превращение в жидкость для уничтожения prima materia, которая часто отвердевает или окаменевает неверным образом и поэтому не может быть использованы для изготовления философского камня. Минералы должны быть сначала превращены в жидкость. Естественно, лежащий в основе химический образ — это извлечение металла из руды посредством плавки, но liquefactio часто несет алхимическую коннотацию растворение личности в слезах и отчаянии. Состояние liquefactio упоминается в начале работы, как плавление металлов, и алхимики говорят, что во время этой части работы алхимик печален, он сидит в нигредо и его мысли меланхоличны, он находится в afflictio animae, в субъективном состоянии грусти и отчаяния, которое сопровождает плавку руд металлов. Это проливает свет на то, что значит плач, а именно, что это эффект abaissement du niveau mental, через которое может прорваться творческое содержание бессознательного. Это особенно относится к людям, у которых есть тенденция к консолидированному или, скорее, рациональному сознательному привычному отношению, и поэтому необходим процесс превращения в жидкость, чтобы приблизиться к слою, где бессознательное может подойти и поговорить с ними.

Одной из следующих реакций является желание, и вместе с ним то, что индуистский текст называет голодом. Я думаю, что голод является важным, поскольку он имеет более широкую коннотацию, чем желание и действительно более точно выражает то, что, по моему опыту, означает слово “желание”, которое используется в других текстах. Это не желание определенного объекта, например, человек, желающий женщину, или некто желающий определенную вещь, это желание чего-то, не зная чего конкретно. Это все равно что открытый рот желающий что-то, не имея еще конкретного объекта в поле зрения, или конкретного представления в уме. Во втором разделе Брихадараньяка Упанишад есть такой миф творения: “В начале не было здесь ничего [переводчик добавляет “воспринимаемого”] чего бы то ни было. Все это было скрыто на самом деле смертью, голодом, ибо смерть — это голод”.

Это, разумеется, специфически индийский способ мышления, а именно, что путем желания ты, как личность, создаешь свою карму, ты начинаешь существовать. Вот почему Будда позже учил, что, принося в жертву всякое желание, Вы можете оставить мир и вернуться к нирване. Желание — это, так сказать, начало, корень всякого зла, корень всего существования. И это существование на земле и в реальности, если смотреть с духовной точки зрения индусов, есть смерть. Быть затерянным в действительности, в жизни и в этом мире через желание, с точки зрения духовного человека, который вышел из всего этого, есть форма смерти. Именно поэтому голод, желание, и смерть идентичны в этом старом индийском тексте. Смерть подумала: “Дайте мне тело”. Вы видите, она снова хочет чего-то! Затем она переместилась, поклоняясь. От нее, поклонявшейся таким образом, появилась вода, и она говорит: “Истинно, когда я поклоняюсь, мне видится вода”. Это снова игра слов. Вода называется aka. “Действительно, есть вода, или удовольствие, для того, кто знает причину, почему вода называется aka, воистину вода — это aka,” и так далее. Таким образом, далее, первое существо, Смерть или Голод, разделяет себя в троичную форму и будучи в ней создает целый мир. Этот вид базового, экзистенциального голода, как можно было бы назвать его, здесь является корнем всего творения. Я думаю, что прежде, чем я интерпретирую его, мы перейдем к нескольким в какой-то мере более дифференцированным гностическим текстам, где есть та же идея.

Великим основателем секты гностиков был Симон Маг, который был одним из соперников святого Петра: у них было состязание в полетах. В космогонии Симона Мага — у нас есть лишь фрагменты — есть мысль, что в начале существовала абсолютно вечная и нетленная сила за пределами всего, еще даже не сформированная в образ. Эту силу Симон Маг называл огнем или желанием. Это основной космический принцип, который создает и пронизывает все, и это также космическая Самость. Симон Маг говорит, что она разделяет себя на верхнее и нижнее, создает себя, увеличивает себя, ищет себя, находит себя, она есть свои

собственные отец и мать, свой собственный брат, свой собственный муж, своя собственная дочь, свой собственный сын, отец-мать, одно, корень всех вещей.

И далее Симон Маг продолжает: Огонь есть начало всего творения, поскольку источником творения является желание творить, которое входит во все, что начинает существовать, и это желание создавать исходит от огня. Таким образом, сначала есть предсознательная совокупность, которая содержит эго, бессознательное и все остальное в одном, которое есть мужское-женское, которое есть одна вещь, которая была раньше, и вещь, которая стала потом, все в одном. А оттуда огонь начинает движение, потому что огонь есть желание творить. Вот почему желание даже временного земного творения называется "Горение в пламени". Когда вы влюбляетесь, вы начинаете гореть. Он играет с этим словом, говоря, что даже при самом обычном использовании этого слова, когда вы влюбляетесь, и поэтому хотите создавать или рождать, вы горите. Таким образом огонь или желание-огонь есть начало всего. Огонь, продолжает Симон Маг, само по себе есть единство, но он проявляется в двух формах. Здесь опять есть подразделение на двойственность, дискриминация. В человеке он превращается в кровь, теплую и красную, как огонь и в сперму, а в женщине в молоко, в обоих он рождает творение. Огонь, согласно Симону Магу, есть также происхождение сознания, Логоса. Это, как он говорит в более позднем месте, есть маленькая искра, которая продолжает увеличиваться до невообразимой силы, а затем становится целым Эоном, божественной творческой силой. Еще в одном месте Симон Маг говорит, что есть два источника космоса, а именно великая сила, которая есть всеповелевающий дух, и великая мысль, которая женственна и порождает все в процессе рождения. Между ними же находится пневма.

Если суммировать смысл этого сложного текста, мы видим, что первое движение из этой предсознательной и гармоничной совокупности, которая покоится сама в себе, происходит от огня желания, или желания, которое имеет

форму огня, которая опять имеет два аспекта. Один текст школы Валентина, еще одного гностического писателя, говорит так: В начале был Autopater, то есть, отец самого себя, "само-отец" в том смысле, что он есть исходное существо и отец всего, сам же не имея отца, будучи сам своим собственным отцом. Он содержит весь космос и бессознательно находится в себе самом. Здесь снова бессознательный Бог символизирует предсознательную совокупность. Он, никогда не стареющий, вечно молодой, мужчина-женщина, охватывает космос, но не охвачен им, живет с Эннойей, женской силой, внутри себя. Его Эннойя хотела разорвать оковы вечности и таким образом проснуться в нем, или стать пробужденной в нем, он почувствовал желание обнять ее. (Женская сила, находящаяся в пределах Само-Отца, пытается пробудить в нем желание объединиться с ней.) Затем он соединяется со своим собственным величием, которое есть Эннойя, и из него, отца, вышли Алетейя, правда, и Антропос, человек.

Алетейя, правда, по-гречески женского рода, и Антропос, человек, это первые двое детей, и они создают целый ряд следууюющих групп мужских и женских существ. Я пропускаю это отчасти потому, что я хочу сосредоточиться на этом первом импульсе. Ennoia по-гречески означает мысль, которая еще не приняла словесную форму, не была озвучена.

Если вы будете наблюдать, как вы мыслите, вы заметите, что сначала у вас появляется своего рода озарение, осознание мысли, которые вы затем вербализуете. Например, если вы думаете в одиночестве в вашей комнате, вы обычно говорите, или пишете, или проговариваете нечто; таким образом, ваши мысли уже приняли форму того, что греки назвали бы Логос, слово. Но прежде, чем мысль вербализована, существует внутреннее ее осознание. Например, я говорю "э-э-э-э", что означает, что у меня уже есть в уме мысль, и затем мне нужно сделать переход к ее вербализации. Как правило, сначала вы делаете это внутри себя. Греки изучали этот процесс мышления, наблюдая за своими размышлениями, за тем, что происходило, когда они думали, и пришли к выводу, что существует своего рода

предмысль, которая и есть Эннойя. Это первое, молчаливое осознание мысли.

Это осознание мысли, или содержания мысли, является феноменом порога сознания, оно наполовину сознательное и наполовину бессознательное. Поэтому оно вполне подходящим образом персонифицировано как женское существо, Эннойя, анима, поскольку это то, что анима делает в мужчине; анима и есть та предмысль бытия. Именно поэтому Юнг говорит так часто говорит об аниме как о la femme inspiratrice, вдохновляющей женщине, потому что она и есть тот вдохновляющим фактором в том, что воспитывает в человеке творческую мысль. Если ее проецировать то он естественным образом чувствует, что это женщина, внешняя женщина, которая вдохновляет его. Но это потому, что он проецирует на нее свою аниму, и тогда она олицетворяет эту Эннойю, эту стадию предмысли.

Эннойя, согласно Валентину, также называется Charis, что означает “благодать”, и Sige, что означает “молчание”, оба эти слова по-гречески женского рода. Итак, она Эннойя, это осознание мысли, благодать и тишина. На том этапе, когда происходит Эннойя, вы не говорите, ни внешне, ни внутренне, вы находитесь в некотором роде задумчивого медитативного молчания, в котором вы осознаете творческую мысль.

Текст продолжает: Эта Эннойя пробуждает в Auto-Pater (в бессознательном образе отца), сексуальное желание обнять ее, и так они создают Истину и первого человека. Это сложная форма того, что было определено в первобытных мифах более простым способом, но что само по себе так же увлекательно и так же верно и в известном смысле гораздо лучше определено, потому что мы видим внутренние процессы между бессознательным и сознательным.

Другой изложение учения валентинианцев говорит нам, что в начале были непостижимый Эон, который существовал раньше всего, в самом начале, первоначальный отец, и Bythos, пропасть. Он был невидим и ничто не могло обнять его, или понять, или окружить его, он был вечным, не сотворенным; он отдыхал огромный период времени

в глубокой тишине. С самого начала с ним была Эннойя, которую также звали Charis и Sige — благодать и тишина. Вдруг у Эннойи зародилась идея, что из Bythos нужно произвести росток, что-то новое, сперму, которую он должен ввести в ее лоно. После того как она получила это семя и забеременела, она родила Nous. Здесь создана не Алетейя, правда, но Nous, космический разум, но как божественная сила. С тех пор он стал отцом всех вещей.

На самом деле мы уже перешли к новому мотиву, а именно от желания к мысли. Мы видели, что Эннойя, предмысль, мысль, которая все еще хранится и вынашивается внутри, пробуждает в отце желание объединиться с ней и творить, так что есть некое единство между сексуальным желанием и творческой мыслью в их самом первом существовании или в первом приближении. Мы уже рассмотрели довольно первобытный миф североамериканских индейцев, где Койот и Серебряный Лис создали лодку лишь с помощью мысли, и Серебряный Лис продолжал и затем творить в одиночку, но первый акт творения был совершен мышлением. Создание вещей мыслью можно найти также в нескольких других вариациях мифов североамериканских индейцев. Например, существует миф творения индейцев зуни, где говорится:

В начале вещей Авонавилона был один. [Он был самым первым высшим Богом индейцев зуни, это создатель и тот, кто сохраняет все.] Во всем пространстве времени не существовало ничего рядом с ним. Везде была полная тьма и пустота. Затем Авонавилона зародил в себе мысль, и мысль оформилась и вышла наружу, и таким образом шагнула в пустоту, в космос, и из них пришли туманности роста и туманы, полные силы роста. После того, как появились туманы и туманности, Авонавилона изменил себя своим знанием в другую форму и стал солнцем, которое есть наш отец, и которое освещает все и наполняет все светом, а туманности сконденсировались, опустились и стали водой и так появилось море.

Здесь можно увидеть мысль, что создатель сначала зачинает мысли в себе, что очень похоже на гностический миф

об Эннойе, а затем мысль экстериоризируется и выходит из него как другое существо, которое заполняет темную пустоту, что его окружает. Затем появляется противопоставление принципов сознательного и бессознательного, а именно: солнце и море, солнце является символом принципа сознания — не сознания эго, но сознания в целом, и море, как его противоположность. Но прежде солнца сознания нет моря бессознательного. Снова мы видим одновременность, где действительно нет никакого бессознательного до сознания, и наоборот. Бессознательного существует лишь как противоположность сознанию. До этого существует лишь всеобъемлющая совокупность, которых содержит их оба, совокупность сама по себе. Это похож на индийский миф, где Пуруша, с его женским партнером, заполняет пустоту, а затем соединяется с ней, хотя здесь не сексуальные объятия приводят к творению, а существование солнца в одной форме и моря в другой, которые с тех пор творят остальной мир.

Поразительно, что творение мыслью встречается в основном в гностических мифах творения, в мифах творения североамериканских индейцев, и в некоторых индийских мифах творения, что показывает мне, что оно существует преимущественно в области интровертных цивилизаций. Гностики — это интровертные мыслители par excellence начала христианской эры. Они более принадлежат к мыслительному типу, чем большинство других ранних христианских движений и, за редким исключением, безусловно интровертны. Индейцы Северной Америки также составляли относительно интровертную цивилизацию, где акцент лежит на внутренних возможностях человека. В Азии это самоочевидно. Во всех этих областях существует тенденция к описанию мифа творения как внутреннего процесса, внутреннего мыслительного процесса Божества. Они даже пытаются исследовать свое собственное мышление и прийти к пониманию и отражению, в буквальном смысле слова, посредством изгиба свои мысли назад к внутреннему и к субъективному фактору, чтобы наблюдать и описывать процесс, который предшествует творческой идее или мысли.

Это в основном разработано на Востоке, где существует идея творения путем тапаса, упомянутого в Ригведе. Тапас, который используется, например, в различных школах йоги, в настоящее время означает особую форму медитации, но первоначально он предназначался, чтобы дать тепло внутреннему, размышлять, так сказать, на тему себя, мы бы сказали, чтобы дать либидо самому себе. Ригведа 10,29 утверждает, что в начале была только вода, а в воде был живой зародыш. Из этого живого зародыша все родилось через тапас. У одного было желание любви, и от этой первой мысли, или желания любви, произошло первое семя. Сначала темнота была покрыта темнотой, эта вселенная была нечеткой и жидкой, пустое пространство, что пустотой было скрыто, и Один был порожден силой тепла — тапас. Затем впервые в нем возникло желание, желание, которое было ранним семенем духа. (То, что здесь переводится как "желание", в тексте называется "тапас".) Связь бытия и небытия обнаружили мудрецы, ища в своих сердцах с мудростью. Кто знает это действительно, кто может здесь объявить это?

Этот текст на самом деле не совсем понятен, здесь очень расплывчатые формулировки. Существует водная темная масса, покрытая мраком. Тапас иногда представляют желанием или силой тепла; зарождается одно, и это одно есть семя. Позже, в некоторых комментариях, его рассматривают как семечко, а в других как яйцо. Санскритское слово — это retas, семя, или дух — духовное семя, из которого выходит все рожденное.

Тапас также означает "потеть над чем-то". В некоторых упражнениях йоги, йог может повысить температуру своего тела и добровольно производить лихорадочное состояние. Есть интересные доклады Александры Давид-Неель о таком подвиге в тибетском монастыре, который на самом деле показывал соревнование в тапас между учениками: кто может высушить мокрые одеяла на своем

голом теле. Это вырождение в спорт — только внешняя сторона чего-то другого, а именно, что во многих медитациях йоги тапас используется как способ сдерживания

всей жизненной энергии: не только физически разогреть тело, но войти в состояние полной концентрации энергии. Следовательно, можно в определенной степени назвать тапас концентрацией всей психической энергии в одной точке, таким образом создавая психологическое тепло или аккумуляцию, и так происходит творение. Это рост того, что мы уже видели в гностических текстах в идее Эннойи, а именно интровертный акт мышления, который есть осознание мысли внутри, а не экстериоризация ее через слово, но сдерживание ее внутри, и медитация или сосредоточение на ней.

Мы бегло рассмотрели большинство состояний творения, и в завершение я хотела бы привести маорийскую последовательность создания, космологию маори, где вы увидите странное сочетание всех этих факторов. В некоторые мифы маори просто приводится список первых существ, или первых вещей, которое существовали, в виде генеалогии. Идет очень длинный список сил, которые существовали сначала — а затем только сообщение о творении. Естественно, перевести эти общие понятия маори очень трудно, но есть список, который, если подытожить, выглядит так: первое существо среди них, после разделения неба и земли, стало супругом с Ру (это сила, но у меня нет перевода этого слова), и они впервые родила Канапу (то есть свет в молнии) и Ватитири (это раскат грома, шум грома), затем Хиненуи те по (сила земли), а затем некоторые другие дети, их имена Тава-ре-Рику, Кукупара, Хаваики (слово, от которого произошло название Гавайи), Вавауатеа, и так далее. Все эти силы — это различные морские животные и в то же время отчасти и состояния.

У нас есть гавайская параллель, которая поднимает все это на субъективный уровень. На Гавайях что же список выглядит так:

Первое существо называется Те Аханга — набухание эмбриона в теле, то есть рост эмбриона. Второе существо Те Апонго — жадность. Третье: Те кипе ити — внутренняя концепция, концепция, которая находится внутри; Те кипе Рахи — подготовка; Те кине Ханга — импульс поиска; Те

Ранга Хаутанга — упорядочивание, как, например, из клеток в растущем теле; Те ити — очень-очень маленькая вещь, росток эмбриона;

Те коре — пока еще ничто; Те коре те вивиа — пока еще ничто без какой-либо основы, но с тенденцией к существованию; Те коре те равеа — пока еще ничто без удовлетворения; это означает, пока еще ничто, в которой есть некий род фрустрации; Пупу — поднимание, как у кипящей воды; Та ua — депрессия в печали, или заключение в слишком узкой матки; Тама-а-таке — создание корней, создавать корни; Те каноййе о тэ ука — вульва и Те кавити вити Те катоа тоа Тира Вай хе кура — объединенные переводчиком как половые органы, последний он ставит в скобки — пенис или красная кровь.

Мури-ранга-венуа — в супружестве с Маху-ика.

Это предки всего племени, которые носят, словно в бесконечно вложенных друг в друга коробках, все последующие поколения внутри себя. Таранга затем женится на Ира-ваки, Мауи потики женится на Нине Рау мау каку, и так далее.

Далее следуют сейчас имена творческих богов-демиургов; я не собираюсь приводить вам все эти вызывающие недоумение имена, которые для нас не являются важными. Что же бесконечно важно, на мой взгляд, так это начало, набухание эмбриона, а затем жадность, которая у нас была и во многих других мифах. Тогда "внутренняя концепция" — концепция, которая находится полностью внутри, будет немного похожа на Эннойю. Затем подготовка, нечто совершенно неопределенное. Затем импульс для поиска, то есть беспокойство, которое мы видели в другом мифе: что, где, как?.. Некое фрустрированное беспокойство. Потом нечто вроде порядка, но порядка клеток, как, например, у очень примитивного существа, несколько клеток размещаются по кругу, или в какой-то форме. Очень, очень маленькая вещь, сперма эмбриона, пока-еще-ничто, но с тенденцией к существованию, пока-еще-ничто с чувством фрустрации, а потом все остальные. Затем также депрессия, как один из существенных аспектов — существо, суженное в депрессии.

Этот гавайский список так красив, потому что это странная смесь: происхождение действительной биологической жизни, с клетками, например, пенис и все сексуальные аспекты, рост эмбриона, и смешанный с этим психологический аспект поиска, желания, зародыша мысли, пока-еще-ничто, желающее существовать, и все подобные тенденции. Это полная смесь внутренних и внешних факторов, еще одно доказательство того, как рождение реальности не может быть отделено от рождения нашего понимания реальности. Поэтому все описывается как одновременный процесс. Предформы сексуального союза, а также творческой мысли, описаны с большим чувством и дифференциацией.

Хорошо известно, что сексуальность и творчество очень тесно связаны в человеческой личности, и один очень часто видит, что нарушение одного нарушает другое. Секс и творчество, особенно в мужчине, хотя я бы сказала, и в женщине, странным образом связаны между собой; они являются двумя аспектами одного и того же паттерна. Секс был бы на инфракрасном конце спектра, а духовное творчество на ультрафиолетовом конце шкалы. Вы видите иногда, вполне конкретно, что человек, который не использует свои творческие способности должным образом, может по чисто психологическим причинам стать импотентом, и его импотенция может быть вылечена, если его творческие способности будут освобождены. Если кто-то говорит мне о симптомах, таких, как кусание ногтей, или импотенция, или царапанье лба, или что-то подобное, я просто делаю заметку в уме, но я не отношусь к этому очень серьезно, это не то, на чем я концентрируюсь потому что это, как правило, лишь симптом чего-то, который совпадает с более глубокой проблемой. Во многих случаях, когда импотенция была очевидной главной проблемой, по которой люди пошли на анализ, я видела, что сны полностью проигнорировали этот аспект и вместо этого грызли бедного анализируемого по поводу неиспользования его творческих способностей, или использования их не должным образом. Если сны не говорят о симптоме, тогда я говорю себе, что это не главное, что это всего лишь эманация проблемы, и мы должны

сконцентрироваться на том, о чем говорят сны. В нескольких случаях у меня был удовлетворяющий опыт, когда через некоторое время анализируемый говорил: “Кстати, моя импотенция тоже исчезла!” На ней не концентрируются, но она лечится “кстати” тоже, в то время как основная задача состоит в том, чтобы выявить способность творчества или придать ей правильную форму. И затем внезапно сексуальность вновь работает нормально. Это вполне понятно, потому что если кто-то имеет творческий дар и не выражает его должным образом, он может этим создать блокировку эмоций, которые могут также проявляться в области физического, так как без эмоций физическая мотивация исчезает.

Это не правило, не думаю, что каждый случай импотенции имеет такие причины, это не всегда причина, и существуют тысячи других. Но я видела много случаев, когда это было связано и где можно видеть то, что гавайцы, кажется, очень хорошо знали: насколько глубоко эмоции творчества и эмоции секса взаимосвязаны и имеют одни и те же корни. Еще один способ, в котором эти две эмоции иногда ошибочно переплетаются, как я видела в разных случаях, когда человек перебирает секса, избегая творчества. Это еще одна возможность. Можно сказать, что он накопления избыточной энергии и чувствовал себя напряженным и перегруженным, а затем, если он не в состоянии привести ее на творческий уровень, он вместо этого избыточно занимается сексом. Это не приносит ему счастья и удовлетворения, это происходит механически, в качестве средства, чтобы избавиться от напряжения, а затем оно накапливается и от него избавляются снова и снова, в своего рода порочном круге, круге нервной напряженности, поскольку другой выход, психический или художественный, или любой другой вид творчества, который можно представить, не был открыт. Как только он открывается, другое останавливается или становится нормальным, оно принимает нормальный размер, но эти две модели, модель естественно понятного сексуального поведения и модель творчества, очень тесно переплетены.

Подводя итог, чувства разочарования, страха, одиночества и скуки — это одни из мотивов, которые мы находим

довольно часто в мифах творения. Можно сказать, что все они принадлежат к тому, что алхимики называют afflictio anitnae, депрессия и грусть, которые предшествуют акту творения. В конкретном случае это, как правило, то, что мы называем abaissement du niveau mental, которое так часто наступает перед тем, как важное содержание бессознательного переступает порог сознания. Отчасти это энергетическое явление. Представьте себе: важное содержание, большая энергетическая нагрузка, находится на пути вверх через порог сознания. Когда оно приближается к комплексу эго, оно привлекает либидо от него, потому что, как частицы массы, оно влияет на другие частицы, то есть комплексы. Они влияют друг на друга как частицы, и поэтому этот контент привлекает либидо от эго, заставляя его чувствовать себя подавленным, усталым, беспокойным и в депрессии, пока содержание прорывается наружу.

Противоположность плачу — смех — я нашла только в одном примере, в тексте поздней античности, вероятно, из эллинистического Египта. Мы не можем его датировать и не знаем его точного происхождения, он был передан нам на папирусе, содержащем магические рецепты, вызывания и заклинания, который в настоящее время хранится в Париже. С подобными вещами перемешаны выдающиеся тексты по герметической философии и поздние синкретические религиозные документы.

Текст, который начинается с числа имен ангелов и призывов к Божеству, говорит: “Первый ангел хвалит тебя на языке птиц, АРАИ, АРАИ. Солнце хвалит тебя на святом языке ЛАИЛАМ [древнееврейском] под тем же именем: ANOK BIATHIARBARBERBIRSILATUBUPHRUMTROM” Эти 36 букв означают: я пойду перед вами, я, Солнце, и вами поднимается солнечная ладья.

Из солнечной ладьи выходит бабуин, который приветствует вас на языке бабуинов, “Ты число года Абраксас”, и так далее. Я даю вам это, не потому что это важно для нас, но чтобы показать вам создание текста, атмосферу, в которой он появляется. И вот теперь идет то, что нас интересует. Стих говорит: И Бог смеялся семижды. Гре-

ческое слово здесь означает громкий смех, это не просто улыбка. Бог засмеялся семь раз: Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха. Бог засмеялся, и из этих семи раскатов смеха возникли семь богов, которые объяли всю вселенную, это были первые боги.

Когда он впервые засмеялся, возник свет и его великолепие воссияло во всей вселенной. Это был Бог космоса и огня. Его слова: bessen berithen berio, это магические слова.

Он засмеялся во второй раз, и везде появилась вода, земля услышала этот звук и увидела свет, и был поражена и раздвинулась, и так влага была разделена на три части и появился Бог бездны. Имя его ESCHAKLEO: вы OE, вы вечный BETHELLE!

Когда Бог хотел засмеяться в третий раз, горечь вошла в ум и в сердце его, и она была названа Гермесом, через которого проявилась вся вселенная. Но другой Гермес, который упорядочил вселенную, остается внутри. Его называли SEMESILAMP. Первая часть имени связана с Шемеш, солнцем, но оставшаяся часть слова не объясняется.

Затем Бог засмеялся в пятый раз, и пока он смеялся, он стал грустным, и появилась Мойра (судьба), держа весы в своей руке, показывая, что справедливость была в ней. Итак, вы видите, что справедливость появляется из состояния между смехом и грустью. Но Гермес сразился с Мойрой и сказал: "Только я справедлив!" Пока они спорили, Бог сказал им: "Из вас обоих явится справедливость, все должно быть подвластно вам". Затем Мойра стала первым управителем мира с длинным магическим именем, которое я не могу даже прочитать и которое содержит сорок девять букв.

Когда Бог засмеялся в шестой раз, он был страшно доволен, и появился Хронос со своим скипетром, знаком власти, и Бог сказал ему, что ему принадлежат слава и свет, и скипетр правителя, и что все, настоящее и будущее, будет подвластно ему.

Потом он засмеялся в седьмой раз, переводя дыхания, и когда он смеялся, он заплакал, и, таким образом душа появилась на свет. И сказал Бог: "Ты будешь двигать все,

и все через тебя будет делаться счастливее. Гермес будет вести тебя". Когда Бог сказал это, все пришло в движение и наполнилось дыханием.

Когда он увидел душу (кто "он", не ясно, но, вероятно, это был Бог), он склонился к земле и мощно свистнул, и услышав это, земля разверзлась и родила свое творение. (Это интересно. Существует семь творений Бога, но восьмое создание исходит от земли.) Она родила свое творение, пифического дракона (то есть дракона, похороненного под Дельфийским оракулом), который знал все наперед через глас Божества. И назвал Бог его ILLILU ILLILU ILLILU ithor, сверкающий, PHOCHOPHOBOCH. Когда он появился, земля расширилась, и полюс остановился и захотел взорваться. И увидел Бог дракона и испугался, и из его испуга появился Фобос (страх), наполненный оружием, и так далее.

Это и есть один-единственный миф творения, где Бог смеется. Но в наиболее важных местах, а именно, когда рождаются Гермес, проводник психе, и душа, психе, он не только смеется, но или чувствует горечь в сердце своем, или плачет. Это двойное состояние, в котором Божество находится между смехом и плачем. Противоположности всегда притягиваются друг к другу и имеют тенденцию превращаться друг в друга через энантиодромию. Мы знаем также, что смех и плач в нас — это очень похожие состояния, и что можно очень часто впасть из одного состояния в другое или испытывать оба импульса в одно и то же время. Это единство противоположностей в эмоциональном состоянии и есть подлинное происхождение психики и ее водителя, Гермеса. Мы могли бы интерпретировать это как первую творческую преформу сознательной реализации, так как Гермес в то время воспринимался как вдохновитель, тот, кто дает и правильные идеи и руководствуется ими, дает в нужный момент нужное слово, творческое вдохновение. Он также является Богом интеллекта, в самом широком смысле этого слова.

Можно сказать поэтому, что психика и сознательный ум происходят от таких смешанных состояний Божества, когда оно смеется и плачет одновременно. Если суммировать все

эти различные состояния, мы видим, что практически все важные эмоциональные состояния, которые мы испытываем, собраны в различных мифах творения. Очень тесно с эмоциями и настроениями связаны сопровождающие физические реакции, такие как плевание, рвота, потоки слез и эякуляция. Испускание чего-либо из своего тела, что является самым естественным и примитивным способом производства или создания чего-то, было использовано как символ или как аналогия творения. В современных мечтах и фантазиях, так же, как и в материалах о шизофрениках, акт дефекации, наиболее часто символизирует творение. В "Символах трансформации" Юнг описывает видение больного шизофренией, в котором Бог дефекацией исторгает весь мир.

Квинслендские коковарра рассказывают следующей миф творения: был черный великан Анжир, у которого был огромный зад, где, однако, не было отверстия. Однажды, когда Анжир спал и видел сон, из дерева вышел человек по имени Джалпан (божественный первый охотник и дух куста), и он понял, что Анжир плохо себя чувствовал. С помощью куска кварца он просверлил дырку в его заднице. Сразу же оттуда вышла черная масса. Она была живой, и из нее вышли черные люди, коковарра. Анжир был очень рад, и отправился на юг, где он исчез и умер.

Мост между состояниями, которые я описала, и физическими секрециями и выделениями есть то, что мы называем эмоциями. Не нужно забывать первоначального значение слова эмоции — латинское emovere — нечто, что двигает кого-то из чего-то, что заставляет двигаться. Подводя итог, эмоции кажутся абсолютно необходимым основным фактором во всех мифах творения, вместе с сопутствующими психологическими чувствами и физическими реакциями. Эмоции обычно символизируются стихией огня, одним из наиболее частых символов либидо или психической энергии. Здесь я могу сослаться на "Символы трансформации", где Юнг бесконечно усиливает союз огня, слова, либидо, творчества, понимания и интеллекта, связанный комплекс содержания, который вращается вокруг символа психической и эмоциональной энергии.

Отрыв от своего эмоционального базиса всегда означает полную стерилизацию. Тот, кто не может соединиться со своими эмоциями чувствует себя, и является, стерильным. Психологически без эмоций нет творчества и нет существенной реализации чего-либо. Таким образом, для обозначения эмоций психика использует символы огня и света, ибо нет просветления, нет новой реализации, без эмоционального предшествующего этапа. Поэтому не удивительно, что в некоторых более сложных мифах творения — их, скорее, можно назвать теориями — элемент огня рассматривался как действующий творящий фактор. Упомяну лишь самый известный, а именно, космогонию греческого философа Гераклита, для которого весь мир состоял из огня. Все возникло из огня и будет преобразовано в огонь в конце мира, или, скорее, будет много миров, которые последовательно, или ритмично, всегда возникают из огня и в конце сгорят в большом пожаре. Один из известных фрагментов говорит буквально, что все можно обменять на огонь, и огонь обменять на все, как на золото можно купить любой вид товара и за товары золото всегда можно получить снова. Уже в таком объединении можно увидеть, что и золото, и огонь, и деньги, все указывает на либидо, наиболее обмениваемый основной фактор — психическое либидо. Как говорит Гераклит, все превратится в огонь. Есть две противоположные силы, которые приводят к порождению всего сущего, война и битва. Они приводят к пожару, а затем вновь к миру; первая — путь наверх, другая — путь вниз. Когда огонь конденсируется, он становится влажным, а если он конденсируется еще более, то становится водой. Когда вода конденсируется, она становится землей. Это путь вниз. Если, однако, земля растворяется вновь, то становится водой, и если вода испаряется, она становится воздухом, и это путь вверх.

Здесь мы видим нефизический и нехимический аспект огня, а именно как разумную субстанцию мира, то, что сохраняет и привносит разумный порядок во все вещи. Гераклит отождествлял ее со своим понятием логоса, и логос в таком смысле есть упорядочение, сознательная мысль, которая может быть выражена в словах — logos на самом

деле означает “слово”. Итак, из этой сопутствующей ассоциации видно, что для Гераклита огонь есть также мировой разум, рациональный порядок во всем. Мы можем видеть рациональные связи благодаря логос-качеству основной субстанции мира — огня.

Эта идея прямо повлияла на гностического философа, Симона Мага, чья космогония гласит: В начале было Божество, мы могли бы назвать это предсознательной целокупностью, о которой сказано:

Я и Ты одно, Ты до меня, Я тот, кто придет после Тебя. Эта сила едина, она разделяется на силу выше и силу ниже, она порождает себя, она увеличивает себя, она ищет себя, она находит себя, она своя собственная Мать, она свой собственный Отец, она свой собственный Брат, она свой собственный Муж, она своя собственная Дочь, она свой собственный Сын, Отец-Мать единые, корень вселенной. Из огня происходит начало всего творения, начало всего — это желание творения.

Это элемент, который мы уже обсуждали в прочитанных мною индуистских текстах: желание как один из великих мотивов, одно из эмоциональных состояний, которое мотивирует Божество, которое заставляет Божество создать мир. То же самое мы видим и у Симона Мага. “Начало есть желание к созданию, становлению чем-то, и это желание исходит из огня”. Так мы видим ассоциативную связь между огнем и желанием, что опять, очевидно, является субъективным психологическим фактом, который мы используем в повседневной речи. Огонь — это аналогия гнева, любви, волнения, и особенно желания в любви. Именно поэтому о стремлении к размножению говорят как будто тебя “подожгли”. Огонь есть единство, но он появляется двумя способами: в человеке, как кровь, которая красна, как огонь, и в сперме, или в женщине, что становится молоком. Затем он также объясняет, что этот огонь в то же время содержит разумный элемент, и он также, как и у Гераклита, содержит в себе элемент логоса.

Здесь на Симона Мага напрямую влияет Гераклит. Я могу лишь напомнить, что одним из наиболее широко

известных и признанных космогонических теорий в физике была теория Георгия Гамова, он не объяснял происхождение Вселенной, потому что он был достаточно скромен, чтобы пытаться сделать то, что он сделать не мог, но он сказал, что в начале всей вселенной было огненная газовая туманность, из которой возникло все. Итак, вы видите, что тот же образ до сих пор является основным в гипотезе одной из наиболее широко признанных космогонических теорий. И она не одинока. Как я уже упоминала, еще одна теория выводит все из первичного атома, из которого все возникло, пары близнецов-нейтронов. Так что огненная газовая туманность — не единственная первичная материя, о которой думает современная физика, но одна из них. Итак, вы видите, что мы не продвинулись значительно дальше. Для решения основных вопросов мы до сих пор прибегаем к архетипическим образам, хотя мы их по-другому формируем и по-другому объединяем с фактами.

Некоторые другие теории выражают веру в своего рода постоянное порождение все большего и большего количества материи, в то, что существует творческий процесс, который все еще продолжается, то, что теологи, например, называют Creatio continua. Ее можно найти и в китайской философии, в идее синхронистичных событий, которыми китайцы интересуются и которые являются частью Creatio continua, а также в идее Юнга о синхронистичности, потому что синхронистичность может в каком-то смысле быть привнесена в связь с теологической идеей Creatio continua. В первобытных же мифах я не вижу много аналогий, кроме того, что в наиболее примитивных обществах человек полностью готов, и я бы сказала, привычен, верить в чудеса, а всякое чудо, в некотором смысле, есть Creatio. Я имею в виду, что наивысший Бог, или даже более низший Бог, вмешивается и производит нечто, что дотоле не существовало и что не имеет естественных причин, не происходит по той или иной естественной причине из тех, которые уже существовали, но в мир привносится что-то новое.

Я не знаю ни одного первобытного мифа, который сознательно говорит о том, что не имеет начала. Можно

сказать, что если начала нет, то это лишь потому, что люди не думали об этом. Есть некоторые мифы, в которых говорится, например: “Однажды антилопы плакала, плакала другие животные, а затем пришла старая мать земли со слепыми глазами, и антилопа и другие животные лизали ей глаза и она создала землю”. Здесь нет начала: антилопа, земля и слепая старуха уже существуют. И есть еще много мифов, в которых можно предположить, что некоторые вещи уже есть, и что в начале нет никаких особых событий. Но это, я бы сказала, есть бездумное “безначалье”, поскольку не выделяется исходной точки, или нет размышлений о начале. Везде, где есть сознательное рассуждение, есть также формулировка начала. Это согласуется с очевидными психологическими фактами, потому что бессознательное не имеет ни начала, ни конца, которые есть в сознании. Как только я спрашиваю, когда это началось, происходит сознательный акт, а мне нужно в некотором роде установить его, что и производит начало. Или мы можем сказать сейчас, глядя назад, что начала никогда не было. Сейчас мы, например, говорим, что есть бессознательное, но ни один первобытный человек так не сказал бы! Сначала вы должны стать сознательным, а затем поставить под вопрос существование сознания, прежде чем сможете говорить о бессознательном. Пока вы не сделали этих трех шагов, бессознательного нет. Поэтому сказать сейчас, что начала нет, будет третьим шагом: сначала забываешь подумать о нем, затем думаешь об этом и определяешь начало, а затем снова отменяешь свое собственное размышление и говоришь, что начала там быть не могло. Это было бы дифференцированной формой мысли.

Очень тесно связана с теорией огня Гераклита и Симона Мага, которая по-прежнему является архетипическим образом, стоящим за Гамовской гипотезой происхождения мира, также теория Анаксагора, греческого философа, согласно которому весь мир существовал как полнейшая смесь веществ, в котором все материальные элементы были соединены в одно, с движением и порядком, приносимыми духом. Дух — это некий вид вихревого движения, или он создает

вихревое движение, с помощью которого исходные материальные частицы упорядочивают себя в различные видимые элементы, которые мы видим сейчас, хотя в первоначальном состоянии они были тем, что он назвал homomoeriae, маленькие частицы, которые все имеют один и тот же вид, и только через упорядочивающую волю духа они стали различными видимыми веществами. Это космогонический образ, который в некотором роде сродни — в своей архетипической основе — теориям Гераклита и Симона Мага.

Этот образ огня, огненного мира и огня, который в то же время обладает качествами упорядочивания и мысли, также встречается в мифах, непосредственно не связанных с космогонией, например, в том факте, что Гефест, бог художественного творчества в Греции, является кузнецом и хозяином огня и что во многих первобытных обществах изначально именно кузнецы, люди, обрабатывавшие железо и огонь, были великими знахарями. Книга Мирчи Элиаде по шаманизму содержит все документы и литературу по этому вопросу. Во многих африканских и сибирских племенах есть следы традиции, что изначально великими магами и знахарями и духовными правителями этих племен были кузнецы, которые, поскольку они имели дело с огнем, носили звание мастеров огня. Вы видите, таким образом, что огонь, а не железо, является доминирующим; этот титул показывает, что огонь является привлекающим элементом. До сих пор есть племена банту, где идет постоянная борьба за власть между кузнецом деревни и знахарем. Эта пара до сих пор сражается друг с другом за власть, и если чьи-то коровы были похищены, для этого человека все еще является проблемой, должен ли он идти к кузнецу или к знахарю. Кузнец по-прежнему выступает в роли старшего знахаря и потому люди, которые хотят магической помощи, до сих пор обращаются к нему и частично смотрят на него снизу вверх. Некоторые племена разделяют задачи: с кражами имеет дело кузнец, а с болезнями знахарь и т. д., но в племенах банту между ними идет настоящая борьба, поскольку перенос с кузнеца на знахаря был сделан не полностью. Но похоже, что кузнец, как хозяин огня, были

ранним духовный лидер племени. Элиаде приводит гораздо больше документов о связи между знахарем, шаманизмом и деятельностью кузнеца. Это показывает, что идея творчества, производства и огня, и связь огня и высшего разума, также сыграли огромную роль в этих областях человеческой деятельности.

Сродни идее огня, который мы, естественно, будем интерпретировать как либидо или как психическую энергию, особенно в ее эмоциональных проявлениях, есть индуистское понятие "тапас", которое я упоминала ранее. "Тапас" переводится по-разному, но в английских текстах обычно как "размышление". Макс Мюллер, в своем переводе Упанишад, говорит в примечании: "Я перевел "тапас" как "размышление", потому что это единственное слово в английском языке, который сочетает в себе два значения: тепла и мысли. Местные ученые авторитеты фактически признают два корня: одно "тап" значит "гореть", другое "тап" — "медитировать". Далее он приводит ряд примеров, чтобы показать эти два корня, но для меня вполне возможно, что на самом деле есть только одно слово "тап", которое имело оба эти значения с самого начала, а затем было разделено на два аспекта этого слова. Есть много мест, например, в Мундака Упанишад, где сказано: "Брахман раздувается при помощи размышления [с помощью тапас — здесь есть мотив раздувания, который мы видели до этого в мифе маори], так появляется материя, из материи дыхание, ум, истина, миры, и от трудов, выполненных людьми, бессмертные", и так далее. Затем в Айтарея-араньяка Упанишад сказано: "Был Бог, и он подумал: "Вот есть миры, нужно ли мне посылать хранителей этих миров?" Затем он сделал Пурушу, взяв его из воды. Он размышлял над ним (то есть он воздействовал на него с помощью тапас), и когда над этим человеком таким образом размышляли, его рот раскололся, как яйцо. Изо рта вышла речь, из речи агни, огонь" (4-я адхьяя, 1-й кханда).

Глава 8. Зародыши и яйца

В связи с понятием "тапас", мы выходим на новую тему: мотив зародыша или яйца, которое породило Божество, создав мир в его нынешнем виде. На эту тему есть очень хорошая работа Франца Лукаса, "Das Ei als kosmogonische Vorstellung" ("Яйцо как космогоническая идея"). Она несколько устарела, но еще полезна.

В связи с размышлением тапас, который означает отдачу тепла благодаря медитативной концентрации мысли, картина яйца или зародыша появляется как объект, над которым некто размышляет. Это можно найти в древнейших индийских текстах. В Ригведе (10.82), например, один из стихов говорит: "Какого же первого зародыша лелеяли воды, где все Боги увидели себя все вместе [вы видите, что зародыш содержит всех Богов вместе, они по-прежнему едины в компактном объединении], который находится за землей, за теми небесами, за таинственным жилищем могучих Богов?" Эта идея зародыша, который затем иногда называется конкретно яйцом, возникает в космогонической поэме Ригведа 10,21: там зародыш, над которым Бог размышляет, называется хиранья-гхарба, что обычно переводится как "зародыш золота", "золотой зародыш". Это понятие, которое можно неоднократно найти в сочинениях Юнга, всегда упоминается как символ самости. Яйцо иногда отождествляется со всей Вселенной, а иногда, как частный случай, с восходящим солнцем. Например, в Чандогья Упанишад 3.19 сказано:

В начале был не существующий. Он стал существовать, он рос. Он превратился в яйцо. Яйцо лежало в течение года. Яйцо открылось. Две половинки были одна из серебра, другая из золота. Серебряная стала этой землей, золотая небом, толстая мембрана [белка] стали горами, тонкая мембрана [желтка] стала туманом с облаками, мелкие вены стали реками, а жидкость морем.

Так родилось солнце.

Также в космогонии Ману Самхита 15 говорится:

Изначальный Бог превратил себя в золотое яйцо, сиявшее, как солнце, в котором родился он сам, Брахман, отец всех миров. В этом яйце он отдыхал в течение года, а затем он разделил его на две части одним словом. Из этих двух скорлупок он создал небо и землю, в центре поместил воздух, и восемь направлений в мире, и вечное обиталище воды.

Получается, иногда Божество больше находится снаружи, выращивая яйцо, а иногда он сам входит в яйцо и находится в нем. Этот образ всегда сопровождается идеей разделения его на части. Это яйцо было затем отождествлено с золотым зародышем в Ригведе. Тексты, приведенные мною, являются поздними, но они были перекомпонованы с привнесением мотива hiranyagharba, золотого зародыша, над которым размышляло изначальное Божество.

Тот же мотив содержит древняя финикийская космогония. Финикийцы считали, что основным веществом мира был эфир, который считался более светлой и яркой сферой воздуха, воздухом над пылью и облаками. Высший воздух был, так сказать, эфиром и основным веществом мира, и в нем был ветер как принцип движения, который был наполнен желанием творения — здесь тоже показан мотив желания. Он создал два существа, Хузорос и яйцо. Хузорос означает открывающий принцип, то, что открывает. И вот этот Хузорос разбил яйцо и сотворил из двух его половинок небо и землю. Здесь яйцо не является первым творением, но вновь является основным веществом, из которого Бог-творец создает космос.

Можно заметить, что, перейдя с Востока на Запад, эта история сразу становится более активной. Здесь Бог разбивает яйцо, это не тот Бог, который находится в яйце. Это более экстравертная деятельность Deus faber, который ломает яйцо и создает из него небо и землю. В одном персидском тексте, обычно датируемом временем династии Сасанидов, существовавшей от 200 до 600 г. н. э., говорится также, что небо, земля и вода, и все, что под небом, было создано

так, как появляется на свет яйцо птицы. Небеса находятся над землей, а земля, напоминающая желток яйца, была создана творческим актом Ахура Мазды и находится внутри небес. Эти индийские, персидские и финикийские традиции, вероятно, исторически как-то связаны друг с другом.

В Индии яйцо связано с солнцем, которое некоторые поздние тексты называют Сыном Яйца. Мотив яйца также можно найти в некоторых египетских космогонических системах. По одной из египетских космогоний, самое первоначальное количество воды называется Нун, она содержала все мужские и женские зародыши всех будущих миров. В начале в этих водах поселился изначальный дух и постоянно пронизывал их; его нельзя отделить от них, он с ними одно. Вода содержит творческий дух мира.

В большинстве египетских систем творческий дух мира отождествляется с Атумом. Этот дух почувствовал желание творческой деятельности и потому воплотил себя в образе бога Тота, египетского Гермеса, который начал все упорядочивать. Благодаря деятельности его мыслей, на свет появились четыре божественные пары, которые составили первую космогоническую группу из восьми: Нун и Нунет, которые после этого события рассматриваются как творческая и рождающая материя; Хе и Хехет, которые есть творческая вечность и эротический принцип пневмы; Тек и Текет, которые олицетворяют темноту пространства; и Нену и Ненуэт, которые олицетворяют отсутствие движения, неподвижность. Они — отцы и матери всех вещей. Затем начался первый акт творения, создание огромного яйца, которое держали в руках Хе и Хехет, которые представляют вечный и творческий аспекты принципа времени. В определенной степени они соответствуют эллинистическому богу Эону, который также содержит творческий аспект принципа времени. Из этого яйца возник Бог Солнца Ра, который затем стал непосредственной причиной всей жизни на земле. Здесь яйцо не есть самая первая сущность Вселенной, но является важным шагом акта творения: после того, как восемь божественных принципов возникли из принципа первоначальной одухотворенной воды, они создают яйцо

и из яйца происходит солнце. И здесь мы видим ассоциацию яйца с солнцем.

Тот же мотив встречается также в некоторых орфических текстах. Происхождение орфической традиции и мистерий исторически нам не очень понятно. Она предшествует рождению греческой философии, и у мы вынуждены датировать ее временем с VIII до VI вв. до н. э. Хотя комедия Аристофана "Птицы" и высмеивает одну из этих орфических космогоний, но из нее можно узнать кое-что об этой древней теологической традиции. Сначала были Хаос и ночь, и темная бездна, и второй Тартар, но земля, воздух и небо еще не существовали. В огромных расселинах Эреба — то есть, еще более глубокой бездны — ночь с ее темными крыльями произвела на свет яйцо ветра. Из него со временем появился Бог Эрос, пробуждающий желание и имеющий золотые крылья на спине. Он был похож на вихрь.

Это очень сложная картина, в которой есть мотивы желания и вихря, то есть ветра, движущегося по кругу. Он объединен с огромным Тартаром и с ночным Хаосом и сначала произвел на свет поколения богов. До того, как Эрос объединил их, не было Богов и не было ни одного бессмертного существа, но как только они соединились, небо, океан, земля и бессмертные поколения благословенных Богов появились на свет. Мы также узнаем из более позднего сообщения одного из Отцов церкви, что, согласно другим орфическим традициям, одним из первых богов был Хаос, который создал первоначального Бога, никогда не стареющего Хроноса (принцип времени). Хронос же создал яйцо, из которого возник Бог-гермафродит с золотыми крыльями, у которого сбоку была голова быка, а над головой огромный змей, который выглядел как форма всех изображений. Теология восхваляет этого Бога-первенца и называет его Зевсом, оздающим порядок во всех вещах. Он также назывался и Паном. Здесь "Пан", вероятно, это неправильное толкование или же более поздняя интерпретация или идентификация. На самом деле этот чудовищный Бог-гермафродит, который появляется из яйца, в орфической космогонии обычно называется Фанес, сияющий. Снова мы

видим связь с Солнцем. То, что появляется из яйца, есть сияющее существо, будь то Солнце или орфический Бог Фанес. В более поздних версиях он смешался с Паном, как Бог, который означает целую вселенная, каким он представлялся в поздней античности, когда он был уже не просто козлоногим духом лесов.

Образ золотого зародыша или яйца, может быть, не так трудно понять психологически, как некоторые другие образы, потому что мы можем легко распознать в нем мотив предсознательной целокупности. Это психическая целостность, представленная как вещь, которая появилась до появления сознания эго или какого-либо разделения сознания. Это архетипическая идея, которая в философия лежит в основе аристотелевской концепции энтелехии, это зародыш, уже содержащий в себе целое. У Аристотеля и его последователей можно обнаружить использование в качестве иллюстрации желудя, который уже содержит все дерево, или семечка, или, чаще, яйца, которое требует только тепла, так как содержит все остальное в себе. Тайна семени дерева, или семени цветка, или яйца, которое содержит столько необъяснимых тайн, естественно, есть подходящий архетипический образ, чтобы выразить предварительную целокупность, которая содержит все, однако детали пока не проявлены. Мы видим яйцо также и как образ самости, но в форме еще не осуществленности. Это, так сказать, лишь зародыш, то есть, что-то потенциально существующее, возможность воплощения, но не сама вещь.

Как только возникает образ яйца, он связывается с идеей концентрации: тапас, размышление и рождение разума. Таким образом, мы видим, что когда появляется этот мотив, он не отражает слишком примитивное психологическое состояние, поскольку это уже результат определенной концентрации внимания. Я видела то же самое на практике при анализе, где мотив яйца очень часто появляется в состоянии, когда можно сказать, что у человека впервые появляется возможность размышления о себе. Иногда люди практически неспособны действительно основательно размышлять о себе. В самом буквальном смысле этого слова,

рефлексия значит “отгибание назад”, и такое отгибание себя назад — это не то, что можно решить сделать, или, по крайней мере, многие люди решаются это сделать, и тем не менее не оказываются способными на это. В религиозных терминах можно было бы сказать: если кто-то становится способным к рефлексии, то это действие благодати. Иногда можно наблюдать, как кто-то ссорится, или находится в отчаянии из-за финансовой или любовной ситуации, и человек говорит, говорит и говорит о психологии, обсуждая сны и прочее, но всегда есть ощущение, что “сдвинутый ум” зациклился на проблеме и обсуждает ее в той или иной форме, а между этим человек будет говорить: “Ах, да, это, должно быть, моя проекция, я уверен, что здесь вредит моя тень!” Но это не есть рефлексия! Когда появляется реальная рефлексия, всегда можно увидеть ее в тот момент, когда посмотришь в глаза этого человека, потому что он или она спокоен. Тогда люди вдруг становятся спокойными и объективными по отношению к себе и готовы реально смотреть на вещи. Я бы назвала это нуминозным моментом, которого никто не может добиться по своей воле. Это замечательное состояние, когда оно случается с кем-то, тот вдруг становится спокойным и правдивым и действительно “с изогнутой спиной рефлексирует” о себе, глядя на самом деле на нижнюю часть психологической правды, чтобы найти проблемы. Момент рефлексии, возможности стать осознанным — потому что только таким образом возможен прогресс в сознании — это момент рождения солнца из яйца. Когда яйцо появляется во сне, тогда знаешь, что этот момент приближается, что сейчас рождение осознанности, как акт саморефлексии, по крайней мере, возможен, он сформировался. Либидо сконцентрировано в одной точке, и теперь оно может выйти наружу.

И не случайно, что в И-Цзин одна из гексаграмм определяет образ яйца знаком “внутренней истины”. О гексаграмме 61 говорится, что изображение внутренней истины — это яйцо с лапой птицы на нем, что означает птицу, сидящую на яйце и высиживающую его. Это живописный образ, для выражения того, что китайцы называют внутренней

правдой. Путем реализации внутренней истины, говорится здесь, можно проникнуть в любую трудную ситуацию, можно даже влиять на рыб и свиней — это значит, что можно даже совладать с неконтролируемыми животным и бессознательным импульсами, если найти путь назад к этому основному зародышу личности, этому зародышу истины через изгиб назад на себя.

Следовательно, мотив яйца часто мифологически связан с мотивами света и восхода, или появлением Фанеса, сияющего Бога, потому что он сочетается с идеей внезапного озарения. Прогресс в сознании возможен, и таким путем весь мир обновляется. Мы знаем, что каждый раз, когда человеческое существо показывает реальный прогресс в сознании, делает этот эволюционный скачок к более высокому уровню сознания, весь мир для него меняется: меняются отношения, взгляд на внешний мир и на его собственную ситуацию. Это полное перерождение мира. Мотив золотого зародыша или яйца показывает сформированность этой возможности путем огромной концентрации энергии в этом единственном центре.

Глава 9. Двоичное и четверичное разделение Вселенной

Очень часто можно увидеть, что после того, как яйцо создано, оно разделяется, обычно надвое. Одна часть становится небом, другая — землей. У индийцев земля сделана из серебра (серебро — это женский металл), а небо из золота.

В финикийской космологии Хузорос разделяет яйцо надвое. Мотив, очень близкий к разделению яйца — это мотив разделения изначальных родителей. Во многих космогонических мифах прародители, например, Отец-Небо и Мать-Земля, вначале существовали в непрерывном объятии. Они составляли, так сказать, существо-гермафродита, находясь в постоянном сосуществовании. В этом состоянии ничто не могло возникнуть, потому что Отец-Небо находится так близко от Матери-Земли, что между ними нет места для роста чего-либо. Мать-Земля не может родить ничего, потому что для этого нет места. Первым актом творения, следовательно, является разделение этой божественной пары, достаточно отталкивая их друг от друга, чтобы создать пространство для остального творения.

Чтобы представить идею такого акта разделения, я хочу привести миф творения, бытующий на одном из островов Новых Гебрид. Он рассказан сэром Артуром Гримблом в книге под названием *A Pattern of Islands*. Есть много версий этого мифа, но этот особенно красочен. Автор сообщает, как он слушал старика, рассказывавшего древний миф творения этого острова:

Темнело, когда он рассказывал свою историю. Все его слушатели кроме одного меня уже разошлись... Таакеута начал: "Сэр, я помню голоса моих отцов. Слушайте слова Каронгоа...

Старейший Наареау был первым из всех. Ни человека, ни зверя, ни рыбы, ничего не было до него. Он не спал, ибо не было еще сна, он не ел, ибо не было еще голода. Он был в пустоте. Существовал лишь Наареау, сидящий в Пустоте. Долго сидел он, и был лишь только он.

Затем Наареау сказал в сердце своем: "Я сделаю женщину". И смотрите! Женщина появилась из появилась из Пустоты: Неи Теакеа. И сказал он еще: "Я сделаю мужчину". И его мысли: На Атибу, Скала. И На Атибу лежал с Неи Теакеа. И смотрите! Вот их ребенок: Наареау Младший.

И Наареау Старейший сказал Наареау младшему: "Все знание находится полностью в тебе. Я сделаю для тебя то, над чем ты будешь работать". И он сделал эту вещь в Пустоте. Она была названа Тьма и Слипание Вместе; небо, земля и море были в нем, но небо и земля были слеплены вместе, и тьма была между ними, ибо еще не было разделения.

И когда работа его была сделана, Наареау Старейший сказал: "Довольно! Готово. Я ухожу, чтобы никогда не вернуться". И пошел он, чтобы никогда не вернуться, и никто не знает, где он пребывает сейчас.

Но Наареау Младший шел по кромке неба, которая лежала на земле. Небо было твердым, и в некоторых местах оно погружалось в землю, а в других местах между ними были пустоты. Мысль пришла в сердце Наареау, он сказал: "Я войду под ним." Он искал щель, в которую он мог бы вползти, но не было такой щели. И опять сказал он: "Как же мне поступить? Я помогу себе заклинанием". Это было Первое Заклинание. Он опустился на небе на колени и стал стучать по нему пальцами, говоря:

"Тук-тук, по небесам и по их жилищу. Это камень. Что происходит с ним? Он отзывается! Это скала. Что происходит с ней? Она отзывается! Откройся, господин Камень! Откройся, госпожа Скала! Они открыли-и-ись!" И на третьем ударе небо открылось под его пальцами. Он сказал: "Готово", и посмотрел вниз, в пустое место. Там было темным-темно, и его уши слышали шум дыхания

и храп темноты. И вот он встал и потер свои пальцы. И смотрите! Первое Существо вышло из них, это была Летучая мышь, которую он назвал Тику-Тику-Тоумоума. И он сказал Летучей мыши: “Ты можешь видеть в темноте. Лети передо мной и находи то, что найдешь”.

Летучая мышь сказала: “Я вижу людей, лежащих на этом месте”. Наареау спросил: “Какие они?” и Летучая мышь сказала: “Они не двигаются и не говорят, все они спят”. Наареау вновь отозвался: “Это компания Дураков и Глухонемых. Это порода рабов. Скажи мне их имена”. И Летучая мышь посидела на лбу каждого, кто лежал в темноте, и сказала Наареау имя каждого: “Это Ука Поддувальщик. Вот лежит Наабаве Чистильщик. Смотри! Вот Кариторо Свертывающий, это Котекатека Сидельщик. А вот Котеи Стояльщик — их великое множество”.

И когда все они были названы, Наареау сказал: “Достаточно. Я войду”. Так он прополз через щель и пошел под внутренней стороной неба, и Летучая мышь была его проводником в темноте. Он встал среди Дураков и Глухонемых и закричал: “Господа, что вы делаете?” Никто не ответил, лишь собственный его голос откликнулся из пустоты: “Господа, что вы делаете?” Он сказал в сердце своем: “Они еще не в здравом уме, надо подождать”.

Он пошел к месту посреди них, он крикнул им: “Двигайтесь!”, и они передвинулись. И вновь сказал он: “Двигайтесь!” Они подняли ладони к внутренней стороне неба. Еще раз сказал он: “Двигайтесь!” Они сели, небо было чуть-чуть поднято. И сказал он опять: “Двигайтесь! Встаньте” ! Они встали. И сказал он: “Выше!” Но они ответили: “Как нам поднять его выше?” Он сделал шест из дерева, и сказал: “Поднимите его на этом шесте”. Они так и сделали. Он кричал: “Выше! Выше!” Но они ответили: “Мы не можем больше, мы больше не можем, потому что у неба корни в земле”. И тогда Наареау возвысил свой голос и закричал: “Где Угорь и Черепаха, Осьминог и Великий Луч?” Дураки и Глухонемые ответили: “Увы, они спрятались от работы”. [Уже тогда бывало такое!] И он сказал: “Отдыхайте”, и они

отдыхали; и сказал одному из них, по имени Наабаве: "Пойди, позови Риики, морского угря".

Когда Наабаве пришел к Риики, он свернулся во сне вместе со своей женой, короткохвостой угрихой. Наабаве позвал его: он не ответил, но поднял голову и укусил его. Наабаве вернулся к Наареау, плача: "Увы! Угорь укусил меня". Тогда Наареау сделал палку с затягивающейся петлей, сказав: "Мы поймаем его этой штукой, если есть приманка, чтобы подманить его". Затем он позвал Осьминога из его укрытия, а у Осьминога было тогда десять щупалец. Он отсек ему два щупальца и повесил их на палку как приманку, вот почему у осьминога сейчас только восемь щупалец. Они взяли приманку для Риики, и предлагая ему приманку, Наареау пел:

Риики древний, Риики древний!

Выйди, Риики, могучий;

Оставь жену свою, короткохвостую угриху,

Ведь ты оторвешь от корней небо, ты придавишь книзу глубины.

Поднимись вверх, Риики, могучий и длинный,

Опорная колонна, подопри небо и сверши это.

Сверши это, ибо таков был приговор.

Когда Риики услышал это заклинание, он поднял голову и сон покинул его. Посмотрите на него сейчас! Вот выдвигается вперед его морда. Вот он хватает приманку. Увы! Петля затянута, он крепко схвачен. Его тащат! Его тащат все дальше от его жены, короткохвостой угрихи, и Наареау кричит и пляшет. Но не жалейте его, ибо небо готово быть поднятым. День разделения настал.

Риики сказал Наареау: "Что мне делать?" Наареау ответил: "Подними небо на своей морде; придави землю своим хвостом". Но когда Риики начал это делать, небо и земля застонали, и он сказал: "Может быть, они не хотят, чтобы их отрывали друг от друга". Тогда Наареау возвысил свой голос и запел:

Слушай, слушай, как они стонут, Слепленные вместе издревле!

Проскользни между ними, Великий Луч, раздели их!

Подними свою спину, Черепаха, оторви их.

Разбросай свои щупальца, Осьминог, разорви их.

Запад, Восток, отрежьте их! Север, Юг, отрежьте их!

Подними, Риики, подними, опорная колонна, опора неба.

Они ревут, они грохочут! Но пока еще, пока еще Слипание Вместе не разорвано.

И когда Великий Луч, и Черепаха, и Осьминог услышали слова Наареау, они начали вырывать корни неба, вросшие в землю. Компания Дураков и Глухонемых стояла рядом с ними. Они смеялись и кричали: "Оно движется. Посмотрите, как оно движется!" И все это было, когда Наареау пел, а Риики толкал. Он толкал вверх своей мордой, он толкал вниз своим хвостом, корни неба были вырваны из земли, они оторвались! Слипшиеся Вместе были разделены. Все! Риики расправил свое тело; небо стояло высоко, земля опустилась, Компания Дураков и Глухонемых осталась плавать в море.

Но Наареау посмотрел на небо и увидел, что у него не было сторон. И он сказал: "Только я, Наареау, могу потянуть вниз стороны неба". И он запел:

Смотрите, меня видно на Западе, это Запад!

Там нет ни духа, ни земли, ни человека;

Есть лишь Род первой Матери, и Первого Отца и Первое Потомство;

Есть лишь Первое Называние Имен и Первое Нахождение в Пустоте;

Есть лишь только возлежание вместе На Атибу и Неи Теакеа,

И мы брошены в воды западного моря. Вот Запад!

Так же он пел на востоке, и на севере, и на юге. Он бежал, он прыгал, он летал, он был виден и вновь исчезал, как молнии по сторонам неба, и где он оказывался, там он опускал сторону неба так, что оно приняло форму чаши.

Когда это было сделано, он посмотрел на Компанию Дураков и Глухонемых, и увидел, что они плавают в море. Он сказал в сердце своем: "Здесь должна быть Первая Земля". И он позвал их, "Ныряйте вниз, ныряйте вниии-из! Хватайтесь руками. Захватите глубинные скалы. Поднимайте".

А потом начинается вылавливание земли из моря, которое мы видели в ирокезском мифе.

Таково поэтическое впечатление от одного из многих различных мифов о разделении неба и земли. Психологическое значение легко понять, если мы отнесемся к этому пренебрежительно или поверхностно, потому это для нас очевидно, что каждый психологический процесс основан на паре полярных противоположностей. Это действительно основная идея Юнга, та новая идея, с которой он перерос фрейдистское мировоззрение. Она содержит его концепцию психической энергии, которая, как и все энергетические процессы, основана на полярности, или предполагает полярность двух противоположностей. Мы так привыкли сейчас в юнгианской мысли к этой идее, что склонны недооценивать ее и не задумываемся о том, что она значит, но когда мы читаем эти мифы творения со всеми их различными двойственными парами — два создателя, две половинки яйца, разделение образов Отца и Матери, — мы видим, насколько широко распространена эта идея и что она действительно является одним из самых основных архетипических образов и лежит в основе большинства сознательных процессов разделения: разделения эго и остальной психики, или субъекта и объекта, снаружи и внутри, и всех других противоположностей.

В мифе о разделении родителей акцент делается на том, что необходимо пространство, чтобы между небом и землей могло появиться все творение. Небо в целом символизирует более духовный аспект психики, а земля — более материальный аспект. В одной из своих поздних работ по структуре и динамике психики, Юнг определяет психическую область сознания эго как лежащая между материальным царством тела и архетипическим царством духа. Эта модель психики в точности соответствует этим мифам творения. Психика в этом представлении есть *triton eidos* (Платон) между соматикой и духом.

Таким образом, расщепление на две части предшествует каждой сознательной реализации. Также часто до того, как бессознательное содержание становится сознательным,

когда оно затрагивает порог сознания, оно стремится разделится на две части: обычно это шаг непосредственно перед тем, как оно поднимается над порогом сознания. Это связано с тем фактом, что для нас непредставим никакой психологический процесс, в основе которого не лежит двойственность или полярность. Пока же противоположности суть одно и находятся в единстве, невозможен никакой сознательный процесс.

Этот момент связан с точкой зрения Востока, где конечной целью является возвращение в состояние, которое существовало до этого разделения на противоположности. Например, просветление, которое в буддийском учении и философии называется "бодхи", или просветление, описываемое как "сатори" в японском дзен-буддизме, являются попытками сознания перепрыгнуть в своего рода вспышке интуиции назад в единство, которое существовало до разделения на две части. Это состояние *nirdvandva*, за пределами противоположностей, возвращение в предсознательный этап тотальности и уход от субъект-объектного разделения, которое предполагает каждый процесс в сознании эго. Большинство космогоний, однако, описывают разделение противоположностей как положительный, творческий акт.

Тот же мотив двукратного разделения появляется в традиции маори, в мифе озаглавленном "Сыны Небес и Земли". В нем говорится следующее:

Небеса, которые над нами, и земля, которая находится под нами, были прародителями людей и источником всех вещей, ибо ранее небеса лежали на земле, и все было во тьме. Они никогда не были разделены, и дети неба и земли стремились найти разницу между светом и тьмой [это важно — дети *стремились* найти разницу *между светом и тьмой*, между днем и ночью], потому что люди стали многочисленны, но все равно длилась темнота. [Затем идет примечание записывавшего эту легенду со ссылкой на фразы "ночью", "первая ночь", "от первой до десятой ночи", смысл которой в том, что темнота была без предела и света еще не существовало.] И тогда сыновья Ранги [небес] и Папа [земли] посоветовались и сказали: "Будем

искать средства, чтобы разрушить небо и землю, и отделить их друг от друга". Тогда сказал Туматауэнга [бог войны]: "Давайте уничтожим их оба".

И сказал Тане-Махута [бог леса], "Нет, пусть они будут разделены, и пусть одно идет вверх и становится чуждым нам; пусть другое остается внизу, и будет родителем для нас".

И так дети неба и земли согласились, чтобы их родители были разлучены. Один лишь Теухири-Матеа [ветер] сжалился над ними. Пятеро согласились разделить их, и лишь один пожалел.

И таким разрушением своих родителей они стремились, чтобы люди увеливались и процветали, и в память об этом осталась поговорка: "Ночь! Ночь! День! День! Поиск, борьба за свет! За свет!" И вот Ронго-Матане [один из сыновей — я не включаю все пояснения] встал, чтобы отделить небо от земли, но потерпел неудачу.

Затем Хаумиа-Тикитики попробовал свои силы, но у него также не вышло.

И встал Тангароа, чтобы оторвать своих родителей друг от друга, но не смог этого сделать.

Затем попробовал Туматауэнга, но также потерпел неудачу.

Наконец восстал Тане-Махута, Бог Леса, чтобы бороться против неба и земли. Руки его оказались слишком слабыми, поэтому склонив голову и подталкивая ногами кверху, он отделил их друг от друга. Затем возопило небо и воскликнула земля: "К чему это убийство? Зачем этот великий грех? Зачем уничтожать нас? Зачем отделять нас?" Но о чем позаботился Тане? Вверх он послал одно и вниз другое, и вот почему говорят: "Тане толкнул, и Небо и Земля были разделены". Он тот, кто отделил ночь ото дня. Сразу же по разделении неба и земли стали видны люди, которые до сих пор были скрыты между пустотами грудей их родителей.

И теперь Таухири-Матеа [ветер] подумал, что он начнет войну против своих братьев, потому что они разделили своих родителей, ибо он один не согласился отделить жену

от мужа. [Здесь небо и земля внезапно названы женой и мужем.] Это его братья решили разделить их, и оставили только одного, землю, как своего родителя...

История, которую я процитировала, раскрывает причины, по которым дети неба и земли разделили их: во-первых, их стало слишком много, и поэтому пространство между небом и землей было слишком переполнено, во-вторых, они пытались открыть для себя разницу между ночью и днем, между тьмой и светом. Эта версия изображает более четко, чем любая другая, психологические аспекты разделения Вселенной, а именно, что отделение означает акт дискриминации, акт абсолютно необходимый как шаг в сторону большего сознания, то есть для дифференциации сознания. Не только первому, но каждому последующему шагу в сторону более высокого сознания предшествует разделение противоположностей. Слова для этого процесса разделения часто начинаются с приставки dis- (на латыни "врозь") — дискриминация, например. Этот факт указывает на тот принцип, что никто не может признать или понять что-либо без отделения и разделения. В мифе это связано с необходимостью более широкого дыхания и жизненного пространства: сначала близость неба и земли не была отрицательной, но постепенно так случилось, потому что стало задыхаться увеличившееся количество жизни.

Мы видим снова и снова необходимость расширения сознания. Более широкая и четкая точка зрения ощущается субъективно, как двери, которые вдруг открываются и вновь дают пространство для дыхания. Это освобождение определенных жизненных процессов. Бессознательное, когда оно устаревает (по причинам, которых мы знать не можем), воздействует на человека удушающе. Молодежь, например, говорит, что задыхается в домашних условиях. *Participation mystique*с семьей, бессознательная идентичность с ней, поначалу нормальна и является своего рода околоплодными водами, в которых плавает эмбрион, но позже она становится удушающей и человек начинает чувствовать, что не может дышать и ему нужно более широкое пространство. Иногда люди, которые живут в небольших деревнях и ма-

леньких группах, или в племенах, испытывают одно и то же: внезапно отдельные люди чувствуют, чтоони задыхаются. В таких случаях может даже появиться психогенная астма как симптом, это всегда указывает того, что в данный момент необходимо расширение сознания. В прежние времена, это расширение, как правило, осуществлялось внешне, или уходом из группы, или приходом в другую группу, но не как внутренний акт. Естественно, оно также может быть достигнуто, и даже более эффективно, внутренне, расширением сознания и дискриминацией.

Такая потребность появляется, когда есть необходимость перерастания проекции. Юнг говорит, что мы можем говорить о проекции, когда появляется нарушение архаичного тождества между субъектом и объектом. Пока у меня есть мнение о чем-либо, будь то о сущности материи или о характере моего соседа, или о чем-либо еще, и это кажется совпадающим с тем, как ведет себя эта вещь или объект, я никогда не буду в состоянии действительно видеть проекции, потому что кажется, что поведение объекта совпадают с моими взглядами на него. И только когда я начинаю чувствовать внутреннее беспокойство, ощущение, что я утверждаю об этом объекте не совсем верно, когда я чувствую нечто вроде угрызений совести, когда говорю о нем, тогда я разрабатываю состояние ума, в котором я могу спрашивать себя: “Это проекция? Какой она была бы, если бы объект был другим?” И поэтому можно сказать, что в бессознательном уже присутствует новая идея об этом объекте, новая точка зрения, которая выросла и вытолкнула прочь старую. Это похоже на растения, на которых есть шапочка семян, когда они выходят из земли, и если попытаться потянуть их слишком рано, они будут уничтожены. Но спустя некоторое время, они отталкивают семена от себя и появляются новые побеги. Так же и с проекцией: сначала новая точка зрения из бессознательного растет внизу, а затем в какой-то момент другая точка зрения опадает, так сказать, как старая шелуха, и это момент, когда человек способен, и даже должен осознать проекции. Почему из этих проекций выросли, почему люди и даже

целые народы перерастают их, и почему времена науки перерастают проекции и разрабатывают новые точки зрения, мы не можем объяснить. Мы можем лишь констатировать факт, что через некоторое время наступает до бессознательная потребность, которая иногда может быть предсказана наблюдением за снами и которая через некоторое время врывается в сознательную ситуацию.

Каждая точка зрения на реальность, будь то религиозная или научная, является системой упорядочения и отношения с вещами. Но, вероятно, именно потому, что это система упорядочения окружающего хаоса, и внутреннего, и внешнего хаоса, которому противостоит наш эго-комплекс, процесс упорядочения имеет свои ограничения; это, возможно, объясняет, почему по прошествии некоторого времени порядок воспринимается как тюрьма. Можно даже сказать, что каждая научная гипотеза — это инструмент для расширения сознания, которая через какое-то время ограничивает дальнейшее расширение. Вот пример: конструирование каждого события в трехмерном пространстве было очень полезным инструментом на заре механики и геометрии. Тогда было гипотезой то, что пространство имеет три размерности, и все должно быть сконструировано геометрически в этих трех измерениях. Это дало очень полезную точку зрения, так сказать, клетку, в которых ряд событий макрокосма могут быть описаны убедительным образом. Но когда приближаешься к субатомным явлениям, эта теория оказывается недостаточной, и человеку становится нелегко: наблюдаемые факты больше не вписываются в схему. Если бы мы могли признать, что три измерения составляют рабочую гипотезу, но что в той или иной области она больше не работает, мы могли бы отбросить ее и использовать другую схему. Это было бы нормально, но, как ни странно, у человеческого разума есть тенденция цепляться за старую схему любой ценой, даже ценой извращения фактов. Люди становятся эмоционально привязаны к своей рабочей гипотезе, словно это вечная истина, и потому, естественно, она становится тюрьмой, которая препятствует развитию сознания в той же степени, в какой когда-то помогла продвинуться. Так

обстоит дело с большинством архетипических идей, которые использовались в качестве рабочей гипотезы. Если мы их излишне выделяем и цепляемся за них эмоционально, они становятся тюрьмами, и когда это происходит, это тот момент, когда разрушение клетки, которую они образуют, воспринимается как расширение сознания и открытие новых возможностей жизни. Это своего рода основной процесс, присутствующий в каждом шаге вперед, в каждом расширении сознания. Именно поэтому он описывается как одно из первых и самых основных событий во многих космогонических мифах.

Другая проблема, которая возникает вместе с потребностью в обновлении сознания, состоит в том, что в коллективном бессознательном все архетипы загрязнены друг другом. При достаточно глубоком изучении любого архетипа, вытаскивая все его связи, вы обнаружите, что можно вытащить все коллективное бессознательное! Мне всегда вспоминается китаец, который рассказывал о некоем виде травы, корни которых распространяются так широко, что ее никогда нельзя выдернуть полностью. Китаец говорил, что если потянуть корень этой травы, то можно выдернуть весь газон! То же самое и с архетипами: если тянуть за один из них достаточно долго, вытащишь все коллективное бессознательное! Вот почему в психологии нельзя и запрещено подходить к этому содержимому, используя лишь функцию мышления. Для психологической интерпретации нам нужна функция чувствования, которая рассматривает тон чувствования архетипического образа, так же, как и его логические связи с другими образами. У дерева, например, есть символ, с очень особенным оттенком чувства. Он эмоционально передает вам нечто, что не совпадает с солнцем, великой Матерью-Землей, Источником, и так далее. Как только посмотришь на него, испытывая чувство, то понимаешь, что хотя эти символы загрязнены или связаны, у каждого из них иной тон чувства. Например, можно сказать, что земля — мать, символ смерти связан с источником, и так далее, но Мать-Земля и Мать-Дерево или Древо Жизни ощущаются иначе. Логически можно

идентифицировать их друг с другом, но с чувством этого сделать нельзя, и именно это настолько раздражает ученых, и вот почему столь многие называют нас, психоаналитиков, ненаучными. Но, наоборот, именно ради того, чтобы быть точными и не плавать в бессознательном, мы должны использовать чувство. Мы научны, когда мы используем его, и мы ненаучны, если мы не используем его, потому что без чувства мы начинаем интеллектуальное плавание, называя все всем. В этот момент мы достигаем предела, за которым одной лишь функции думания недостаточно и интеллектуальный человек должен осознать свои чувства. Благодаря природе архетипического содержания бессознательного, мы не можем подходить к ним только с функцией мышления.

У большинства ученых функция чувства есть низшая. Низшая функция является своего рода функцией "попал-промазал" : какой бы ни была четвертая функция, у нее есть качество быть или превосходной, или ниже допустимого. Поэтому я хотела бы сказать, что думающий тип должен подтянуть свои чувства как должно и стараться доверять им, но сохранять к ним некоторое критическое отношение, говоря: "Проецирую ли я?" потому что он более склонен к проецированию, ведь это его четвертая функция. Но он не должен говорить, что раз это четвертая функция, она, само собой, искажается. Она может так же хорошо попасть в цель! Не думайте, что низшая функция есть низшая в том смысле, что она паршивая, потому что она на самом деле очень хороша, но примитивна и неприспособленна. Он функционирует автономно, энергично и примитивными, а не культурно дифференцированными способами, но это не значит, что думающий тип, который доверяет своим чувствам, не решит проблемы или исказит ее, у него может быть правильное чувство, но он должен помнить, что оно наивно и примитивно функционирует, и потому может совершать очень грубые ошибки.

Затрагивая функцию чувства как представляющую четвертую функцию большинства ученых, мы подходим к нашему следующему мотиву в обсуждении мифов творения: подразделение вселенной на четыре фактора. После великого

разделения неба и земли, между которыми на поверхности появилась земная реальность, очень часто следует четырехкратное разделение этой реальности.

Мотив двойного создателя, разделения и отделения первоначальных родителей, имеет отношение к поляризации между сознательным и бессознательным. Но есть также мотивы, которые касаются трех или четырех создателей, на чем мы сейчас и сосредоточимся. Они связаны с типологией Юнга, некоторое знание которой я должна считать само собой разумеющимся.

Индейцы племени черноногих, например, рассказывают, что Главный Творец, Второй Творец и женщина плыли по великим водам в каноэ, обсуждая, как поднять землю над водой. Они выслали четырех животных. Трем это не удалось, однако ондатра принесла чуточку грязи, которая была использована для создания мира.

В мифе майду Посвященный Земли создает мир, и у него также есть немного земли, выловленной животным, черепахой. Он захватывает ее руками и разминает ее, пока не получается кусок величиной с камешек, который он кладет на свой плот. Время от времени он смотрит на нее, но она не становится больше, пока он не бросает на нее взгляд в четвертый раз. Внезапно она становится огромной, как мир. Очень часто говорят, что животное пытается выловить землю три раза, но ему не удается это сделать до четвертого; или три раза он смотрит на кусок глины, и он не растет, но когда он смотрит на него в четвертый раз, она внезапно трансформируется. Здесь существует четверичность в форме разделения времени, и четвертый момент полностью отличается от трех предыдущих событий.

Такое же разделение времени можно встретить в сказках всего мира: почти всегда есть три ритма, а затем полностью отличающееся четвертое событие. В известной русской сказке герой отправляется на поиски Марьи с Золотыми Косами, которая спит в Королевстве под Солнцем. Однажды он встречает великую колдунью, Бабу Ягу, спрашивает у нее дорогу и остается ночевать. Она не может показать ему дороги, но посылает его к своей сестре, а после нее

он идет к еще одной ведьме. Сказка в этом месте даже рассказывается ритмично, в одной и той же манере. Третья ведьма показывает ему дорогу, и он находит, как четвертую, Золотоволосую Марью.

Есть также много сказок, в которых девушка ищет своего мужа, или мужчина ищет свою возлюбленную. Он идет сначала к Солнцу, потом к Луне, а потом к звездам, чтобы спросить дорогу, или сначала к Солнцу, потом к Луне, а потом к Ночному Ветру.

В христианизированных версиях герой очень часто идет к мудрому старцу, отшельнику, который посылает его к другому отшельнику, а последний говорит ему, куда идти. Как правило, исследователи мифов говорят о трех ритмах, но на самом деле, если посмотреть более внимательно, мы видим, что три раза происходит одно и то же, а затем на четвертый раз происходит перемена. В индейских мифах творения можно заметить ту же самую совокупность.

Среди, опять же, индейцев-черноногих есть миф творения, в котором Солнце сотворило небо и землю, но никто не знает, как Солнце появилось на свет. У Луны был ребенок и у Солнца был ребенок. Ребенок Луны звался Старик, а ребенок Солнца — это Напи. Ребенок Солнца звался "Бог Апистотоки". Эти четыре фигуры начинают создавать мир. Им даны четыре вещи: песок, камень, вода и шкура для рыбалки — с помощью которых они завершают творение. Потом происходит наводнение, и они могут сохранить только эти четыре вещи. В конце концов они снова создают четыре вещи: старика, собаку, мужчину и женщину. После второго наводнения на земле остались только эти четверо, и они создают остальной мир. Таким образом, в этих космогониях мотив четырех постоянно повторяется.

У южных арапахо также есть миф, в котором земля была сначала создана Богом, но на ней ничего не было, и создатель земли сказал, что ему нужны слуги, чтобы смоделировать и сформировать его. Поэтому он создал Солнце и Луну, и мужчину и женщину — снова четыре. мужчину и женщину — снова четыре. Здесь они являются слугами Творца.

У виннебаго, одного из племен индейцев сиу, есть такой миф творения. Великий Дух чувствовал себя одиноким. Он взял часть своего тела, из области сердца, и чуть-чуть земли и создал первого мужчину, а затем еще троих мужчин. Затем он создал женщину, которая есть земля, бабушка всех индейцев. Четверо мужчин — это четыре ветра, и вновь они являются основными помощниками. Здесь на самом деле действуют пятеро, но пятая — это нечто иное, это пассивная земля, в то время как четверо мужчин стать помощниками творческого духа в создании Земли. Еще один вариант мифа виннебаго звучит так: мы не знаем, что сказал наш отец, когда у него появилось сознание, но он начал плакать. (Я уже приводила здесь эту часть мифа.) Затем он создал землю и послал четырех мужчин, четверых братьев, и поместил их в четырех местах Вселенной, чтобы поддерживать человечество. Существует еще один вариант, где говорится: Создатель Земли сделал четыре существа, которые выглядели так же, как он, и послал их, чтобы помочь человечеству: сначала создать его, а затем помочь ему.

У племен уичита есть верховный Бог, которого зовут "Человек, никогда не известный на Земле". Он Бог такого типа, который после творения уходит и никогда в дальнейшем не принимает в нем участия. Этот "Человек, никогда не известный на Земле" создал различных Звездных Богов и четырех Богов четырех сторон света. Индеец, который рассказывает эту легенду, говорит, что в крыше палатки или дома уичита (они жили в конусообразных травяных хижинах) есть четыре полюса: восток, запад, юг и север, которые представляют четыре Бога четырех сторон света. В середине находится полюс, который указывает на небо, на "Человека, никогда не известного на Земле". Итак, здесь вновь есть один неизвестный, который представляет предсознательную целокупность, все в целом, а затем подразделяется на четырех Богов четырех сторон света. Дом строится все еще подобным образом.

В других мифах — где, к сожалению, нет упоминаний о племени, но лишь о племенах прерий и плато в общем — Верховный Бог создал звезды Северо-Востока, Северо-Запа-

да, Юго-Запада и Юго-Востока и говорит им: "Вы четверо должны держать небо, пока оно существует, это будет ваша главная задача, но я также дам вам власть создавать и обучать человеческие существа".

У ацтеков можно обнаружить четверичное творение во многих формах. Например, они учат, что было четыре эпохи создания людей, каждая была разрушена наводнением, пока боги не создали мир, который существует сейчас: четыре мировых периода, как и четыре первоначальных Бога, которые создали мир. Пятый называется "Четыре движения" и является днем Пятого, современного мирового периода. Затем, есть миф о четырех первичных богах, которые в год "Один Кролик", решили создать четыре способа достижения середины земли, чтобы поднять небо. Для этого они создали четырех человек, и там приводятся четыре их имени. Когда они создали этих четырех помощников, боги Тескатлипока и Кецалькоатль превратились в два дерева и уйти в отставку и удалились.

В вариации мифа виннебаго есть такая же история о четырех существах мужского пола, братьях, которые были созданы и помещены в четырех углах света. Но этого было недостаточно, потому что мир продолжал вращаться, как сумасшедший, и создатель не мог остановить его. Поэтому он создал четыре углах света. Здесь вновь его постигла неудача, и поэтому создатель надолго задумался. Затем своими собственными руками он сделал четырех существ, духов воды, и поместил их под землей, они называются Держатели островов. Наконец он рассыпал по всей земле женское существо, и это и есть пятое! Под женским существом подразумеваются камни и скалы. После всего этого, создатель посмотрел на то, что он создал и увидел, что земля, наконец, успокоилась, она была закреплена, с четырьмя водными духами, держащими ее снизу, и женским весом, в виде камней и скал, поверх его.

В мифологии переход от одного основного числа к другому может быть достигнут различными способами. Можно рассчитать две процедуры: либо расщепления одной единицы, либо добавления еще одной, чтобы сделать два. Но как

только у нас есть два, то здесь вновь проблема: вы можете достичь трех двумя способами: или путем добавления еще одной единицы, или путем реконструкции первой единицы, разделяя ее на два, что позволит сделать три. То же самое с тремя: если у вас есть треугольник, вы можете добавить четвертое, или вы можете сказать, что три на самом деле одно, так что если объединение из трех добавляется к трем, это дает четыре. То же самое справедливо и для четырех: Есть четыре единицы, и вы можете продолжить, добавив единицу, которая могла бы дать пентаграмму, или существует четыре, и вы можете воссоздать исходную единицу, которая затем дает quinta essentia алхимиков. При добавлении следующего номера, как воссоздание первоначальной единицы, это на самом деле не следующий номер, но только один из предыдущих номеров. Мифологически, это просто один из четырех и он не чувствует себя пятым. Если вы читали алхимические тексты, это quinta essentia, квинтэссенция, которая на самом деле есть одна из четырех, в то время как пятый рассматривается как число природы, недостатка, природного несовершенства и телесного существования, некоторые размышления о символике чисел говорят, что это natura naturata, несовершенство "всего лишь природы". Но другой вид пяти есть квинтэссенция, наибольшее совершенство, полная противоположность natura naturata.

Таким образом, в символизме чисел всегда есть зависимость от того, какого типа ваше число. Например, в нашей теологической мысли есть проблема трех в Троице Отца, Сына и Святого Духа. Но Иоахим Флорский говорил о общей субстанции Отца, Сына и Святого Духа, и некоторые из его высказываний были осуждены Церковью как тайное введение Четверицы, так как у него была ипостась общей субстанции из трех, как будто это нечто самостоятельное. На самом деле он только смотрел на один из трех, который отличен от добавления единицы, но, естественно, одно приводит к другому, а его поняли в том смысле, что он добавляет четвертое и, соответственно, осудили. Если посчитать, то можно сказать, что исходная единица составляет континуум, и каждое число может быть понято

как представляющее единство предшествующих ему в новой форме. Два на самом деле есть два аспекта единицы, три на самом деле есть три аспекта исходной единицы. Четыре — это только четыре проявившихся аспекта единицы, и так далее. Так что это своего рода объединение континуумов под первоначальным числом, исходной единицей.

Как я это понимаю, следовательно, в этом мифе ацтеков пятый мир не был действительно пятым, но граничным явлением пяти. То же самое можно видеть в Китае. У нас на Западе есть четыре основных элемента, а в Китае их пять или шесть. Но когда вы смотрите на это, они всегда находятся в одном и том же порядке, поэтому они не очень отличаются от наших четырех элементов, за исключением того, что единство четырех, исходная единица, подчеркнута отдельно. Вот почему, если считать поверхностно, говорится, у китайцев есть пять элементов, а не четыре. Но если посмотреть на китайские рисунки, то можно видите, что это не противоречие четверице, но иной тип счета.

Когда есть священное число, следующее число — всегда грешное. У нас это тринадцать. Двенадцать есть полнота, потому что три раза по четыре — особенно полно. Тринадцать — это число-нарушитель, так что оно или очень счастливое, или очень несчастливое. Оно нарушает естественное чувство целостности и группировки. У чисел, в их первоначальном смысле, всегда есть качество группы. Например — и это очень глубокая история, хотя и звучит наивно — Юнг сделал эксперимент с некоторыми людьми из африканского племени: он показал им три спички и спросил, сколько их. Ответ был — три. Затем он сделал другой набор, из двух спичек, и спросил, сколько их было. Ответ был — два. Затем он взял одну из спичек из группы трех и переложил ее в группу двух, и снова спросил, сколько спичек, и получил ответ: две-две спички и третья спичка. Указывая на другую группу, он спросил, сколько спичек там, и получил ответ: две-три спички. Так исходная группировка придала качества трех своей группе, которую она сохраняла, даже если одна спичка был перенесена, а остальные принадлежали к исходной два-группе.

Этот перенос качеств имеет отношение к тому, как действует бессознательное. Например, первобытные пастухи могут считать свой скот, на самом деле не умея считать, потому что словами они могут считать только до семи или до десяти, но они могут за минуту правильно сосчитать шестьдесят три овцы, которые у них есть. Существует своего рода бессознательное понимание числа как группы и способность видеть его непосредственно через бессознательное, не имея возможности рассчитывать последовательно, как мы. Такое осознание числа соответствовало бы осознанию полноты группы. Это очень таинственное явление, я могу лишь обратить ваше внимание на это, но в этой проблеме есть гораздо больше того, что мы еще не решили.

Я хочу дать несколько отсылок на четырехкратное разделение творения. В индуистской традиции иногда говорится о первоначальном существе, Пуруше, что одна четверть от него — это все существа, а три четверти — это мир бессмертных на небесах. Он представляет собой совокупность, но подразделяется на одну четверть и три четверти. Существует также тенденция к четырехкратному делению в Китае, где племена мяо до сих пор поклоняются Пань Ку, первому существу, вместе с тремя государями. Здесь снова есть исходная группа из четырех, и снова дифференциация трех и четырех. Они не просто четыре: трое из них — государи, а один первоначальное существо. Мы снова видим исходное единство, к которому затем добавляются три.

В германской мифологии можно найти идею, что мир создан из изначального гиганта Имира. Боги приняли его череп и распростерли его над землей, и над ним сделал небо. Череп держали четыре карлика, стоящие на четырех углах земли. Потому в более поздних стихах небо не называется небом, но очень часто его называют "бремя карликов", или "бремя четырех карликов".

В некоторых африканских мифах существует изначальный Бог, который спускается на землю, где находит трех других существ, которых он не создавал. Он создал все, кроме этих трех: грома, Ндоробо и слона. Не совсем ясно, кто такой Ндоробо, но он есть своего рода вторичный

бог-творец: из его распухшего колена появились первые человеческие существа. Здесь опять ритм одного и трех, но первоначальная группа, приводящая все в существование, есть четыре.

Бена-лулуа говорят, что высшим создателем был Фидии Мукуллу. Он не создал мира напрямую, но у него было четверо сыновей, которых он послал на землю, чтобы создать мир.

У египтян были первоначальные воды Нун, первая вода, в которой невидимо существовал творческий дух Бога Атума. Из него вышли или четыре обезьяны, или четыре лягушки, или восемь обезьян и восемь лягушек, и они поклонились солнцу, выйдя из воды. В этом случае есть группа из четырех или восьми существ, которые поклоняются первому появлению света.

Четырехкратный акт творения можно найти в гораздо более дифференцированной формы в некоторых гностических мифах, например, в учении Валентина, который сейчас более известен нам по *Codex Jung*. Согласно Валентину, первое существо, которое он называет Autopater, Отец самого себя, или Само-отец, то есть, создавшая себя целокупность, в начале охватывало всю вселенную. Он не сознавал себя, никогда не стареющее, вечно молодое существо-гермафродит. Он, содержал в себя Эннойю, мысль, которая также называлась Sige, тишина. Они объединились и рождался человек (Антропос) и Алетейя (Истина). И вновь из первой пары сначала создается группа из четырех богов: Бога и его женский внутренний партнер, Человек (но не думайте о человека сегодняшнем в смысле человечества, ибо Антропос является божественным старшим братом человечества, если говорить по-индийски: я имею в виду идею о человеке как божественном существе), и Алетейя, Истина, это слово по-гречески женского рода. И теперь есть две пары, которые он называет первой, никогда не стареющей духовной тетрадой, что означает группу из четырех. Эта группа затем создала четыре других, а именно Антропос, Экклезиа, Логос и Зоэ: Антропос, духовный облик человека, Экклезиа, женская персонификация человечества, можно

сказать, духовная церковь, Логос, проявленная и высказанная мысль, и Зоэ, жизнь. Эта четверка вновь создала четверичную группу, которая является Святым Духом, и так далее, но я это пропущу. Есть бесчисленное множество различных божеств, к которым я вернусь позже в главе, посвященной проблеме цепных реакций, — много, много богов, которые были созданы. Важно то, что в некоторых из систем Валентина есть четырехкратные начала, и даже потом процесс продолжается в четырехкратностях, вероятно, под влиянием пифагорейской философии (пифагорейцы поклонялись тетраде как святейшему из всех чисел).

Возможно, зависел от Валентина гнозис человека по имени Маркос, основателя другой гностической секты. Маркос говорит, что в начале было первое существо, у которого не было отца, о котором нельзя думать, у которого не было вещества, и который не был ни мужчиной, ни женщиной, которое не может быть понято. Он открыл рот, и произнес Слово, которое было таким же, как он сам, Сын, Логос (вы видите здесь влияние христианства), и первое слово, он сказал, было Arche — что по-гречески означает "начало": А как число 1, R как число 2; CH как число 3, и E, как число 4. Он говорил только слова, которые состояли из четырех букв, и, говоря эти творящие слова, он создал вселенную.

Если рассматривать на символику чисел в мифах, ни в коем случае нельзя думать, что два и четыре, затем восемь это единственные значащие числа (хотя я выбрала только те мифы, где эти числа имеют особое значение, и пропустила значительную их часть где есть три создателя). Например, два создателя дрейфует в лодке и черепаха приходит как помощник, как третий. В южноамериканских мифах группа из трех богов создает мир, и в мифах ацтеков очень часто существует группа из трех в виде фигуры отца, фигуры матери и сына. Творящая триада не так часта, насколько я могу судить, как тетрада, но это также очень часто встречающееся число в мифах творения.

Разница между тремя богами, создающими мир, и этими двукратными и четырехкратными разделениями заключается в следующем: всякий раз, когда акцент лежит на

творческом действии, на творческой деятельности, у вас вполне может быть три, или шесть, или девять. Есть, можно сказать, триадные группировки творческих потенций. Всякий же раз, когда акцент мифа делается на создании ориентации, или порядка, Есть четыре создателя: четыре столпа мира, четыре направления на небе, четыре помощника Бога, и т. д. Таким образом, мы видим, что "три группы" подчеркивают творящий поток действия, в то время как "четыре группы" подчеркивают создание порядка, который вписывается в наши представления о сознательной структуре. Можно сказать, что номер четыре, из нашего практического опыта, всегда указывает на целокупность и общую сознательную ориентацию, в то время как число три указывает на динамический поток действия. Кроме того, можно сказать, что три — это творческий поток, и четыре есть результат потока, когда она становится спокойным, видимым и упорядоченным.

Для юнгианского психолога искушение, естественно, в том, чтобы сказать, что здесь мы видим четыре функции сознания. Я думаю, что это неверное переворачивание проблемы. Надо сказать, что здесь у нас есть архетипический паттерн, на котором построена наша идея о четырех функциях сознания. Другими словами, архетипическое четверичное деление реальности мира, каждого мифологического установления порядка, является более простым и более охватывающим символом, и наша идея четырех функций сознания является одним из его аспектов. Четверичность ориентации реальности есть более общее понятие, а наша теория четырех функций — это производная. Мы должны развернуть этот вопрос таким образом, и не должны проецировать назад, говоря, что эти четверо слуг, и так далее, есть четыре функции.

Глава 10. Неудачные попытки творения

Под неудачными попытками творения я имею в виду вот что. Очень часто Бог пытается создать людей, и это ему не удается. То, что он создает, похоже на титанов, или это гиганты, или идиоты, или они не в состоянии нормально двигаться. В любом случае, дело кончилось неуспехом, и поэтому он вынужден уничтожить их и повторить попытку. Иногда бывает даже несколько неудачных попыток, пока Божеству, или создателю, демиургу, удается создать нечто, что может остаться. Но иногда результаты этих неудачных попыток выживают, и затем они становятся либо злыми демонами, либо богами более высокого и определенно сверхчеловеческого рода. Переводя это на язык нашей цивилизации, в результате получаются или демоны, или ангелы, как если бы Бог время от времени создавал нечто чуть более хорошее, а затем пытался создать что-то чуть более плохое, и человека удается создать только как среднее существо, каким он, к сожалению или к счастью, теперь и является.

В мифе о разделении отца и матери, который я цитировала в конце предыдущей главы, были глухонемые и дураки, которые не помогли Богу оторвать небо от земли, они были слишком ленивы и бесполезны. После того как он нашел других животных, чтобы помочь ему, глухонемые и дураки или идиоты исчезли в море. Хотя это и не сказано прямо, они стали морскими существами: рыбами, угрями и так далее. В частности, получается, что первые неэффективные существа просто тождественны с низшими формами животной жизни, особенно теми, которые живут в море. Это кажется странным при сравнении с нашими теориями эволюции.

В самоанском мифе творения верховный бог Тангалоа создает мир, бросая вниз или вылавливая скалу из воды, и эта скала называется также Ика Мауи, перворыба

Мауи, которая становится тем, что нам сейчас известно, как Северный остров Новой Зеландии. Эта скала покрылась растительностью, и некоторые растения были священными, и внутри разлагающейся массы этих растений появились определенные черви, из которых, наконец, произошел человек. Позднее аристократия этого острова стала испытывать сильное отвращение при мысли, что они произошли от червей, и тогда они сказали, что они были созданы непосредственно верховным Божеством и лишь низшие плебеи были результатом превращения червей в человека.

В германском мифе творения, который рассказан в "Эдде", люди были созданы не первыми. Прежде Богов существовали гиганты, затем появились Боги, которые создали карликов, и только после создания бесчисленных карликов, которые все упоминаются в "Эдде" под очень странными именами, они создали человечество. Существуют различные карлики. Изначальные называются Волчьи карлики, Карлики-стражи, Утро, Полдень, Полночь и Вечер, Новый Свет и Тусклый Свет, Создатель Тумана, Создатель Ночи, Растягивающий, Облизывающий, Убийца, Сын Убивающего.

Земные карлики зовутся Умный Вор, Хватающий, Быстро Ссорящийся, Метко Попадающий, Умеющий Стрелять Из Лука, Всегда Готовый Ссориться, Проницательный и Жестокий, Быстрый, Находчивый, Лиса, Здороволицый, Быстро Мыслящий, Легко Находящий, и Тот, Кто Всегда Действует Под Влиянием Момента.

Есть еще одна их часть, которая называется Создатели Тумана, Сын Мертвого Листа, Огонь. Они живут в земле и в изначальных полостях холмов. Один из них зовется Вор Холмов, другие — Находящий Холмы, Находящий Награды, Находящий Хвалу, Формирующий, Строитель, Сжигающий, Красящий в Коричневый, Охлаждающий, Очищающий, Издающий Шум Падения, другой, Издающий Шум Стука, Создающий Искры, Создающий Кузнеца и много других.

Эти карлики мне кажутся очень интересными. Что это за неудачные существа? Что за великаны? Что за карлики? Есть ли они неудачные попытки создания человека? Я думаю, что имена германских карликов многое открывают.

В основном они представляют собой одиночные импульсы, одиночные полусознательные или сознательные импульсы. Например, Находчивый — находчивость означает, что что-то вдруг приходит вам в голову, и вы даете правильный ответ. Вы знаете, как часто, если кто-то обижает вас, вы просто стоите и страдаете, а потом в полночь вы вдруг думаете: я должен был сказать так-то! Это было бы так остроумно!

Но находчивость не пришла, когда вам этого захотелось. Много других карликов носят имена ремесел. В конечном счете, изобретение ремесел и способность к ремеслам зависит от вдохновения бессознательного. Другие имена — быстрые, импульсивные действия, вроде Ссора Перед Тем, Как Подумать: просто подпрыгнул, поссорился, а затем: О, Боже, нужно было подумать, прежде чем оскорблять в ответ и т. д. Быстро Ударяющий и Быстро Крадущий, что означает того, кто не только быстро ударяет, отвечая на воздействие, но видит что-то и кладет себе в карман — это также хорошая идея, быстрый сиюминутный порыв.

Все они представляют собой внезапное моментальное вторжение бессознательных импульсов или аффективного эмоционального характера, или более интеллектуальной природы. Они представляют собой нечто, что можно было бы суммировать на немецком языке словом Einfall. Слово Einfall очень трудно перевести на английский. Это то, что приходит в голову, падает в нее. Fall = падать, а ein = в, в-падать. Это красивое слово для обозначения того, что вдруг всплывает в сознании, приходит в один миг из бессознательного. Эти вторжения еще не человеческие, они не есть человеческое сознание, они являются первыми проблесками того, что мы называем сознанием, когда это становится непрерывным, они похожи на мерцающие огни здесь и там, но это не непрерывное горение лампы. Они предформа, пока-еще-не форма человеческого сознания.

В греческих мифах есть подобная неудачная попытка создания человечества в виде титанов. Титаны, старейшие существа, были созданы Матерью-Землей до человека. Они были врагами олимпийских богов, и согласно некоторым версиям мифов, после того как Зевс сжег их своими мол-

ниями, из пепла были созданы человеческие существа. Вот почему в нас до сих пор есть титанические импульсы, которые делают нас революционным и сомневающимся видом существ. Здесь, в противоположность карликам, титаны больше напоминают гигантов германской мифологии, подавляющим эмоциональные аффекты. Очень уместно, что одни малы, а другие крупны, поскольку аффекты делают все очень большим. Как только вы попадаете в состояние аффекта, у вас появляется склонность преувеличивать. У нас, например, есть поговорка "сделать из мухи слона", если кто-то начинает большую эмоциональную шумиху вокруг какой-то маловажной детали. Сейчас, если кто-то делает из мухи слона, то это означает, что эта муха укусила какой-то его личный комплекс, и огромный аффект был выпущен на свободу. Это увеличивающее качество аффекта не только отрицательно, но и положительно в том смысле, что аффект может буквально дать нам "величественность", величие. Можно увидеть это, например, в героизме, который некоторые показывают во время войны. Увлекаемые национализмом или аффектом битвы, они иногда совершают подвиги, на которые в нормальном состоянии психической рефлексии они были бы неспособны. Именно аффект делает их великими. Поэтому у нас есть такие выражения, как "святая ярость" и подобные. Священный гнев — это что-то! Священная война, сражение в священной войне со священным гневом, со священным аффектом! Другие великие творческие действия также очень часто осуществляются с помощью огромного аффекта.

Юнг рассказывает интересный сон, который видел он сам, когда хотел написать "Психологические типы". Он собирал материал для книги в течение многих, многих лет и собрал его вместе, и вот он подошел к тому критическому моменту, когда он должен написать книгу. Как ему нужно было скомпоновать весь этот материал вместе и написать то, что он хотел сказать об этом? Вы знаете, что это один из самых трудных шагов в творческой работе. Он хотел записать его в рациональной, изысканной форме, чтобы убедить рационалистов в том, что он должен был сказать. Он пытался, и у него не очень хорошо получалось. И тогда он увидел

такой сон: он видел в порту огромный корабль, нагруженный товарами, который теперь нужно было завести в порт. К кораблю на шнуре был привязан очень красивый белый конь, и он был совершенно неспособен тянуть корабль, который был слишком тяжел! В этот момент из толпы внезапно вышел огромный рыжий гигант, который оттолкнул всех в сторону, взял топор и убил белого коня, взял веревку и одним рывком затащил корабль в порт. После этого Юнг вставал в три часа утра каждое утро и просто записал все это в одном порыве, увлекаемый огромным аффектом энтузиазма, что было единственной возможностью объединения такого сложного материала. Он должен был быть сколочен вместе с помощью аффекта! Белый конь был связан с его планом написания изысканного, формального трактата, но этого было недостаточно для работы с той массой материала, который он должен был поместить в сознании. Это показывает, что гиганты — это не только разрушительные титанические силы, но они могут быть очень конструктивны.

Сон Юнга иллюстрирует то, что можно найти в бесчисленных средневековых легендах, где самые красивые церкви, памятники и соборы построены гигантами, которых перехитрил святой, заставив их построить целое здание. У святого нет физических сил, чтобы собрать камни собора! Нужен гигант, чтобы помочь ему. Так что, если гигант приручен, если он находится под контролем, то это самый полезный помощник в любой творческой работе. Если у вас есть гигант, чтобы сделать работу за вас, это замечательно! Вопрос лишь в том, чтобы он был под контролем! Гиганты и титаны, эти предформы людей, в мифологии предстают только разрушителями, потому что они не находятся под контролем, потому что они представляют хаотические импульсы бессознательного, которые еще не контролируется той непрерывной цивилизованной формой сознания, которая представлена символом человека, может быть, представлена неправильно, но это так.

Итак, я упомянула: глухонемых, некоторые мифы Самоа и Новой Зеландии, карликов и гигантов из германской мифологии, и титанов Греции, из праха которых был создан

человек, что дало людям качества титанов, которые привели его к чрезмерным желаниям и революционным импульсам. В мифах североамериканских индейцев есть такая же дуалистическая идея сотворения человека.

Как видно из библейской традиции в Книге Еноха, имея дело с гигантами, также имеешь дело и с инфляцией. В Книге Еноха сказано, что некоторые ангелы влюблялись в человеческих женщин и вступали с ними в сексуальные связи, в результате чего эти женщины позже родили демонических гигантов, которые, мало-помалу, разрушили мир. Эти гиганты, однако, также научили человека всем искусствам и наукам. Следовательно, нам дали понять, что слишком быстрое развитие сознания человека влечет катастрофические последствия. Юнг интерпретирует этот отрывок из Книги Еноха в своей книге "Ответ Иову", как слишком поспешное вторжение из бессознательного. Бессознательное (ангелы — это посланцы запредельного и потому представляют собой бессознательное), в некоторой степени, ворвалось в человеческий мир слишком поспешно. В результате расширение сознания человечества оказалось слишком стремительным. Лишь тогда, когда постоянное творческое расширение сознания происходит постепенно, в рамках традиции культуры, есть шанс, что оно не окажется разрушительным.

Мы живем сегодня в подобной разрушительной ситуации. Можно сказать, что с огромным расширением нашего сознания, а также познания (искусства, преподанные человеку ангелами), например, в современной ядерной физике и в науке и технике в целом, которые вырвались вперед с такой огромной скоростью, остальной части человечества не удалось идти в ногу, и преемственность была прервана. Мы морально были не в состоянии идти в ногу, ни с нашими чувствами, ни с нашими умами. Некоторые области науки страдают от мании величия, например, когда читаешь работы, в которых ученые хвастаются тем, что лет через 10–15 они смогут генетически изменить человека по своему желанию, и подобные статьи.

Теперь мне хотелось бы вернуться к мотиву тех немых неудавшихся существ, ибо они представляют собой еще од-

ну проблему творения. Я хотела бы обратить ваше внимание на глухих и немых существ, которые позже превратились в рыб. А также на то место в "Пополь-Вух", где боги создают человеческих существ, которые не умели говорить, но которые не умели говорить, но поскольку богам хотелось, чтобы их восхваляли, они сделали еще одну попытку создания нового человеческого нового человеческого существа, и на этот раз им это удалось.

В мифе творения индейцев племени джошуа было два создателя: одного звали Холауаси, а другой, его спутник, в этой версии имени не имеет. Холауаси и его спутник создали мир вместе. Когда они шли по этому миру, они с ужасом обнаружили следы человека. Они отчаянно пытались выяснить, что это такое, но не смогли, а затем Холауаси пытался уничтожить эти следы пятью наводнениями. Он с ужасом воскликнул: "Это приведет к беспорядку", — и с тех пор в мире всегда был беспорядок. Затем Холауаси начал создавать животных. Он также пытался сделать человека, дважды, но безуспешно. Тогда его спутник курил три дня, и за это время появился дом, и из него вышел красивая женщина. Его спутник женился на этой красивой женщины, которая сгустилась из дыма его курения, и у них было шестнадцать детей, от которых произошли все различные индейские племена.

Здесь мы видим две неудачных попытки творения, и еще спутника, находящегося в тени, который курением, а не активным творением, косвенно сгустил ситуацию, в которой мог быть создан человек. Но в то же время, где-то там уже был другой человек, о котором два бога не могли узнать ничего, и он есть причина беспорядка.

В традиции эскимосов также есть идея первой неудачи создания человека. В одном мифе говорится, что на земле, которая возникла первой, не было ни морей, ни гор, она была совершенно плоской. Богу, который был наверху, не понравились человеческие существа, которые были на ней, и потому он уничтожил эту землю. Она лопнула, и люди упали в овраг и стал Ingnerssiut. Ingnerssiut — это злые демоны. Вода покрывала все, и, когда земля появилась

вновь, она была полностью покрыта льдом. Лед медленно исчез, а затем с неба упали два человека, и они заселили землю. Сейчас лед повсюду все еще исчезает. Здесь первые человеческие существа кажутся неудачными: они никуда не годятся, и мир, в котором они живут, никуда не годится, так что бог пытается их уничтожить, и они становятся демонами. Вы позже увидите, что это очень частая архетипическая идея: что бывшие неудачные человеческие существа стали демонами или скрытыми силами, подобными призракам.

Есть миф североамериканских индейцев, в котором человеческие существа казались слишком похожими на создателя; они были большими и тяжелыми и могли двигаться только очень медленно. Поэтому, когда пришел потоп, все они погибли. Тогда все было мертво, и землю пришлось вылавливать снова, после чего Бог решил вновь создать человека. Он так и сделал, но опять заметил, что они были слишком похожи на него и, следовательно, слишком могучи. Он испугался и истребил их всех, а затем создал человека, похожего на современного, и сказал: "Почему же я все еще не чувствую себя спокойно по этому поводу?" Затем он создал женщину и положил ее рядом с мужчиной, и мужчина сказал: "Да, ты знал, что я не был еще удовлетворен, мне чего-то не хватало, но теперь мы можем идти вместе по земле".

Также, согласно некоторым мидрашам, Адам был тяжелым и неуклюжим и в нем долго не было духа, и он мог только ползать, как червь. Здесь, в совершенно других условиях, заметен тот же мотив: что первые попытки творения привели к созданию чего-то неуклюжего, без жизни и духа. Также можно вспомнить первый рассказанный мной миф творения, в котором Отец Ворон на небесах создал человека, который выглядел примерно так же, как он, но который стал сразу рыть землю руками. Полный беспокойства, он все рыл и рыл с какой-то яростью, Отцу Ворону он не понравился и тот бросил его далеко в пропасть. Говорят, что это существо стало Томаком, злым духом. От него происходят все злые духи. В традиции эскимосов, первый человек также был создан на небесах, но это было быстрое, злое, нетерпе-

ливое существо, которое было выброшено и стало демоном и предком всех других демонов, которые появились позже.

В другой довольно похожей истории, также эскимосской, рассказывается, что в начале не было большой разницы между людьми и животными. Животные могли стать людьми и наоборот; человеческие существа ходили на руках, они ползали на четвереньках, и только потом научились ходить вертикально. Так, с подобными неуклюжими человеческими существами также иногда ассоциируется близость к животной жизни, как можно увидеть в этом примере. Можно заметить то же самое в мифах инков. Например, в одной истории говорится, что было два создателя. Первого звали Кон, и он создал нормальных человеческих существ, но потом Пачакамак, который также был сыном солнца и чье имя значит "создатель", прогнал Кона и превратил людей, которых создал Кон, в кошек с черными мордами. Примечание к этой истории говорит, что в других версиях он превратил их в обезьян, а затем он создал человеческих мужчину и женщину, таких, как они выглядят сейчас, и дал им все, вот почему эти человеческие существа выбрали своим богом Пачакамака. И вот есть два поколения, первое создано одним творцом, Коном, и они становятся обезьянами или кошками с черными мордами, и только потом приходит второй творец, который создает человека, такого, который существуют сейчас.

Архетипическая идея о том, что создание всех живых существ, особенно человека, не удалось, выжила в греческой философии, в философской системе Эмпедокла. По его словам, первым существом был сферический бог Сфайрос, который удерживается принципом Эроса. Когда преобладает Эрос, мир един, а когда преобладает принцип Нейкос (Нейкос означает "ссора"), мир разваливается. И всегда существуют эти два враждующих принципа, Нейкос и Эрос, один сражающийся за то, чтобы воссоздать первоначальное единство, а другой — чтобы разрушить его. И вот, говорит Эмпедокл, все части тела Бога кружились сами по себе, а затем встретились, как бы случайно, и так в самом начале получились совершенно чудовищные творения. Сна-

чала животные и растения были не полными, это были только отдельные их части. На втором этапе эти части слиплись вместе в самых чудовищных сочетаниях, и только на третьем этапе появились собственно тела. Но только на четвертом этапе эти тела стали красивыми. Сначала появились много голов без шеи, руки гуляли без плеч сами по себе, и глаза бродили в одиночестве без лба (реальная шизофреническая картина мира). Кислые элементы привлекли кислые, а теплые элементы вылились на теплые, и начался страшный хаос, в котором происходили случайные события, пока все не пришло в более-менее приемлемый вид.

Это есть в большей или меньшей степени обзор материала, чтобы дать представление о том, что я подразумеваю под неудачными попытками творения. Как видите, он лишь в небольшой степени относятся к миру космоса, земле, растениям и деревьям, но в основном сосредоточен вокруг сотворения человека. И вот именно здесь так много неудач, как будто сотворение человека была особенно трудной главой в трудах творения Бога, и он должен был сделать несколько попыток, прежде чем примерно достиг того, что он имел в виду. Есть также довольно распространенная точка зрения, что результаты этих неудачных попыток не были уничтожены, но выжили: как животные, или как черномордые кошки и обезьяны, и они стали кем-то вроде демонов, как в эскимосских версиях, или как, например, в греческой мифологии, где титаны и карлики — это демонические силы, которые все еще живут рядом с созданными позже человеческими существами.

Это тоже была неудачная попытка, или, вернее, продолжительная неудачная попытка, потому что это было еще не творение. Иногда эти неудачные человеческие существа очень близки к животным, довольно низшие, они неуклюжи, не могут говорить, ползают на четвереньках, и поэтому не подходят. Иногда они, наоборот, слишком хороши, и Бог пугается и думает, что творение слишком сильно и должно быть немного принижено, потому что иначе было бы слишком большое соперничество за комфорт. Например, греческие титаны начали генеральное наступле-

ние на олимпийских богов: знаменитая титаномахия была прекращена Зевсом с его молнией и с тех пор, побежденные и завоеванные, они живут под землей, но все еще являются причиной землетрясений и всевозможных бед. И здесь так же: эта первая неудачная попытка творения оказалась слишком могучей и, следовательно, опасной для божественного порядка, это то, что греки называют Hybris или "гордость", мегаломания.

Мы видим все эти предварительные этапы и в творческом процессе индивидуации. Гигантские формы и титаны будет соответствовать сильным аффектам и волнению, а иногда и приподнятому настроению, которое приходит, когда сознание прогрессирует или формируется что-то творческое. Мы часто испытываем, что когда у нас есть хорошая идея, творческий план, то мы эмоционально слишком заполнены ими и увлечены потрясающим энтузиазмом, который заставляет переоценить этот план. Обычно также, человек переоценивает себя, завышает самооценку, а затем, когда приходится приступить к трудоемким усилиям по реализации собственных творческих порывов, результат выглядит довольно бедно по сравнению с первоначальным внутренним представлением. Таким образом, можно сказать, что каждое творение — это оскудение и неудача по сравнению с блеском и очарованием первого представления о нем. Если вы поговорите с художниками, они очень редко бывают довольны своими творениями; в лучшем случае, они говорят, что теперь они могут отложить кисть или карандаш и думают, что то, что они создали, более или менее нормально, но это максимум удовлетворения, которое они обычно получают. Всегда есть такой род продолжительной печали, потому что по сравнению с внутренним видением реализация всегда второсортна и не столь хороша. Даже если вы попытаться на очень маленьком и скромном уровне нарисовать, например, то, что вы видели во сне, посмотрите, какой скудный результат у вас на бумаге, по сравнению с тем, что вы видели внутри себя.

Люди в дотворческой стадии, таким образом, часто завышают себя, они отождествляют себя со своим внут-

ренним представлением и полны его блеском и красотой и его огромной энергией. Но обычно, когда работа закончена, вместо того, чтобы чувствовать себя счастливыми, они чувствуют себя немного опустошенными и печальными. Женщины очень часто плачут после родов, как если бы они были недовольны ребенком, которого они родили. То же самое относится и к духовному рождению. Человек кричит от смеси истощения и опустошения. Это также связано с огромным количеством энергии, которой наполняет человека творческий импульс. Это также одна из причин, почему некоторые никогда не опускаются до того, чтобы сделать что-то творческое, особенно мужчины типа puer aeternus и женщины типа puella aeterna. Они никогда не снизойдут до того, чтобы сделать что-то творческое, потому что смутно чувствуют, или интуитивно предвидят, что если они создадут то, что у них в мыслях, это будет намного хуже, чем то, что они представляют себе внутренне. Они не хотят пройти через этот процесс творческой дефляции, но предпочитают оставаться всю жизнь будущими художниками, или будущими гениями очень большого масштаба, а не создателями скромных творений значительно меньших масштабов. О таких людях биограф мог бы сказать: "До сорока лет у него не было никаких признаков гениальности — как, впрочем, и позже".

Вместе с творческим *élan vital*, естественно, очень часто приходит гордость, в греческом смысле этого слова, титаническая гордость: переоценка своих сил и мегаломанически завышенное отношение. В незначительных масштабах неизбежно, даже необходимо, чтобы такие настроения появились, потому что иначе нельзя было бы сделать дополнительное усилие по созданию чего-то, нужно быть подхваченным энтузиазмом великой цели, в противном случае придется сдаться и предпочесть вести комфортную жизнь. Никогда нельзя забывать, что наибольшей страстью человека, большей, чем любая другая, вероятно, является лень, и для того, чтобы преодолеть страсть лени, нужно много энергии, что и характеризуются формами гигантов и титанов.

Образы, подобные карликам, имеют больше общего с маленькими слабыми импульсами более игривого и даже иногда довольно забавного или непристойного характера. У большинства творческих людей, как вы, наверное, знаете, есть склонность к игривости: у них, даже в свободное время, появляются веселые идеи и всевозможные творческие игривости.

Имена упомянутых германских карликов уточняют, чем карлики являются: например, Быстрая Идея Сделать Что-Нибудь. Обычно слова связаны с быстрой реакцией, той малюсенькой хорошей идеей, что иногда приходит, которая полностью зависит от бессознательного. Например, кто-то приглашает вас, а вы не хотите принимать приглашение: вы полностью зависите от бессознательного, которое послужит вам для хорошей лжи, хорошего оправдания! Иногда страшно гордишься, если приходит подходящий ответ! И говоришь: "Разве это не замечательно! Мне просто пришло в голову сказать это!" И вы избавлены от всех ваших неприятностей! В другой раз вы краснеете и говорите и да, и нет, а на другом конце телефона человек знает, что вы врете — бессознательное просто не хочет обеспечить хорошей идеей! Или кто-то оскорбляет вас, и вы хотите дать остроумный ответ, а у вас совсем ничего не получается и вы ведете себя неуклюже, а затем, среди ночи, вы просыпаетесь и знаете, что должны были сказать! Если вы получаете это в нужный момент, то это и есть карлик — род такого внезапного Einfall из бессознательного, которое, в форме игры, просто быстро, в нужный момент, приходит в голову и, естественно, вы должны быть быстрыми, получая его и выражая, иначе оно теряется.

Карлики — это все связанное с хорошей идеей, даже в незначительных масштабах. Если посетить сельскую ферму, можно увидеть кучу маленьких, но очень хороших придумок: как передавать электричество в конюшню, как не позволять воде просачиваться в другое место и т. д. Фермеры, да и большинство обычных людей, не ищут специалистов, чтобы помочь с трудностями, которые всегда предоставляет природа, но они придумывают свои маленькие

устройства, которые работают довольно неплохо. Они могут обеспокоиться влажностью в конюшне, или чем-то другим, а потом в один прекрасный день у них появляется хорошая мысль о том, что можно сделать, и обычно своими руками, потому что иначе все будет стоить слишком дорого. Естественно, есть более и менее талантливые в этом отношении люди. Например, недалеко от моего загородного дома живет сосед, который в этом отношении просто гений, и у него всегда возникают правильные идеи, так что все соседи всегда советуют спросить у него то-то и то-то. Он экстравертный интуитив, и всегда, когда у человека есть проблемы, тот просто спрашивает его, и он приходит со своим жирным пузом и беспокойными глазами, и вроде как принюхивается, и говорит: "О, вы можете сделать вот так!" Обычно это бывает очень хорошая идея. Я знаю, что все остальные крестьяне делают то же самое и обращаются к нему, если им нужна хорошая идея о том, как сделать, чтобы вода где-то текла или не текла, или сделать кран, и так далее. Полезные идеи не обязательно должны быть большого масштаба, они могут быть просто маленькими практическими решениями задачи.

Вот так, более или менее, выглядит карлик. Жизнь человека, у которого появляются такие догадки, будет гораздо более комфортной и, как правило, он может избавить себя от кучи работы и проблем — и вот зачем обычно делаются изобретения! Много легенд рассказывают, как карлики делают всю работу за нас. Тот, кто находится в хороших отношениях с карликами, или Heinzelmännchen, или феями, должен только выставлять миску молока за дверь каждый вечер, или делать что-то вроде этого, и карлики будут делать всю работу за него. Это верно в буквальном смысле, потому что этими чудными маленькими хитростями можно избежать огромного количества забот и работы.

Самой большой проблемой с карликами, то есть хорошими идеями и импульсами бессознательного, является то, что они малы, и поэтому их легко не заметить. Если вы наблюдаете за собой, особенно если вы рационалист, вы увидите, что очень часто у вас появляется хорошая идея, но потом вы решаете, что это вздор, и продолжаете свое раци-

ональное планирование, и только потом обнаруживаете, что это было бы хорошей идеей, но к сожалению, вы отложили ее на потом или не учли. Вы подавили ее, а не развили ее с любовью, и потому вы раздражаетесь, помня о том, что вы думали об этом, а потом не сделали. Карлик дал вам хорошую идею, но потому, что он был мал и не настаивал на своем, вы ее не выбрали. Это чрезвычайно раздражает карликов. Если человек привык не принимать предложений своего карлика, то он оказывается в очень плохой ситуации. Они похожи на маленькие голоса, маленькие мимолетные идеи или картины, появляющиеся в голове, и обычно бывает сильная тенденция думать о них как о неважных. В полном контрасте с эмоциональной перегруженностью гигантов и титанов, гномы очень незаметны, и нужен в определенной степени наметанный глаз, чтобы находить эти идеи. Как вы знаете, карлики, как и многие духи, обычно носят разные остроконечные колпаки. И даже сейчас в газетах и журналах, таких, как “Панч”, призраки одеты в простыню и колпак. Колпак, вероятно, связано с тем фактом, что они представляют собой бессознательные импульсы, у которых есть собственные динамические нагрузки, которые направлены, или нацелены, на сознание. Это похоже на растение, которое появляется из земли: росток нацелен на то, чтобы прорасти и выстрелить вверх, на свободу. Итак, эти колпаки в целом относятся к содержимому бессознательного, которое не должно быть выкопано, но которое несет собственную нагрузку, она направлена в буквальном смысле к порогу сознания. Как только бессознательное существо появляется с такой шапкой, колпаком, можно быть вполне уверенным, что вам не нужно делать больших усилий, а только смиренно слушать, и оно расскажет вам, чего оно хочет, потому что его собственная энергия направляет его к сознанию.

Глухонемые изверги и тяжелые существа, ползающие вокруг, в некотором смысле ближе к гигантам. Они имеют отношение к времени, когда у вас была идея и несколько спутанные эмоции внутри, а вы не знаете, как это выразить. Вы имеете что-то в виду, но вы не можете достать

это — вы не знаете, как это сформулировать. Допустим, вы находитесь на семинаре, и преподаватель задает вопрос, и что-то движется в вас, что похоже на ответ, но вы не можете облечь это в слова, вы чувствуете это в своем солнечном сплетении, но не можете вытащить это, оно не принимает достаточно рациональной или представимой формы для того, чтобы вы могли это сделать. Есть люди, которые более одарены в этом смысле, чем другие, и это трагедия, если человек наполнен огромными, подавляющими бессознательными взглядами и открытиями, но относительно неспособен к их формулировке. Это может быть даже причиной шизофренического расщепления.

Пограничным случаем такого рода является, например, известный немецкий мистик Якоб Бёме. Он был поражен видением, в котором он видел Бога, и все связи мира, всю их систему, но, так как он был бедным сапожником и сыном крестьянина, у него не было исторического материала в этой области знаний и в его памяти, и не было практики в их формулировке. И потому он выплеснул все, что он хотел сказать, на совсем нечитаемом хаотическом немецком, в котором можно разобраться, только посвятив этому много-много лет. Он никогда не объясняет ни одного термина и будет использовать одни и те же слова иногда в одном смысле, а иногда в другом. Через его труд нужно продираться, сравнивая, делая конспекты, перечитывая, а затем вы медленно доберетесь до важных и интересных идей, которые он пытается выразить.

Однажды я видела такую сильную необходимость выразить что-то при анализе женщины из очень простых слоев населения. У нее не было образования, лишь несколько классов начальной школы. Она была поражена вторжением содержимого бессознательного, в основном религиозного характера, мощными видениями, и она сначала попробовала описать их мне, но затем сдалась, а затем был психический срыв. Это длилось всего несколько дней, но за это время ей приснился сон, в котором североамериканские индейцы были выставлены в общественном месте, у них было видение золотого колеса, которое сделало их немыми. Голос сказал,

что если они не научатся говорить об этом и преодолевать свое безмолвие, их будут таскать в общественных местах и демонстрировать всем. Позже она связала это с тем фактом, что в клинике, в которую ее должны были положить, ее показали всем врачам и студентам, что ее чрезвычайно рассердило. Итак, вы видите, она знала, что если она, или примитивная ее сторона, не сможет найти способ выразить себя, ее будет показывать всем, как классический случай шизофрении, ее покажут студентам в клиниках и подвергнут всем видам клинического лечения, если эти индейцы (представляющие собой примитивный анимус, передатчик из более глубоких слоев бессознательного) не найдут способ выразить себя. Затем она начала записывать свои видения и работать над ними, и вскоре стала разумной и нормальной, и ее смогли выпустить из клиники.

Юнг даже говорит, что человек может исцелять шизофреников, если он способен помочь им дать некую форму выражения их внутреннего мира. Вот почему сегодня почти во всех клиниках пациентам дают возможность рисовать, сочинять музыку или делают доступными некоторые другие средства выражения. Так в этом отношении был достигнут существенный прогресс, и, на мой взгляд, с чуть большей долей понимания можно было бы, если не вылечить, то, по крайней мере, значительно улучшить состояние пациента.

Согласно Юнгу, можно отличать “глупые” фантазии от творческих, в первую очередь, по их тонкости, во-вторых, по их содержанию, то есть, последовательны ли они или в их структуре есть трещины, и, наконец, по их исторической преемственности. За каждой творческой инновацией всегда есть очень архаичный архетип, который сначала должен быть модернизирован по форме.

Давать образ или форму тому, что появляется из бессознательного, жизненно важно. Я хочу напомнить вам, что Юнг говорит об образовании в “Развитии личности”. В главе “Одаренный ребенок” он говорит, что одаренный ребенок, начиная с раннего возраста, обычно захвачен внутренними фантазиями, и очень часто он делает вид, или выглядит внешне, очень глупым, идиотом, и рассеянным, но он де-

лает это для того, чтобы защитить внутренние фантазии от внешних воздействий, так, чтобы быть в состоянии их выразить. Но затем Юнг продолжает:

Правда, само существование живой фантазии или своеобразных интересов не является доказательством особой одаренности, так как подобное преобладание бесцельных фантазий и аномальных интересов может также быть найдено в предыдущих историях о невротиках и психотиках.

Если ребенок так потерян, его фантазии также могут быть началом дальнейшего невроза или психоза. Юнг продолжает:

Однако, то, что говорит об одаренности — это *характер* этих фантазий. Для этого надо уметь отличать умную фантазию от глупой. Хорошим критерием оценки являются оригинальность, последовательность, интенсивность и утонченность структуры фантазии, а также скрытые возможности ее реализации. Нужно также учитывать, как далеко фантазия входит в реальную жизнь ребенка, например, в виде систематического увлечения каким-то хобби и других интересов. Другим важным показателем является степень и качество его интереса в целом.

В этих четырех факторах: оригинальность, последовательность, интенсивность и тонкость — вы видите разницу между тем, у кого творческие фантазии, и тем, кто только крутит в голове невротическую ерунду. Можно сказать, что непрерывность увлеченности, которую индивид способен дать своей фантазии, очень важна и показывает разницу между тем, кто одарен творческой фантазией, и тем, втягивается в стерильный материал бессознательного.

Это отмечалось многими учеными, которые писали о проблеме творческого импульса. Например, французский математик Пуанкаре говорит, что некоторые архисложные математические формулы были открыты ему из бессознательного. Но, добавляет он, если бы он не работал в течение многих-многих месяцев до высокой степени усталости, и если бы он не знал то, что может быть сознательно известно о математике, до того момента, он не смог бы поймать вдохновение.

Нужна своего рода подготовительная, преданная работа в сознании, которая являет собой рыболовную сеть, которой вы сможете ловить ту рыбу, которые приходит из с бессознательного. Вы не можете просто сидеть и надеяться, что Бог бросит это в вашу сеть. Иногда он это делает, но такое бывает редко. Важна сила сознания, преданность и непрерывность этой преданности, которые превращают обезьян, кошек, гигантов и карликов в подобие человека.

Карлики только отрицательны, мифологически говоря, если кто-то доставил им раздражение или причинил вред, и даже гораздо чаще бывает, если вы раздражаете гномов и фей, они исчезают и больше вам не помогают. Например, скажем, что феи всегда заканчивают вязание женщины, или конюшни крестьянина защищены ими и его сено всегда собрано за одну ночь. Если он перестает делать то, что карлики хотят от него, или не дает им молока, или если они просят о чем-то, а он не слушает, то они исчезают и не помогают ему больше, и так он теряет своих духов-помощников. Иногда они мстят, если действительно раздражены, тогда начинается наводнение, или все коровы заболевают, или что-то вроде этого. Но в целом они очень добродушны, и нужно в самом деле много сделать, чтобы карлики стали отрицательными, в отличие от гигантов, которые нуждаются в большом количестве успокоения, чтобы заставить их вести себя хоть наполовину прилично.

Если существует распространенное мнение церкви, что карлики — это глупость и суеверие и не должны существовать, это, естественно, чрезвычайно им вредит. Я сказала, что положительны только восемьдесят пять процентов. Есть правда озорные карлики, отрицательный не потому, что они раздражены, а потому, что им нравится быть озорными. Они редко бывают деструктивными, но они любят быть озорными. Я думаю, что они представляют собой диссоциативные детские импульсы, которые не несут творческого характера, с которыми все время должен бороться школьный учитель.

Когда я училась, я зарабатывала на жизнь репетиторством, уроками с детьми, которые не могли успевать по латыни в школе. Однажды у меня была девушка, чьи

родители пригласили меня на каникулы с условием, чтобы я заставила ее учить по странице латинских слов каждое утро. Ну, это было легко! Я думала, что это будет сделано быстро. Но этой девушке удалось провести над этим пять часов, и эти пять часов не доставили ей удовольствия. Она брала свою книгу, читала первую строку и повторяла ее, а затем говорила: “Интересно, что делает Том?” Том — это ее брат. Она смотрела в окно. Я окликала ее, и она начинала заново, и потом она поднимала голову и говорила: “Кстати...”, и я говорила: “Нет, не кстати, продолжай!” В результате потребовалось пять часов. Она была очень умной девушкой, она просто не могла сосредоточиться. У нее была хорошая жизнь с несколькими братьями, и она была очень избалована. Нужно было чуть ли не убить ее, чтобы заставить работать! Это детские отклоняющие импульсы. Естественно, они могут быть разрушительными, если они отвлекают от главной цели. Сейчас это характерно для молодых, они не могут отогнать такие импульсы, как может это сделать более взрослое сознание. Если я сосредоточена на каком-то деле, то я просто отрубаю такие импульсы. Мне нужно скорее воспитать себя, чтобы немного прислушаться, потому что среди них иногда попадается неплохой карлик! Итак, в целом можно сказать, когда карлики и полтергейсты и прочие слишком отвлекают человека, это связано с пока еще не сосредоточенным сознанием, с ребячеством. Это связано с разрушительным аспектом инфантилизма, с инфантильными мировоззрением и отношением, слабым эго.

Случай Шребера был большой трагедией в этом отношении. Он был шизофреником, который был способен описать свой собственный опыт в форме автобиографии, и он сказал, что всякий раз, когда он хотел сделать что-то полезное или творческое, призрачные голоса говорили ему на ухо: “У нас это уже записано!” Они бы сделали записи абсолютно невозможными для него.

Нам нужно различать то, что поднимается из бессознательного: имеет ли оно деструктивные или конструктивные импульсы, является ли это интеллектуальной фантазией или чем-то, что отвлекает и имеет эффект отклонения, что-то,

обладающее инфантильной природой. Это и есть различение и потребность в дифференцированной функции чувства.

Средним между тем, чтобы быть глухонемым и быть неуклюжим, является заикание, но это не значит, что я хочу сказать, что это единственная психогенная причина заикания. Но у детей и подростков она очень часто связана с сильнейшими эмоциями, которые накопились в них и которые они не могут выразить. Заикание по-прежнему является большой проблемой для многих взрослых, но часто оно преодолевается при наступлении полового созревания или несколько позже, а в целом оно преодолевается, когда заики научаются выражать себя согласно своим склонностям, и когда их эмоциональная жизнь становится более свободной. Я была знакома с двумя заиками у себя в школе, которые прекратили заикаться, как только они выбрали для себя профессию. Как только они начали учиться профессии, которой они всегда хотели владеть, заикание исчезло. Я видела и других, кто кончил заикаться, когда испытали первый положительный опыт любви. Это означает, что когда выделяется некий поток жизни, который был ранее перекрыт, заикание исчезает, или в то же время оно преодолевается. Всегда нужно хотя бы посмотреть, чтобы увидеть, нет ли где-то таких перекрытых эмоциональных проблем, поскольку лучше принять прямое решение освободить их, чем делать бесконечные речевые упражнения. Они, конечно, помогают тоже, но иногда основная проблема в перекрытых эмоциях. В заиках, можно сказать, есть эмоциональный узел: втекание и вытекание автономного комплекса эмоций заставляет их заикаться. Этот комплекс содержит что-то невыразимое, что до сих пор не нашло каких-либо способов выражения, так что он проявляется как торможение в речи. Он также может повлиять на людей так, что они не могут говорить вообще, если эмоционально расстроены.

Глава 11. Цепочки

В этой главе я хотела бы рассмотреть тему длинных цепочек (а) поколений, (б) частиц, и (в) чисел. Это может показаться довольно странным, однако мы найдем общую аналогию между всеми тремя. Во-первых, длинная цепь поколений в мифах творения. Это могут быть поколения богов, мировых сил, или существ-предков. Я уже приводила некоторые новозеландские и другие мифы творения, где есть длинные списки имен и цифр, прежде чем что-то появляется на свет. В следующем тексте я не буду интерпретировать различные шаги, просто я хочу передать впечатление от этого типа космогонии. Это космогония Самоа.

Бог Тангалоа жил в далеких мирах. Он создал все. Он был один, не было ни неба, ни земли. Он был одинок и бродил в пространстве. Не было ние моря, ни земли, но там, где он стоял, была скала: Тангалоа-фаа-тутупу-нуу. Все было создано из этой скалы, но все не было еще создано. Небо еще не было создано, но скала росла там, где стоял бог.

Затем Тангалоа сказал скале: расщепись и раскройся. И вышли Папа-тао-то и Папа-сосо-ло, потом Папа-лау-а-ау, затем Папа-ано-ано, затем Папа-эле, затем Папа-ту, а затем Папа-аму-аму и их дети.

И Tangaloa стоял и смотрел на Запад и говорил со скалой, и он ударил скалу правой рукой, и она раскололась еще раз, и вышли прародители всех народов земли, и вышло еще море. И море накрыло Папа-сосо-ло, и Папа-тао-то сказал Папа-сосо-ло: блажен ты, что ты владеешь морем...

Потом Тангалоа повернулся направо, и вышла вода. И снова Тангалоа говорил со скалой, и было создано небо. Он опять заговорил со скалой, и появился Туи-тее-ланги. А потом вышел Илу, что означает необъятность и Мамао, что значит пространство, появилось в то же время в женской

форме. А потом пришел Ниу-ао. Затем Тангалоа снова заговорил со скалой, и появился мальчик Луао. Тангалоа вновь обратился к скале, и вышла девочка Луа-вай. Тангалоа поселил их обоих на острове Саа-туа-ланги.

И снова заговорил Тангалоа, и родился мальчик Оа-вали, а потом девочка Нгао-нгао-ле-теи. Тогда появился человек, а затем появился дух (Анга-нга), потом сердце (лото), потом воля (фингало), и, наконец, мысль (масало).

И это был конец творений Тангалоа. Подобные перечисления появляются во многих других полинезийских и новозеландских космогониях. Есть огромные перечисления сил, божеств, или изначальных сил, и они появляются в таких цепочках имен.

Ниже приводится отрывок из гавайской космогонии. Сначала идет вводная песня, которую я не привожу, а затем приходит По вале хо-и, что значит "еще повсюду царит ночь".

Хануа ка по — рожденный в ночь.

Родился Кумулипо [бездна] *из ночи, как мужское. Родилась Поэле* [темнота] *из ночи, как женское.*

Родились черви в ползущих роях.

Родились клещи, мелкие черви, которые перевернули землю.

Родились те, кто ворочаются в грязи, в движущихся рядах. Родились яйца в море без числа, родились их полосатые дети.

Родились Хаваэ, белое морское яйцо, и Вана [род морского яйца, размером и формой похожего на репу] *вместе со своими детьми Кеики и Хаукеуке* [маленькое морское животное] *и Пиоеое* [род мидий или маленьких моллюсков], *потом Пипи [водоросли], Папуа* [устрицы], *и Олепе* [еще один вид раковины] *и т. д.*

И мужчины набухали творческой силой, и женщины уступали в зачатии.

Родились все растения в море.

Родились все водоросли в море, и так далее.

Это священные песни, которые всегда повторяют одинаковым образом. Священник, который поет их, знает эти

длинные-предлинные перечисления животных и существ наизусть, и будет великим грехом или кощунством пропустить одну строку. Все это серии священных поколений, которые появились до того, как был создан мир, в начале творения. Только в самом конце этого очень длинного ряда создается человек, и с этого места песня продолжается таким же длинным списком великих предков царей и великих благородных семей Гавайев.

Есть подобная архетипическая модель в мифах творения японцев. Я ссылаюсь на публикацию Поста Уилера, добросовестного автора и дипломата, его книги "Священные Писания японцев". Я могу рекомендовать ее как очень хорошее издание. Это повествование, в котором скоординированы все различные японские легенды, и там есть список божеств, появляющихся в них. Я не буду интерпретировать его, я включаю его только для того, чтобы дать представление об этом материале.

В древние времена Небо и Земля не были еще отделены друг от друга, женский и мужской принципы также не были разделены. Все было одной массой, бесформенной и яйцевидной, размеры которой не известны, которая содержала принцип жизни. После этого более чистая разреженная сущность, постепенно поднимаясь, сформировала Небо, тяжелая часть опустилась вниз и стала Землей. Более легкие элементы объединялись свободно, но более тяжелые объединялись с трудом. Таким образом, сначала было создано Небо, затем Земля, а затем в пространстве между ними были созданы Ками [Ками — это божественные существа].

Когда Небо и Земля начали быть, было что-то в самой середине пустоты, форма чего не может быть описана. Сначала появилось нечто, похожее на белое облако, которое плавало между Небом и Землей, и из него родились три Ками на Равнине-Высокого-Неба. Эти три Ками, появившись раньше всех, родились, не имея предковв, а затем скрыли свои тела. Это были ХОЗЯИН-СЕРЕДИНЫ-НЕБА, ВЫСОКИЙ-ТВОРЕЦ И БОЖЕСТВЕННЫЙ-ТВОРЕЦ. И потом Высокий-Творец произвел на свет Ками НЕБЕСНО-БОЖЕСТВЕННО-СТОЯЩЕГО.

Эти Ками также являются, согласно примечаниям, предками некоторых благородных семей Японии. Например, Небесно-Божественно-Стоящий является предком правителей Куга в провинции Ямасиро. Итак, вы видите, что это и боги, и предки определенных кланов.

Теперь, когда почва Молодой Земли, которая стала Сушей, плыла, словно нефтяные пятна, как медуза, движущаяся по поверхности воды, или облако, парящее над морем без корней или привязей, нечто яркое и сияющее, как кристалл, проросло, как рог, как побег тростника, когда он впервые появляется из грязи. Это нечто превратилось в Ками в человеческом облике, и еще появились, возникнув из почек побега тростника, еще два Ками по имени ПРИЯТНЫЙ-РОСТОК-ТРОСТНИКА-СТАРШИЙ-ПРИНЦ и ВЕЧНО-БОЖЕСТВЕННО-СТОЯЩИЙ. [Некоторые говорят, что второй предшествовал первому. Иные также считают ХОЗЯИНА-СЕРЕДИНЫ НЕБА и ПРИЯТНЫЙ-РОСТОК-ТРОСТНИКА-СТАРШЕГО-ПРИНЦА Родившимися-Вместе-Ками.] Эти Ками также родились без предшественников, и позже скрыли свои тела. Три-Творца-ками, и эти два называются Небесные-Ками. Приятный-Росток-Тростника-Старший-Принц был божественным человеком.

Далее идут СЕМЬ НЕБЕСНЫХ ПОКОЛЕНИЙ.

Затем появляются, спонтанно, путем действия небесного принципа, следующие мужские Спутники-Ками, который впоследствии скрыли свои тела: ВЕЧНЫЙ-НА-ЗЕМЛЕ-СТОЯЩИЙ, ЗЕМНАЯ-ПОЧВА, и ПЛОДОТВОРНОЙ-ФОРМЫ-ГРЯЗЬ.

Вечный-На-Земле-Стоящий и Плодотворной-Формы-Грязь были Рожденными-как-Спутники Ками. Из последних был произведен Ками: НЕБО-ВОСЕМЬ-УБЫВАЮЩИЙ.

Затем после них появились следующие пары Ками:

ГОСПОДИН-ЗЕМНАЯ-ГРЯЗЬ, ГОСПОЖА-ЗЕМНАЯ-ГРЯЗЬ, СОБИРАТЕЛЬ-ЗАРОДЫШЕЙ, ВЕЛИКОЕ-МЕСТО-СТАРШИЙ, СОВЕРШЕННОЕ-ЛИЦО, ПРИГЛАШАЮЩИЙ, СОБИРАТЕЛЬ-ЖИЗНИ, ВЕЛИКОЕ-МЕСТО-СТАРШАЯ, УЖАСНАЯ, ПРИГЛАШАЮЩАЯ.

Что касается этих пяти супружеских пар, некоторые говорят, что Собиратель-Зародышей и Собиратель-Жизни предшествовали Господину-Земная-Грязь и Госпоже-Земная-Грязь. Еще одни говорят, что Приглашающий была произведен позднее Ками Спокойная-Пена.

Господин-Земная-Грязь и Госпожа-Земная-Грязь, его младшая сестра (жена), вместе произвели на свет Ками НЕБЕСНАЯ-ВСТРЕЧА.

Собиратель-Зародышей и Собиратель-Жизни, его младшая сестра (жена), вместе произвели на свет Ками НЕБО-ТРИ-УБЫВАЮЩЕГО.

Великое-Место-Старший и Великое-Место-Старшая, его младшая сестра (жена), вместе произвели на свет Ками НЕБО-ВОСЕМЬСОТ-ДНЕЙ.

Совершенное-лицо и Ужасная, его младшая сестра (жена), вместе произвели на свет Ками НЕБО-ВОСЕМЬДЕСЯТ-МИРИАДОВ-ДРАГОЦЕННОСТЕЙ.

Два Рожденных-как-Спутники Ками и пять поколений супругов Ками называют Семь-Поколений- Божественной-Эры (Некоторые, однако, считать их, начиная с Хозяина-Среднего-Неба.).

Следующими появились два Ками ШАТАЮЩАЯСЯ-ДРАГОЦЕННОСТЬ и ДЕСЯТЬ-ТЫСЯЧ-ДРАГОЦЕННОСТЕЙ.

Первый из них произвел на свет двух Ками ДРАГОЦЕННОСТЬ-УДАЧИ и НЕБЕСНЫЙ-ОРЕЛ-СТОЯЩИЙ, а второй — единственного Ками НЕБО-ТВЕРДАЯ-РЕКА.

И вот, все Небесные Ками (некоторые говорят, что только Высокий-Творец) соизволил(и) попросить Приглашающего и Приглашающую сделать и укрепить дрейфующую землю, говоря: "Есть Плодородная- Земля-Тростниковой-Равнины-из-Свежих-Ушей-Риса-Тысяч-Осеней. Идите и установите ее в порядке". И так, Небесное-Драгоценное-Копье подарил им свой посох, сделанный из коралла, и пара встала на Плавающем-Небесном-Мосту (или, как говорят некоторые, посреди Небесного-Тумана).

Через какое-то время, когда Приглашающий спал, этот мост упал, и сейчас существует большой каменистый мыс

к северо-западу от деревни Гуке, в Йоса, в провинции Танго. Он был назван, в своей верхней части, Дивный Берег.

Затем они создали Бога по имени ПИЯВКА и Бога по имени ПТИЦА-СКАЛА-КАМФОРНОЕ-ДЕРЕВО-ЛОДКА, а затем они создали различные острова, ОСТРОВ-МОЕГО-ПОЗОРА, ОСТРОВ-ДВОЙНОГО-ИМЕНИ, и так далее, бесконечное их число. Эти списки идут почти во всей книге, и они показывают медленное, медленное-медленное происхождение от наиболее небесных божеств к божествам-предкам, к географическим божествам разных рассеянных островов Японской империи и, наконец, к божествам человеческих существ. Это длинная, длинная генеалогическая линия.

В начале существует хаос, затем отделение земли от неба, появление первых божеств, появление меньших божеств, появление творящей божественной пары, образование этой творящей парой первой земли, первый дом, первый брак, сожительство, суд, рождение. Затем идет земля, рождение островов, рождение природных божеств, божеств пищи, деревьев, гор, рек, рождение божества огня, первая смерть, первое убийство. Затем идет преисподняя, первый развод, создание фаллических божеств, создание трех правящих божеств: божество Солнца, божество Луны, Мятежное божество. Затем идет земля, распределение ее под Великим Правлением, удаление более раннего создателя, убийство божества плодов. Затем идет борьба между различными божествами, и так далее.

Она заканчивается с началом того, что мы называем историей. На земле появляется первый земной император, поэтому конечный результат — это начало японской истории, с ее по-прежнему довольно легендарным первым императором.

Эти мифы творения — я лишь вкратце набросала их структуру — очень типичны для первобытных и полупервобытных цивилизаций, которые никогда не распадались. Японская цивилизация, безусловно, не есть то, что мы назвали бы первобытной цивилизацией, однако это цивилизация, которая никогда не была отрезана от своих из-

начальных первобытных корней, а сохранила свою преемственность. Первобытные общества и цивилизации, которые сохранили свою преемственность, как правило, обладают такими космогониями, в которых существуют бесчисленные списки божественных, и полубожественных и королевских существ-предков. Каталог из "Теогонии" Гесиода в Греции является параллельным примером и, вероятно, более знаком, чем этот вид материала. В большом количестве цепочек божеств, в этом многообразии, можно совершенно ясно увидеть, что здесь работает своего рода тайная, окончательная тенденция: все это заканчивается или человеческой историей, или рождением человека, поэтому, несмотря на хаотический вид, в нем есть тайное развитие. Например, в этой японской процедуре совершенно ясно видно, что первые божества полностью расплывчаты и туманоподобны, и в каждом переходе к следующему божеству его фигура становится более определенной, более конкретной. Сначала он становится конкретным предком конкретной семьи, а затем, возможно, конкретного острова, а затем отдельных объектов, таких, как ель, и так далее. Так что можно сказать, что эволюция идет от всеобъемлющей неопределенности к созданию все более и более определенных единиц.

Прежде, чем мы рассмотрим, что это значит психологически, я хотела бы добавить к этому материал о частицах и цифрах. Вы увидите, что он связан и так скомбинирован, что мы можем понять всю проблему лучше и с более широкой точки зрения.

Чтобы представить материал в хронологическом порядке, я сначала должна была бы процитировать тексты о частицах, из которых возникла концепция атома, затем тексты, связанные с числами, а затем представления их в философии пифагорейцев и Демокрита, и лишь потом гностический материал. Тем не менее, я намерена сначала представить гностический материал, потому что он ближе к первобытному и японскому материалу. Это как если бы в рациональной греческой философии были бы разработаны определенные интуитивные донаучные понятия с неким привкусом научной рациональности, а в гностических спекуля-

циях они были исторически связаны с более примитивными идеями, как будто эти понятия, в определенной степени, были регрессом в более описательный, первобытный способ самовыражения.

В системе гностика Валентина первая фигура — это Аутопатер, Само-отец, сам себя родивший или сам себя породивший отец, бессознательно покоящийся сам в себе, вечный, гермафродит, никогда не стареющий и охватывающий всю вселенную, но сам не охваченный ничем. В себе самом он содержит Эннойю, Мысль, которую другие называют также Молчание или Благодать, и в ней он содержит все другие сокровища. Но затем Мысль, Эннойя, захотела объединиться с Аутопатером, которого она взяла в мужья, это полностью внутренний брак, потому что это его внутренняя мысль, на которой он женился внутри самого себя. Они вместе породили Алетейю (Истину) и Антропоса (Человека).

Сейчас эти понятия, Алетейя и Антропос, воспринимаются в полностью архетипической форме. Это собственно человек, вечный человек, как образ Божий, а Алетейя — женское существо, своего рода олицетворение божественной Истины. Затем Алетейя также захотела сочетаться браком, и потому она объединилась со своим отцом, Аутопатером, в вечный союз. Они породили духовную четверицу, которая была повторением первой четверицы. Первой четверицей были Аутопатер, Эннойя, Антропос и Алетейя, теперь появилась еще одна: Антропос, Экклезия, Логос, и Зоэ — вновь человек, и Церковь, но Церковь как богиня, олицетворение женского, и Логос, и Зоэ, Жизнь, другое олицетворение женского. Это четверица из двух мужских и двух женских фигур. Затем Аутопатер, Антропос и Экклезия породили двенадцать других богов: шесть богов-мужчин, которые зовутся Параклитос (Святой Дух), Патрикос (дух отца), Метрикос (дух матери), Эйноус (вечный дух), Фелетос (завершение, то есть Свет), Экклесиастикос (дух Церкви); и шесть женских сил, которые зовутся Пистис (вера), Элпис (надежда), Агапе (любовь), Синесис (понимание), Макария (блаженство), и София (мудрость).

Затем идет еще одна группа божественных сил, число которых увеличивается: добавляются еще восемь. В валентинианских системах с такими группами божественных сил, называемых Эонами, то есть вечными божественными силами, дальше идет и идет продолжение. Наше понятие архетипического образа является наилучшим из возможных переводов этого греческого понятия. Во многих других гностических системах, которые зависят от системы Валентина и отчасти созданы под его влиянием, есть подобные идеи, но некоторые из них рассматривают Эоны не как персонифицированные божественные силы, имеющие конкретные теологические имена, а как частично числа, а частично буквы алфавита. Понятия число-буква, на которых и сегодня по-прежнему основана большая часть магии, происходит отсюда.

Поразительный факт состоит в том, что до того, как происходит творение, можно обнаружить этот мотив длинных цепочек поколений таких архетипических божественных сил, порождающих одна другую, пока, наконец, мы не спускаемся до создания реальности, как она существует сейчас. Я использую слово "спускаемся" намеренно, поскольку, когда читаешь эти тексты, складывается ощущение, что наиболее всемогущие и вечные, и в то же время неопределенные, силы конденсируются, как химическое вещество, которое осаждается, медленно уплотняясь в конкретную реальность, став таким образом более разнообразной, с одной стороны, и более четкой и менее вечной, с другой, менее мощной в становлении более четкой и в то же время более многообразной. Сначала существует один, затем группа из четырех, затем двенадцать, затем группа из двадцати четырех, и так далее. Это акт умножения, который продолжается ad infinitum и в некоторых системах расширяется до тридцати шести Эонов, а иногда даже до чисел больших, чем шестьсот и более, расширяясь до постоянно возрастающего числа. Хотя сюда включены некоторые абстрактные элементы, поскольку названия этих Эонов, безусловно, являются богословскими и религиозными представлениями, а также тем, что мы бы сейчас

назвали научными понятиями (в частности, идея чисел), видно, что общая картина по-прежнему такова же, как в тех самых первобытных мифах, что я приводила ранее, с идеей божественных сил, медленно конденсирующихся внизу и умножающихся, чтобы стать основными элементами реальности.

Вероятно, на той же архетипической модели основывались отдельные представители классической греческой философии, особенно атомистических теорий. Создателями концепции атома являются Левкипп и его гораздо более знаменитый ученик, Демокрит. Левкиппа трудно реконструировать, как личность, потому что у нас фрагментов его оригинальных произведений нет, или почти нет, а в более поздних текстах мы читаем лишь, что "Левкипп и Демокрит говорят..." Мы не можем определить, есть ли разница между их теориями, или чья теория есть чья, так что нам придется принять их как единое целое. Но в целом всю теорию больше приписывают Демокриту.

Идея Демокрита была в том, что реальность состоит из различных частиц, которые он назвал атомами, неделимыми единицами, основными составляющими реальности. Он был первым материалистом в том смысле, что он утверждал, что душа тоже состоит из материальных частиц, которые являются круглыми. Другие материальные частицы были похожи на пирамиды, иные были квадратными, или имели другие формы, что объясняет различие элементов. У этих частиц по углам были крючки, которыми они соединялись друг с другом. Они составляли цепочки таких связей, и таким образом появлялись разные материальные явления, разные материальные частицы. Поскольку у души-огня частицы круглые, душа может распространяться по всему телу и по любому предмету, потому что круглая вещь без крючков может катиться между другими частицами, и вот почему душа пронизывает все тело.

Вы видите здесь очень примитивную версию современной концепции атома, однако это действительно жутко важный шаг в истории Западной цивилизации. Эти основные тела, или атомы, могут быть поняты только мыслью — я хочу

сказать, что мы не можем доказать их существование, и их нельзя увидеть в реальности.

Кроме того, Демокрит предполагал, что реальность состоит из бесконечного числа разных миров, которые все построены одинаково и имеют одну и ту же структуру. С этим связана, и никто не знает, каким образом, другая его теория, а именно, что в том облаке атомов, в котором мы ходим, вращаются определенные образы. Он говорил, что атмосфера, в которой мы живем, полна невидимых изображений, не совсем вечных, но весьма долговечных, живущих гораздо дольше, чем человеческая жизнь. Положительные и отрицательные образы летают среди атомов и во сне проникают в наш организм, и вот так появляются сны. Они овладевают нами, когда они отрицательны, и имеют демоническое воздействие, а когда они положительны, они оказывают благоприятное воздействие на нашу личность. Злые люди, мы бы сказали, черные маги, могут эманировать злобные образы и передавать их тому, кого они ненавидят, и эти образы потом будут беспокоить его во сне. Осенью мы особенно подвержены депрессии, так как штормы, ветры и дожди перемешивают эти образы больше, чем в другие времена года, и потому мы вдыхаем них намного больше.

Остается неясным, как Демокрит связывал эти образы с атомами. С одной стороны его схема на первый взгляд полностью материалистична, даже душа есть конкретный атом, но у него появляются те самые eidola (греч.; по-латыни simulcra), которые летают между атомами. К сожалению, поскольку учение Демокрита дошло до нас только в разрозненных пассажах и цитатах, мы не знаем, как он соотносил эти два вопроса, и думал ли он, что эти образы тоже в некотором роде материальны. Но вся реальность есть чрезвычайно запутанная mixtum compositum атомов и их комбинаций, включая атомы души и образы, с которыми он безусловно связывал добрых и злых духов из фольклора. Он говорил, что добрые и злые духи, демоны и малые боги из фольклора на самом деле только образы, которые кружатся вокруг. Они не вечны, но могут существовать

двести, триста, или четыреста лет, прежде чем распадутся или изменятся. В реальности существует бесконечное множество их, как существует бесконечное множество миров.

У нас есть еще один фрагмент, в которой говорится, что Демокрит утверждал, что даже камни обладают душой (это объясняет, почему они образуют кристаллы и так далее), но являются ли эти души атомами огня или образами, не ясно. Когда у элементов души есть правильные примеси, то душа рождает мысли правильного рода; когда же она потревожена, род мыслей неправильный. Но образы затрагивают нас извне, они текут к нам извне и входят в нас в определенные моменты. Мышление является отчасти правильным и отчасти неправильным сочетанием таких изображений.

Я набросала эту атомистическую теорию, потому что если посмотреть на нее более внимательно с психологической точки зрения, то можно увидеть, что эоны, цифры и буквы не отличаются принципиально от этого типа частиц и образов; они всего лишь вариация той же архетипической концепции о наличии множественности основных неделимых вечных элементов, которые в своих различных сочетаниях создают реальность. У нас нет конкретных сообщений о Демокрите, но кажется, что он думал, что эти основные элементы даны изначально и не порождают друг друга, так же, как и эоны.

Еще одну идею такого множества основных элементов можно найти в пифагорейской философии, хотя эти элементы не являются атомами, материальными частицами или образами, это цифры. Натуральные числа: один, два, три, четыре... (т. е. ряд натуральных чисел) для пифагорейцев были несотворенными, вечно существующими, божественными творящими силами, создавшими всю вселенную и управляющими ею. На самом деле мы должны уточнить утверждение о том, что пифагорейцы рассматривали числа как основу мироздания, поскольку они были уже достаточно мудры, чтобы понимать, что реальность сама по себе не может быть описана, что мы никогда не узнаем, что она представляет сама по себе, однако все то, что каждый осознает как реальность, описывается числом.

Один фрагмент текста знаменитого пифагорейца Филолая, например, говорит, что все, что может быть признано реальным, есть числа, потому что в нашем мышлении невозможно осознать что-либо без числа. У числа есть две специфические формы проявления, четные числа и нечетные, а третья представляет собой их смешение, и из этих форм выводятся все формы существующих вещей. Никто никогда не мог ничего сказать о какой-либо внешней реальности, или установить какие-либо связи между вещами, или между собой и вещами, если бы не было числа, и именно число есть то, что позволяет душе осознать внешнюю реальность. Оно есть также и то, что дает физическое существование всем вещам. Нельзя увидеть истинную природу числа и его власть в мире богов, но также и во всех работах и высказываниях людей, в области всей их технической деятельности и в музыке. Природа чисел не допускает ошибок и позволяет только гармонию. Ужаса и ревности в области чисел не существует. Вы видите, что он уклоняется в странные психологические моменты.

Анонимный более ранний пифагорейский фрагмент (цитированный Аристотелем) утверждает, что пифагорейцы первыми занялись математикой, потому что они были убеждены, что принципами всех существующих вещей являются числа, поскольку числа являются символами для всего, что существует и происходит, более чем огонь, земля, и вода, которые, по мнению других, были основными элементами мира. Они также поняли, что каждое отношение и каждый закон, например, музыкальной гармонии, основан на числах, и им даже казалось, что вся природа должна основываться на числах в качестве основных принципов природы и основных элементов космоса.

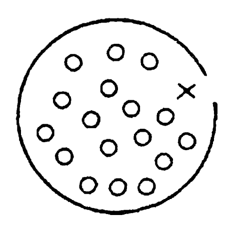
Итак, что является общим знаменателем всего этого? Чтобы узнать об этом больше, мы сначала должны вернуться к первобытной космогонии, цитированной мною ранее. Там мы увидели, что сначала были божественные силы, которые постепенно стали менее важными и менее божественными и постепенно приобрели характеристики духов предков определенных кланов. Это случай гавайской и япон-

ской космогоний, где некоторые из этих меньших богов, когда их слава уже уменьшилась и их развитие пошло вниз к земле, стали духами предков определенных кланов.

Это характерная черта космогонических текстов. Например, “Энума Элиш” также заканчивается длинным списком изначальных королей. То же самое встречается также в Египте, где за фараоном, когда он следует в процессии, всегда следует его последние четырнадцать Ка, то есть душ его предков. Когда фараон двигался, например, в большой процессии фестиваля Сед, за ним несли четырнадцать шестов со статуями его четырнадцати Ка. Народ верил, что за ним следует большее число Ка, но последние четырнадцать были более явны, и о них были лучше осведомлены. Если вы вспомните описание рождения Иисуса в Библии — а я считаю, что там есть историческая связь с этим египетским материалом — у него есть список предков, которые явно сгруппированных в группы по четырнадцать, так что у него также есть свои группы из четырнадцати Ка позади него.

Эти списки божественных, полубожественных, а затем королевских предков кажутся обладающими большим значением. Возможно, мы должны начать рассматривать проблему отсюда и спросить, что значат эти четырнадцать Ка и перечни предков, которые мы находим повсюду в священных писаниях и в некоторых космогонических мифах. Первая гипотеза, которую можно выдвинуть, в том, что они должны иметь дело с тем, что мы называем комплексами. Мы знаем, что у человека есть эго-комплекс, о котором он, как правило, знает и с которыми он обычно выявляет, и что он окружен “облаком” того, что мы называем автономными комплексами. Для нас личность, если она не проанализировалась, будет выглядеть примерно так, как это показано на диаграмме.

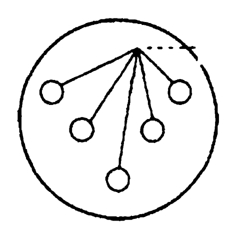
Эго-комплекс будет одним светлым пятном, которое человек осознает, а затем идут все другие комплексы, которые в целом образуют своего рода кластер, относительно закрытую систему личности в целом. Во время анализа человек постепенно знакомится с различными комплексами, которые постепенно попадают в ассоциативную связь с эго.

Эго окружено другими отдельными комплексами

Некоторые из них полностью интегрированы, а некоторые лишь в ограниченной степени становятся связанными с эго-комплексом. Это означает, что если я достаточно много работаю с комплексом, он сплавляется с эго-комплексом, а затем он практически исчезает в том смысле, что он не свидетельствует больше о себе в качестве автономного комплекса.

Есть и другие, которые человек осознает, знает о них, но все-таки они по-прежнему вызывают независимые эффекты. Кто-то может сказать: “О, я знаю, у меня есть положительный комплекс матери, и вот почему у меня такая-то и такая-то реакция!” Этот человек частично осознает свой положительный комплекс матери, но по-прежнему будут существовать проекции реальности, эмоциональные реакции на определенные факты, которые будут захватывать его вновь и вновь, когда лишь после события он скажет: “Ах, это опять был мой комплекс матери”. Так что такой комплекс является тем, что мы назвали бы полубессознательным: человек одни аспекты его осознает, а другие — нет. Они до сих пор в значительной степени автономны, и лишь частично интегрированы.

Эго со связанными комплексами

Цель аналитической работы — это попытка добраться до эго в состояние бытия, осознавая все количество комплексов, которое только возможно, потому что это лишь защита от внезапных явлений диссоциации. Если вы достаточно осведомлены обо всем семействе комплексов, с которыми вы должны жить в вашем внутреннем доме, вы можете, так сказать, оставаться в определенно спокойном состоянии, потому что на самом деле ничего совершенно неожиданного случиться не может. Осведомленность о них имеет, следовательно, существенное значение, это лишь относительная защита от постоянной эмоциональной внутренней диссоциации. С ее помощью можно обнаружить то, что вся экономика этого хозяйства управляется другим центром, а именно Самостью. Это означает, что это не эго должно управлять или упорядочивать все эти комплексы: оно не может этого. Есть тайное регулирование всей этой системы, которое исходит от главного бессознательного комплекса личности, Самости. Если эго сможет найти мост, относительно твердое соединение с Самостью, косвенно оно также осознает все другие его комплексы, потому что оно достигло того центра, из которого управляется и направляется вся экономика личности. Поэтому непременно нужно быть в согласии и в гармонии со своей структурой бессознательного, унаследованной общей бессознательной структурой, до абсолютного максимума, чтобы иметь максимальную эффективность сознания, Маны, интенсивности личности. И когда вы видите эти изображения, или шествия, где египетский фараон идет впереди и позади него идут все священники, неся Ка, вы более понимаете, что имеется в виду: он, так сказать, не действует как индивид и из своих собственных произвольных мнений эго, но является носителем всей традиции которая находится за ним и поддерживает его, и это дает ему силу и власть, которые нужны ему, чтобы править своей страной.

Иметь связь с родовой душой и ощущать ее поддержку, вместо того, чтобы быть отрезанным от нее, — это момент абсолютно принципиального значения. Юнг выразил это в двух словах в своем эссе “Одаренный ребенок”. Мы читаем:

"... мне кажется, что для любой широкой культуры особенно важно иметь отношение к истории в самом широком смысле этого слова. Важно как обращать внимание на то, что практично и полезно, как рассматривать будущее, так же важно и оглядываться на прошлое,. Культура означает преемственность, а не отрыв от корней путем "прогресса"... Подобно тому, как развивающийся эмбрион повторяет, в некотором смысле, нашу филогенетическую историю, так и психэ ребенка вновь переживает "урок раннего человечества", как назвал это Ницше. Ребенок живет в дорациональном и прежде всего в донаучном мире, мире тех, кто существовал до нас. Наши корни лежат в том мире, и каждый ребенок растет из этих корней. Зрелость оттаскивает его дальше от его корней, а незрелость связывает его с ними. Знание [и это существенный срок за нас] истоков мира строит мост между потерянным и брошенным миром прошлого и еще в значительной степени невообразимым миром будущего. Как мы должны завладеть будущим, как мы должны усвоить его, если мы не обладаем человеческим опытом, завещанным нам прошлым? Если мы лишены этого, у нас нет ни корней, ни перспектив, мы беззащитны перед обманом любыми новинками, которые может принести будущее. Чисто техническое и практическое образование не является гарантией от заблуждения и не может ничего противопоставить подделке. Ей не хватает культуры, внутренним законом которой является непрерывность истории, сознание длинной цепи поколений более, чем индивидуальное сознание. Эта преемственность, которая примиряет все противоположности, также лечит конфликты, которые угрожают одаренному ребенку".

Вы видите здесь, хотя рассмотрение идет с совершенно иной точки зрения, почему так важно быть связанным с исторической преемственностью, то есть изнутри, со своей родовой душой, быть связанным с архетипическими основами психэ. Это единственная защита от увлечения заблуждениями новизны. Как это разрушительно, видно, например, когда первобытное племя отрезано от преемственности своих предков каким-то внешним духовным влиянием, поскольку

эти племена затем обычно приходят в упадок и за короткое время теряют всю свою волю и силу жить. Они потеряли преемственность, свое историческое прошлое и свое человеческое достоинство; их больше не поддерживают все их Ка, которые идут позади них и поддерживают существующего современного человека. Чтение и заучивание наизусть этих длинных списков предков царей и богов, следовательно, вероятно, связано с тем, что это — священное ритуальное действие, посредством которого человек соединяет себя с непрерывностью прошлого. Это противомагия для борьбы с диссоциацией.

В китайском тексте "Тайна золотого цветка" говорится, что с помощью медитации достигается стадия, когда сознание растворяется. Это состояние, за которым наблюдал медитирующий в этой китайской практике йоги, является своего рода сознательной диссоциацией. Картинка, сопровождающая этот текст, изображает человека, сидящего в позе лотоса, и из его головы поднимается один будда за другим, так что получается целая толпа будд: каждый будда создает еще двоих, и так далее. Это бесконечное умножение различных будд, сидящих в позе лотоса. После этого состояния сознательно достигнутой диссоциации, следующий шаг заключается в реинтеграции всех этих будд путем осознания так называемого вращения света.

Юнг в своем комментарии к этой части книги говорится о необходимости осознания всей душой частиц и различных автономных комплексов с целью предотвращения диссоциации. Происходящее в этом китайском медитативном упражнении является своего рода сознательно индуцированной диссоциацией, так же, как мы это делаем, например, в медитации, которую мы называем "активное воображение", ибо там тоже мы обращаемся ко всем нашим различным автономным комплексам. Мы заставляем их появиться, мы позволяем им начать существовать, а затем мы начинаем сознательную дискуссию, Auseinandersetzung, с ними. Если этого не делать сознательно, как медитативную практику, то это происходит непроизвольно под действием определенных потрясений, а затем происходит противоположный эффект

этих медитаций, а именно, получившееся распадается и разрушает всю личность. Затем, говоря простыми словами, происходит шизофреническая диссоциация, "распад" личности. В продвинутой стадии шизофрении можно реально увидеть, как человеческое существо растворяется в облаке, кластере автономных комплексов, которые более не организованы. Шизофреники жалуются, что ими завладевают разные голоса и что их эго тонет в них.

Я помню девочку-шизофреника, которая находилась в больнице в течение длительного времени и которая, когда родственники посещали ее, производила впечатление, что она никого не узнает, так что они отказались от этих посещений как от безнадежных. Но позже, когда ее вылечили, она вспомнила все, что случилось, вплоть до того, в какой блузке была ее мать и что она сказала при посещении. Она осознавала все детали, но сказала, что все черти и демоны не позволяли ей показывать какого-либо узнавания. Она использовала иное сравнение, и сказала, что это было, как если бы она была под водой и могла видеть других, но не могла помахать рукой, не могла показать, что она их видит. Здесь вы видите, как эго-комплекс подавлен смешением других комплексов и более не является достаточно сильным даже для того, чтобы управлять телом или проявляться иным образом. Он все еще есть, но он слишком слаб, он просто один из многих других.

Затем есть известный случай Шребера, который дал очень интересный обзор своей шизофрении, но сказал, что его постоянно тревожат его демоны и голоса. Например, как я уже упоминала, если он хотел что-то записать, духи говорили, что это уже сделано, и он бросал карандаш и был не в состоянии написать что-нибудь. Они постоянно вмешивались, на что обычно жалуются и шизофреники в начальной стадии. Они говорят, что они могут захотеть пойти на кухню и поставить варить суп, но какой-то демон говорит что-то, и они не могут этого сделать. Один горничная сказала мне, что хотела совершить паломничество в Айнзидельн, но когда она прибыла к дверям церкви, голоса и крики демонов запретили ей войти и стали настолько громкими, что это

казалось облаком дьяволов, и она вернулась домой, не совершив паломничества. Автономные комплексы подавили эго-комплекс хаотическим образом.

Эти трагичные диссоциации ясно показывают, почему первобытный человек так страстно охвачен желанием иметь души своих предков, своих Ка, упорядоченно следующих за его эго-комплексом. То, что египетский фараон идет впереди своих четырнадцати Ка, символизирует то, что он является полноценной личностью. Вероятно, поэтому также приводится и родословие Христа: это намек на его королевскую личность. Он вновь является символом полноценной личности, у которой есть все развитие прошлого, так сказать, за ее спиной, как будто все прошлое указывает на его реальность.

В книге ван дер Леу "Религия в сущности и проявлении" вы найдете еще один аспект этого. Ван дер Леу собрал огромное количество материала, чтобы показать, что у мертвого, согласно верованиям многих разных народов, меняется характер. Это означает, что отец, тетя, мать, любой умерший член семьи, после смерти не остается дядей Джоном или тетей Мэри и не бродит призраком в этом образе, но медленно изменяет характер, становясь все более сверхъестественной и более мощной фигурой. Некоторые постепенно становятся злыми демонами, а другие становятся добрыми numina, духами-защитниками. Они все более и более теряют свои индивидуальные характеристики и становятся более общими и мощными факторы. Таким образом, образ умерших предков смешивается, как можно ясно видеть из материала, собранного ван дер Леу, с архетипом. Мы бы сказали, на нашем языке, что покойный отец медленно становится чем-то вроде архетипа отца в психической системы оставшегося в живых сына. Связь с конкретным г-ном Смитом или Джонсоном затухает, вместе с этим затухает и память о его конкретной личности. Вместо этого сын чувствует, что защищающий архетип отца, или отрицательный архетип отца, находится за его спиной.

У некоторых философов-неоплатоников была сходная идея. Они говорили, что после смерти остаются души людей,

которые соединяются с numina, то есть с божественными существами. Апулей, например, следуя Плутарху, сказал, что люди, которые следили за своей психикой, воспитывали себя и следили за своим психическим состоянием в течение жизни с помощью медитации и религиозных практик, после смерти получат особенно мощный numen и будут существовать в качестве такового. Это та же идея сочетания того, что мы назвали бы архетипическими фигурами и душами предков.

Это может также иметь и физиологическую основу. Вопрос о том, как модели поведения наследуются в животном мире (а наши в этом отношении, естественно, вряд ли различаются) по-прежнему очень велик, но кажется, что каким-то образом это связано с генами. Конрад Лоренц сумел провести в этом отношении очень значимый опыт. Он нашел два вида уток, которые находились достаточно далеко друг от друга, чтобы показывать определенно различные модели поведения, например, разные виды ухаживания в брачном танце, но все же достаточно близкие для скрещивания. Он скрестил два эти вида, и оказалось, что результат скрещивания не только физически был помесью характеристик обеих видов, но и брачный танец его был смешанным! Селезень одного из видов утки дважды опускал голову в воду и четыре раза покачивал хвостом, а другой делал это по три раза. Селезень-метис объединил эти два паттерна. Кажется, что модели поведения как целое не передаются по наследству через один ген, но элементы его рекомбинируют

у новой личности в новой форме, например, в другом типе брачного танца. Мы могли бы поэтому сказать, что если эксперимент Лоренца сможет доказать свою истинность в более широком смысле (одного эксперимента, естественно, недостаточно, чтобы решить все вопросы), это будет означать, что наши архетипические модели поведения тоже состоят из разных фрагментов поведения предков, которые вновь соединяются в новой модели поведения. И в этих психических паттернах был бы также действующий элемент наследования и преемственности, который бы еще более

оправдывал важное значение этих перечней предков. Это как если бы эти примитивные генеалогии были интуитивным пониманием законов такой преемственности.

Если для нас сейчас является загадкой, как элементы модели поведения связаны с генами, мы все еще застряли на той же проблеме, что и Демокрит, а именно: как образы, симулякры, связаны с атомами? Эта связь все еще является для нас большой проблемой. Вы видите теперь, почему я ввела таким странным образом божественные числа и буквы алфавита. Основными элементами психических процессов будут цифры, буквы алфавита, симулякры Демокрита, или то, что мы называем архетипическими представлениями, с одной стороны, и проблема физического наследования, с другой. Они идут параллельно, но мы еще не знаем точно, как они связаны. Но, разумеется, важность этих родословных и цепочек богов имеет отношение к большому значению связанности с основными инстинктами, а не уходу от них благодаря новым мутациям в нашей душевной жизни.

Есть еще один элемент, о котором я хочу кратко упомянуть. В гавайской и японской космогониях, о которых я рассказывала, и скалы, и острова были созданы в определенный момент. Определенные боги, появившиеся после длинного перечня других богов, были идентичны с определенными островами архипелага. Естественно, что в странах, где местность представляет собой скопление островов, это очевидный способ проекции архетипов. Но его можно найти и у народов, земля которых не представляет собой островной структуры: в таких случаях в определенный момент эволюции богами стали горы, реки, или другими особые географические точки. Таким образом, мы можем сказать, что общим знаменателем является особая географическая точка, будь то одинокое старое дерево, или холм, или горы, или скала, или остров. Частности, соответственно, зависит от страны, из которой люди родом.

На такие особые географические точки опускается Бог, когда он проявляется, спускаясь из небесного тумана. Он становится идентичным с определенными географическими особенностями, и поэтому во многих системах первобытной

религии и мысли есть настоящая психическая география. Обычно вы можете увидеть вблизи такого племени значительную гору: это место для отношений с Богом, то есть место, где великие люди получают свои сны, свои откровения, куда знахари уходят поститься и откуда они возвращаются, вступив в контакт. И у нас в религии также есть горы Синай и Фавор. Обычно существует также место, куда проецируется темный Бог, или Бог зла: это может быть темная расщелина, темный ручей, пропасть, или кратер вулкана — все, что может быть подходящим местом, куда можно проецировать сверхъестественную, темную, злую сущность, место, где не ходят по ночам, и так далее. Некоторые места наводят на такие мысли. Если некто планирует совершить убийство, фантазия о его осуществлении может настичь убийцу лучше всего, когда он приходит к некоему темном месте в лесу. Юнг, например, всегда ссылался на убийство эрцгерцога Иоганна, который был убит в темном ручье, а убийца ехал за ним, зная с самого утра, что во время этой поездки он собирается убить его. Когда он вошел в этот темный проход, то воскликнул: “Эта свинья не должна больше жить”, и заколол его сзади. Это было место, которое катализировало его решение совершить убийство. Интересны также данные криминалистики: в определенных темных местах вновь и вновь совершались изнасилования и убийства, в определенных местах в лесах вблизи городов. Действительно, чувствуется, как будто злые духи заманивают туда людей, и что человек, уже находящийся на грани совершения преступления, катализирует свое намерение в таком месте.

Так что еще существует психологическая география, и до сих пор как будто определенные сочетания пейзажа формируют также и наше внутреннее психическое настроение. Есть подходящие места для определенных дел, фантазий или идей. В первобытной мифологии это видно в еще большей степени. Если вы читаете названия на карте территории первобытного племени, то на самом деле у вас есть карта их коллективного бессознательного: место, где положительный Бог проявляет себя, где зло вырывается

наружу, где зачинаются дети. Если вы посмотрите на символизм названий, все коллективное бессознательное окажется идентичным с географической местностью, в которой живет племя. Это показывает, что внешнее окружение живого существа служат катализатором проекции определенного бессознательного содержания. Мы рождаемся со всеми этими унаследованными архетипическими паттернами представления, и, когда мы попадаем в соответствующую ситуацию или пейзаж, это действует как стимул, и архетипическое содержание проецирует себя на это место. Вот, наверное, почему во многих примитивных космогониях есть этой странная связь, когда боги становится скалами, островами или холмами, или места, где одна река впадает в другую. Там Бог "приземляется" в реальность.

У современных же людей, когда что-то приближается к сознательному восприятию через проекцию либо непосредственно, сны, как правило, показывают, как что-то где-нибудь спускается на землю. Я помню, что когда-то видела сон, который забавлял меня бесконечно. Мне приснилось, что архангел Михаил приземлился в Швейцарии на холме, недалеко от Берна, но что правительство так испугалось, что окружило его военным кордоном. Берн — столица, это означает центр психэ, символ центра, и там приземлилось важное содержание, но обычное сознание было очень напугано этим пониманием. Этому предшествовали около трех недель очень важного умственного осознавания, которое затем вошло в сознание. Во время сна мое сознание было вполне спокойно и не пугалось архангелов или кого-нибудь в этом роде. Но это было оповещение, что сейчас к области осознания будет подходить архетипическое содержание; эта божественная фигура, приземлившаяся на особой географической точке, предшествовала осознанию.

И еще, когда люди должны принять очень важное решение, огромный шаг, от которого, можно сказать, зависит все их будущее, они видят такие сны, как собрание предков или собрание умерших. Помню, однажды, когда я должна была принять важное решение, затрагивающее всю мою жизнь, мне снилось, в ночь после того, как я приняла решение,

что все умершие люди на небе, которые играли в игру "хальма" (род игры с залогом), перестали играть, подошли к небесным окнам и посмотрели вниз, как будто все они собирались участвовать в принятии решения. Хотя они не обеспокоены тем, что там внизу, на земле делают эти живые вши, ведь они находятся в вечном блаженстве и играют в "хальма", но все же, когда человек принимает важное решение, они перестают играть и смотрят в окно.

Я видела много других снов такого рода. Как правило, они возникают, когда человек действительно должен сосредоточить весь потенциал своей личности для того, чтобы сделать следующий шаг, решающий шаг, от которого зависит весь процесс индивидуации. Такие шаги настолько страшны, что слабое эго не может сделать их, вот почему такие концентрирующие процессы происходят и показываются в снах — потому что эго не может сконцентрировать свои силы. Это спонтанное событие, словно вся жизненная структура личности сконцентрировалась в нем. Естественно, такой сон, или такой опыт, дает потрясающее чувство уверенности, твердости, мужества, появляется ощущение, что все прошлое за тобой, поддерживая тебя, и тогда можно делать рискованные вещи, на которые не хватало смелости, чтобы сделать их в нормальном психическом состоянии. Вот почему всякий раз, когда первобытные люди должны принять важное решение, они сначала танцуют, чтобы отождествиться с предками, и, надевая маски и становясь таким образом духами предков и сливаясь с ними, они приобретают силу сделать трудный жизненный шаг.

Так мотив богов медленно сходящих вниз в духов предков, с одной стороны, и мотив умерших, медленно поднимающихся вновь на уровень архетипических сил, с другой, на самом деле нужно рассматривать вместе. Все они означают восстановление родовой архетипической основы личности, осознания, или осознавания ее как необходимой поддержки для хрупкого, недолгого существования индивидуального эго. Подобный опыт стоит за всеми различными народными верованиями в призраков, бродящих группами, как, например, в вере германцев в дикую охоту Вотана, когда призраки

едут через леса, держа головы под мышками. Как правило, они доброжелательны к тем, кто относятся к ним хорошо, и злы по отношению к тем, кто обижает их.

В первую ночь, когда я спала в моем загородном доме в деревне после того, как он был построен, мне приснилось, что прибыла огромная процессия из крестьян в средневековых воскресных одеждах — но на самом деле они были призраками. Они пришли ко мне, и я думала о том, как я хотела быть там одна, и что я не открою дверь, но потом я увидела, что это была также и свадьба, с по-крестьянски выглядевшим женихом и его невестой, и потому я подумала, что я должна что-то сделать и бросилась в подвал, чтобы достать вина, а затем проснулась. Юнг интерпретировал это как накопление, концентрацию душ предков, определенно одобряющих шаг, который я сделала. В более позднем сне, через несколько месяцев, пришли даже обезьяны: сначала призраки — вновь крестьяне в масках привидений — пришли ко мне и через какое-то время они превратились в красивых серебристо-серых обезьян, которые развлекались по всему дому. Это был очень приятный опыт. Я проснулась с чувством восторга и счастья после наблюдения из окна, как обезьяны танцевали вокруг дома, прыгая с ветки на ветку элегантными движениями. Это значило, практически, не только интеграцию душ предков, но даже животных предков. Естественно, если вы живете в загородном доме, где нет электрического света, и где вы практически не можете мыть и можете только варить на огне, обезьяна в вас чувствует себя бесконечно счастливее, чем запертая в тюрьме городской квартиры со всеми ее электрическими приборами, ибо там обезьяна довольно несчастна. Итак, субъективно интерпретируя, душа животного, обезьяны, чувствует себя живой через этот образ жизни, она приходит в себя, и это естественно ощущается индивидом как поддержка, так как он опирается на свои родовые корни, включая даже духи животных. Таким образом, во многих первобытных ритуалах люди не только идентифицируют себя со своими мифологическими предками в танцах, но даже со своими предками-животными, и они становятся этими животными

и разыгрывают их роль. Первобытное племя находится в постоянной опасности потерять свою связь с животным миром внутри себя и даже на этом уровне оно должно постоянно воссоединяться с ней.

Во многих крестьянских общинах все еще верят, что мертвые ходят по земле, и благоволят к некоторым людям, которые обладают вторым зрением: они могут видеть мертвых и говорить с ними — и посещают их. Я жила в своем доме не более двух недель, когда крестьянка, живущая по соседству, пришла ко мне и с очень озабоченным выражением лица прочитала мне долгую проповедь о том, что души умерших живут и блуждают вокруг, и что нужно относиться к ним достойно, тогда они смогут защитить дом и предотвратить его поджог или грабеж и т. д. Она, очевидно, предполагала, что я была городской рационалисткой и что она должна познакомить меня с местными обычаями. Когда я заверила ее, что я так или иначе на сто процентов убеждена в этом, она посмотрела на меня пораженно и явно немного разочарованно, потому что пропал весь смысл ее проповеди, а потом я поняла, что она сама сомневалась в том, что говорила мне, и через некоторое время почувствовала довольно приятное спокойствие. Примерно через полгода она умерла, неожиданно, после операции. У нее был аппендицит, и после него что-то пошло не так. Ее беспокойство было также предчувствием смерти, и поэтому она с такой страстью пыталась убедить меня, или скорее себя, что души предков живы и бродят по лесу. Она была очень рада, когда я заверила ее, что мне не составляет абсолютно никакого труда верить в то, что она мне рассказала. Итак, вы видите, насколько, даже в нашем обществе, это верование по-прежнему живо, если у людей есть достаточно уверенности, чтобы сказать вам об этом, потому что они не всегда откровенны на эту тему.

Мотив генеалогий прошлого — богов и предков — имеет, по моему убеждению, еще один вывод, который не противоречит тому, о чем я писала ранее, а, скорее, поддерживает. В своей статье “Синхронистичность: акаузальный принцип подключения”, Юнг говорит о факторе, который он называет

абсолютным знанием. То, о чем я буду говорить сейчас, проникает на практически не изведанную территорию, поэтому, пожалуйста, примите это как есть: это одна из пограничных областей нашего знания, где мы в большей или меньшей степени по-прежнему нащупываем путь в темноте.

Как вы знаете, когда происходят синхронистические явления, нельзя не прийти к заключению, что где-то "все известно", все, что внешне кажется совпадающим случайно, но совпадения эти являются значимыми. Если, к примеру, вы используете И-Цзин, это выглядит как если бы "оно", структура бессознательного, знало о фактах, которые еще даже не произошли. Большинство методов дивинации основаны на этом, и если принять гипотезу, что значимые совпадения есть форма, в которой проявляет себя архетип, то мы должны предположить, что с этим архетипом связана определенная освещенная область или полусознательное. В главе, в которой Юнг говорит о предшественниках его идеи синхронистичности, он цитирует знаменитого Агриппу Неттесгеймского, который говорит о том, что с помощью оракулов, экстаза и явления пророчества человек может предсказывать будущее. Юнг далее говорит в "Структуре и динамике психэ":

Агриппа, таким образом, предполагает наличие врожденного "знания" или "восприятия" в живых организмах, идея, которая повторяется и в наши дни у Ганса Дриша. Нравится нам это или нет, мы оказываемся в этом затруднительном положении, как только начинаем серьезно задуматься о телеологических процессах в биологии или исследовать компенсаторную функцию бессознательного, не говоря уже о попытке объяснить явление синхронистичности. Конечные причины, как их ни крути, постулируют *предвидение какого-то рода.*

Проще говоря, можно сказать, что всякий раз, когда у процесса есть конечный аспект, когда он движется к цели, постулируется, что эта цель известна заранее, по крайней мере смутно. Таким образом, каждое окончательное объяснение факторов предполагает существование какого-то предвидения.

Конечно, это не знание, которое может быть связано с эго, и, следовательно, не сознательное знание, каким мы его знаем, а, скорее, самостоятельно существующее "бессознательное" знание, которое я бы предпочел называть "абсолютным знанием". [Вот этот важный момент, к которому я подвожу.] Это не познание, но, как прекрасно назвал это Лейбниц, "восприятие", которое состоит — а если быть более осторожными, то кажется, что состоит — из образов, из бессубъектных "симулякров ". Эти постулированные образы предположительно то же самое, что и мои архетипы, которые могут быть показаны как формальные факторы в спонтанных произведениях фантазии. Если выразиться современным языком, микрокосм, который содержит "образы всего творения", будет коллективным бессознательным.

Итак, для первобытного человека сохранение своей связи с родовыми элементами значимо в том числе и потому, что это единственный путь, которым он может достичь этого абсолютного знания коллективного бессознательного. Если отрезать себя от инстинктивной основы вашей личности, вы также отрежете себя от всякой возможности этого "абсолютного знания", что означает, что ваши возможности познания реальности сводится к тому, что вы знаете благодаря эго своей личности. Вы лишаете себя связи с этим абсолютным знанием и всех возможностей предвидения будущего, знанием где-то в бессознательном, что произойдет и как это будет происходить.

Сейчас, особенно для первобытных людей, которые вынуждены жить в условиях, когда непредвиденные события случаются постоянно, и которые очень открыты по отношению к природе, предсказательное знание, нащупывание абсолютного знания, имеет важное значение. Нельзя знать разумом, когда идешь по носорожьей тропе, что через десять минут носорог встретит тебя. Это невозможно при помощи любого сознательного расчета, но можно узнать это через абсолютное знание, потому что это будет синхронистичным со всей совокупностью твоей жизни. Можно даже знать, вставая утром, что сегодня у вас будет встреча с носорогом: "*оно*" знает это, *вы* же не можете знать этого!

Поэтому, выявление источника абсолютного знания, собранного в коллективном бессознательном, имеет жизненно важное значение для первобытного человека, и мы можем сказать, что точно такое же жизненно важное значение оно имеет и для нас. Мы тоже постоянно попадаем в ситуации, когда нашего рационального взвешивания фактов недостаточно. Мы по-прежнему подвергаемся огромному количеству неожиданных событий, и если у нас есть методы и возможности задействования так называемого абсолютного знания коллективного бессознательного в нас, мы, естественно, находимся в гораздо лучшем положении, чем тогда, когда мы теряем эти знания. Поэтому я считаю, что это потрясающее выделение родовой непрерывности, которое делают столь многие религиозные и мифологические системы, также частично оправдано необходимостью сохранения связи с абсолютным знанием бессознательного.

Роль чисел также стоит описать в этой главе. Мы знаем, что восемьдесят, если не больше, процентов всех мантических или предсказательных методов основаны на натуральных числах. Можно, например, сделать предсказание, прочитав имя человека: нужно заменить каждую букву имени соответствующим числом. Эта каббалистическая традиция иногда до сих пор используется. По сочетанию чисел вы делаете свое предсказание. Гадание по китайскому И-Цзину основано на числах. Бросание костей, как у африканцев, и подобные практики гадания основаны на числах. Натуральное число играет существенную роль в большинстве из них. Юнг говорит в той же статье:

Существует что-то особенное, можно даже сказать таинственное, в числах. Они никогда не были полностью лишены своей сверхъестественной ауры. Если, как говорит нам учебник математики, группа объектов лишена любого из их свойств или характеристик, то остается еще, в конце концов, их число, которое, кажется, показывает, что число не сводимо ни к чему. (Меня не интересует здесь логика этого математического аргумента, а только его психология!) Последовательность натуральных чисел неожиданно оказывается больше, чем просто нанизывание одинаковых единиц:

она содержит всю математику и все то, что еще предстоит открыть в этой области. Число поэтому в каком-то смысле есть непредсказуемая сущность. Хотя я бы не стал пытаться сказать что-либо освещающее внутреннюю связь между двумя такими, казалось бы, несоизмеримыми вещами, как число и синхронистичность, я не могу не отметить, что их не только всегда ставили в связь друг с другом, но оба обладают нуминозностью и таинственностью, как общими характеристиками. Число неизменно используется для характеристики некоторых нуминозных объектов, а все числа от одного до девяти являются "священными"... Самым элементарным качеством объекта является то, один он или их несколько. Число помогает более всего другого для привнесения порядка в хаос явлений. Это предопределенный инструмент для создания порядка, или для поддержания уже существующего, но пока неизвестного, правильного расположения или "упорядочивания".

Это означало бы, более простыми словами, что коллективное бессознательное состоит из симулякров, eidola в смысле Демокрита, или образов, которые логически не связаны между собой. Эти образы включают определенный порядок или упорядоченность как свой собственный порядок. Число есть самый простой, самый примитивный инструмент привнесения порядка. Первым, что я делаю, когда я хочу упорядочить что-то, является подсчет объектов; потом дифференциации становится больше — я определяю объекты или их позиции, но это уже гораздо сложнее. Если вы хотите упорядочить своих овец, вы считаете их, затем вы можете также отделить баранов от овец, и одних поместить в хлев, а других нет, но самым примитивным способом является их подсчет, если вы хотите мысленно господствовать над ними. Поэтому число — самый простой инструмент привлечения бессознательного понимания порядка в сознание, от него можно лучше нащупать совокупность бессознательного. Вероятно, поэтому он используется в большинстве мантических методов. Существует гораздо больше очень загадочного, но именно здесь Юнг остановился, очень сильно намекая, что в этой области предстоит открыть бесконечно

больше. Все это связано с проблемой генеалогии в космогонических мифах, поскольку в некоторых гностических и неоплатонических космогониях архетипические цепочки заменены числами. Создание идет, так сказать, когда два развиваются из одного, три развиваются из двух, и т. д. Или наоборот, ряд натуральных чисел отражает организующий закон за каждым актом творения.

Глава 12. Творение обновленное и обращенное

В Откровении святого Иоанна, после разрушения всего мира, мы находим следующие стихи:

И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет.

И я Иоанн увидел святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего.

И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их;

И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло.

И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое...

И сказал мне: совершилось! Я есмь Алфа и Омега, начало и конец: жаждущему дам даром от источника воды живой. (Откр. 21:1–6)

Идею, что после апокалиптической катастрофы мир будет воссоздан, или же будут возобновлены какие-то творческие космические процессы, можно найти не только в Библии, но и, например, в германской мифологии, где после Götterdämmerung, сумерек богов, и великой последней битвы между старыми германскими богами и демонами бездны и ада, в которой большинство богов будут убиты, откуда-то из глубин вдруг внезапно расцветет новый мир. В траве новые боги найдут золотые скрижали мудрости прошлого, и в этом новом мире будут жить Бальдр и некоторые другие воскресшие боги. Эта идея есть также в различных индуистских мифологических системах, где она еще более расширена: космос всегда создается в кальпы (эоны), в конце

их разрушается, воссоздается в следующем периоде, а затем разрушается вновь, и так длится огромные промежутки времени. Германские и индуистские концепции указывают на циклический процесс, а именно, что существует постоянный ритм последовательных творения и разрушения. На самом деле меняется не так много: начало всегда замечательно, но к концу этот мир постепенно разрушается, зло и силы упадка постепенно одерживают верх вплоть до окончательной катастрофы, а потом все появляется вновь в весенней красоте новых возможностей жизни.

В отличие от этого, на что всегда указывали христианские теологи, новое творение в нашей цивилизации является более уникальным событием. Не предполагается, что в этом *kaine ktisis*, новом творении после Страшного суда, все будет повторено сначала, как было прежде, и что через некоторое время дьявол опять сделает какую-то пакость, и все это будет продолжаться вновь и вновь во веки веков. Идея, скорее, в том, что новое творение в чем-то основном, или существенном, отличается от старого. Основным отличием является то, что это новое творение отождествляется с небесным Иерусалимом, небесным городом, который, как мы знаем из других мест Откровения, безусловно, рассматривается как мандалы. В то же время он уподобляется женщине "украшенной для мужа своего", и является существенно более духовной реальностью, чем та материальная реальность, в которой мы живем. Кроме того, если мы будем вести себя достаточно хорошо, чтобы быть допущенными, мы будем жить в этом небесном Иерусалиме, но не в наших старых телах, а в так называемых "телах славы".

Эта идея весьма беспокоит людей средневековья, так как они задавались вопросом: если будет воскресение тела, то, если у человека была деревянная нога или другая инвалидность, будет ли этот человек воскрешен в таком же несчастном искалеченном теле? Богословие отвечало на это, что у нас будет тело славы, которое неким туманным образом не совсем будет совпадать с нашим материальным телом, таким же расплывчатым и неясным образом небесный Иерусалим также не будет таким же, как ущербная сфера

реальности, в которой мы вынуждены жить сейчас. Одна и та же идея применима как к отдельному человеческому телу, так и к созданию в целом. В официальной христианской доктрине это обновление творения состоится в определенный момент в будущем. Воссоздание наших личных тел как тел славы также проецируется в будущее состояние мира, который мыслится как определенное событие в будущем.

Существует очень интересная вариация этой идеи в алхимии. У алхимиков, даже в самых ранних известных нам текстах, то есть датированных I веком н. э. и даже I веком до н. э., была идея, что алхимическая работа в реторте и изготовление философского камня является повторением творения, и в то же время изготовлением тела славы. Другими словами, идея философского камня алхимиков совпадает с идеей тела славы. Это предлагает архетипический подход к некоторым восточным идеям, поскольку в различных восточных практиках йоги и медитации целью является создание внутри себя так называемого алмазного тела, которое есть бессмертное ядро личности.

В тибетском, индийском, и отчасти в китайском буддизме когда-то давно была идея, что религиозная практика медитации служит цели создания внутри еще живого, но смертного тела алмазного тела, в которое вы, так сказать, переселяетесь. Уже в этой жизни вы все более и более пользуетесь своим алмазным телом как местом обитания, так что в момент смерти, как кожица, опадающая от фрукта, это смертное тело опадает, и тело славы — или, на языке Востока, алмазное тело — уже существует. Тело славы, своего рода бессмертная субстанция как носитель личности индивида, уже создано с помощью религиозных практик в течение жизни этого индивида. Эта же идея, что странно для официального христианского учения, решительно возникла в алхимической философии. Алхимики тоже с самого начала стремились к созданию такого тела славы или алмазного тела, и христианские алхимики с самого начала отождествляли его с телом славы. Для того чтобы создать это тело славы, называемое философским камнем, необходимо повторить процесс творения целиком.

Один из старейших алхимических трактатов называется “Философ и Первосвященник Комариос Преподает Клеопатре Божественное и Святое Искусство Философского Камня”. Комариос, вероятно, происходит от сирийского слова “Komar” и означает “священник”. Существует также алхимическая субстанция, мистическая субстанция, называемая *komaris*, которая рассматривается как *prima materia*, основная материя всего процесса. Поэтому, возможно, слово намекает на этот основной материал. Это не было бы противоречием, поскольку, вероятно, слово *komaris* происходит от идеи тайны священника, материи, которая является тайной священника. В то время в Египте и Сирии, и везде, где практиковали алхимию, она по-прежнему являлась тайной, хранимой первосвященником, и, как правило, не разглашалась простым людям. Изначально в Египте священники различных классов монопольно владели определенными техниками. Например, бальзамирование, покрытие эмалью, и так далее — все это было коммерческими тайнами некоторых классов жрецов, — практика, которая некоторое время сохранялась также и в алхимической традиции, поскольку алхимия происходит в основном из источников эллинистического Египта. Текст начинается так:

Этот трактат есть золотое и серебряное писание, в котором священник и философ Комариос рассказал мудрой Клеопатре о творении. Он учит Клеопатру мистической философии, сидя на троне и затрагивая тайную философию. Он обладает мистическим гнозисом, которому он может научить тех, кто знает, и он показывает это даже своими руками, а именно: Все-Монада, * которую он творит с помощью четырех элементов.

Это слово на самом деле — monas. Это отсылает к одному из самых старых алхимических текстов, из тех, что до сих пор у нас есть, и возникает мысль, что это действительно связано с тайной творения: писатель Комариос действительно, во всем своем труде, указывал на одну монаду.

Это очень странное утверждение, но, как мы увидим позже в тексте, идея состоит в том, что есть четыре эле-

мента — Земля, Вода, Огонь и Воздух — и что этот процесс является своего рода циркуляцией по четырем элементам, пока не создашь из них тонкое тело, которое содержит все четыре элемента в одном. Это указывает на исключительно центральную и основную идею различных алхимических традиций на протяжении веков, а именно, что совокупность мира разделена на четыре элемента. Если объединить их снова процессом циркуляции, вместо четырех получается основной, из которого изначально появились эти четыре. Они сводятся снова к своей *prima materia*, к своему единственному элементу, и тогда вы получаете Все-Монаду, всеобъемлющую, всепроникающую монаду, и / или, как гораздо позже называли это латинские алхимики, *quinta essentia*, квинтэссенцию, которая на самом деле не пятая, но как бы извлеченный и конденсированный продукт всех четырех элементов.

Текст продолжается:

Земля коагулирует над водами, а воды находятся над горами. Возьми, о Клеопатра, землю, которая находится над водой, и создай из нее духовное тело, чтобы служить, или дух квасцов (квасцы). Это будет тогда подобно по своей теплоте огню, и будет напоминать по сухости воздух, а воды, что над горами, подобны воздуху по своей холодности, а воды подобны влажности. . .

Затем идет лакуна в тексте, которую мы не можем реконструировать. Идея здесь состоит в том, что вы смешиваете не только четыре элемента, но в то же время и четыре качества. В поздней античности (исходя из греческого естествознания) была идея, что существуют четыре элемента и четыре качества, иногда восемь качеств, которые объединяются. Например, земля сухая и холодная, вода разделяет с ней холодность, но она влажная и холодная, воздух разделяет тепло огня, но имеет другую консистенцию. Таким образом, они обладают всеми видами объединений восьми или четырех качеств.

Смотри, из одной жемчужины, и из другой, о Клеопатра, все pharmakon, все настойки, получаются. Клеопатра затем взяла эти записи Комариоса и начала комментировать

о разрезании на четыре части прекрасной философии, т. е. об основной субстанции всей природы. Она учила и нашла форму [используется греческое слово *ideam*] всех операций и их различия и, следовательно, мы обнаружили, что философия во всем разделяет основное вещество природы на четыре, так что мы имеем сначала Nigredo или Черноту, во-вторых, Albedo, в-третьих Citrinitas, или Пожелтение, и в-четвертых Rubedo, или Покраснение вещества. Мы также можем разделить эти основные элементы на подобные полуэлементы, или полшага, и мы получаем между Nigredo и Albedo мумификации и промывку формы; между Albedo и пожелтением — плавление золота, а между пожелтением и покраснением есть разделение всего продукта на два. Конечная цель всех этих действий — сосуд, имеющий груди и ставший одним из всех частей.

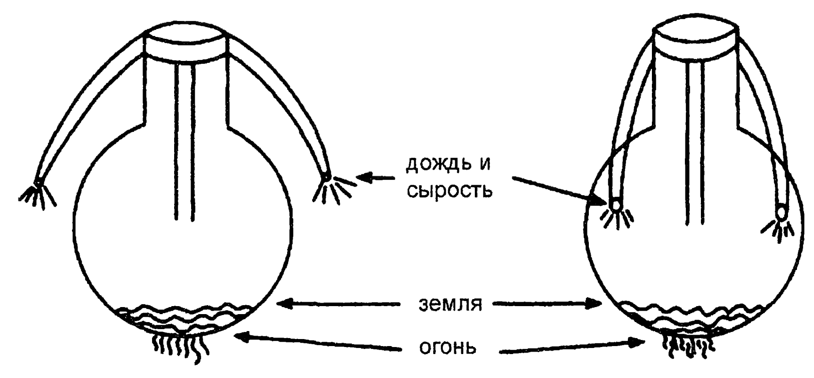
Нужно немало дополнительных знаний, чтобы понять, по крайней мере частично, то, к чему писатель подводит в этом тексте. Мы видим две вещи: идентичность философии и природы, и это означает, что разделение природы на четыре части совпадает с разделением "философии" на четыре части. Философия (в данном случае означающая алхимической теории, или теоретический подход алхимиков) несет ответственность за то, что все в природе разделено на четыре. Далее автор, говоря устами Клеопатры, перепрыгивает от этого утверждения к тому, что существует четыре уровня материи, а именно: черный, белый, желтый и красный — известная теория, которая сохранилась до самого конца алхимии, то есть до XVII века. Да, эта теория действительно продержалась неизменной в течение семнадцати столетий. Между этими этапами она включает полупроцессы. Таким образом, мы снова видим мандалу: не только четырех элементов, но nigredo, albedo, citrinitas и rubedo, четыре этапа, и между ними мумификация, расплавление золота, разделение на два, и (здесь не ясно, ибо автор переходит к замечанию, что целью является сосуд с грудями) становление одним из всех частей. Таким образом, вместо того чтобы переходить к четвертому этапу и заново начинать, здесь внезапное движение к центру. И здесь есть

интересный момент, касающийся проблемы трех и четырех. Клеопатра действительно начинает с желанием пройти четыре этапа, доходит только до третьего и затем, при переходе к четвертому, вместо того чтобы сказать, что между rubedo и nigredo существует четвертый шаг, она перепрыгивает в центр. Вдруг целью всего процесса оказывается сделать сосуд с грудями.

Сосуд с грудями — это интересный вид алхимического сосуда, который, вероятно, был изобретен в Египте, этот сосуд похож на то, что позже было названо пеликаном. В оригинальной рукописи есть рисунки сосуда, так что мы точно знаем, как выглядит сосуд с грудями. Он работает по принципу кофеварки. Снизу горит огонь; вещество возгоняется, затем конденсируется и выпадает в виде влаги с двух сторон, как молоко из груди женщины, чем и объясняется название. Существует еще один тип этого сосуда, который, вместо того, чтобы выпускать жидкость (как в 1-м типе) и продолжать алхимический процесс, дает ей стекать обратно, что и позволяет сделать пеликан. Это сосуд для циркуляции, в котором вещество постоянно возгоняется и осаждается обратно для дальнейшей очистки или осветления.

Такой сосуд считается изобретением пророчицы Мариам, сестры Моисея, полностью легендарной личности. Кроме того, упоминание о ней как о пророчице можно найти в некоторых гностических писаниях. Мы до сих пор пользуемся *bain Marie* на кухне — это контейнер, стоящий на водяной бане. Итак, вы видите, когда вы нагреваете, к примеру, банку спаржи, вы все еще используете великое изобретение пророчицы Мариам, не зная об этом!

В алхимии этот сосуд рассматривался как представляющий всю вселенную. Считалось (как некоторые астрономы считают до сих пор), что Вселенная — это замкнутая система; сосуд был копией вселенной по форме: снизу земля, а сверху небо, что объясняет отсылки на конденсирующиеся облака и выпадающий дождь. Весь этот процесс в реторте является своего рода космическим процессом — в соответствии с тем, что считалось космосом тогда: под землей есть

Сосуд с грудями Пеликан

огонь, как ад под поверхностью земли, а вверху — воздух и небо. Этот сосуд стал мистическим понятием в алхимии. Целую главу об этом можно прочитать в “Психологии и алхимии” Юнга, там он собрал огромное количество алхимических цитат о природе сосуда, из которых становится ясно, что в алхимии он рассматривался не как банальная реторта, как бы мы думали об этом, но был мистическим понятием. Это мистическое понятие сводится к тому, что для алхимиков сосуд представлял собой нечто вроде возможности унитарной психической концепции реальности, приобретенной или выстроенной либо тем, что они называли “философия”, которая для них была материальной вещью, либо, во многих других текстах, “душой”, как вы найдете в главе Юнга, посвященной сосуду. Это действительно символ человеческой психики в целом, микрокосм, сосуд, в который все макрокосмические процессы ловятся и в то же время захватываются и воспринимаются. В целом в алхимии, поскольку психические процессы полностью проецируются на материальные действия, нет никакой разницы между фактической ретортой, и тем, что мы назвали бы психикой. В следующей части этого текста, старейшего алхимического текста, который у нас есть in extenso, говорится:

Вы тоже, о друзья, если вы хотите приблизиться к этому чудесному искусству алхимии, должны действовать таким же образом. Теперь посмотрим на растения, откуда они

берутся: они спускаются с гор или вырастают из земли. Затем посмотрим, как к ним нужно относиться, а именно, надо собирать их в нужный момент и в соответствующий день, и посмотреть, как воздух служит им и земля окружает их, чтобы они не погибли. Потому что они все из одного вещества.

Здесь Клеопатра сравнивает центральный процесс с ростом растений. Психологически, здесь есть связь. Сначала она кружилась между четырьмя или почти восемью — семью с половиной — этапами, а затем перескочила на центральную проблему сосуда. Теперь она приходит к идее растения, собирающего материю из воздуха, воды и земли — отовсюду. Итак, мы видим, что растение — это сравнение для того же, для того мистического центра, на котором алхимики сосредоточили все свое внимание. Теперь она использует сравнение: так же, как растение использует минералы, воду и воздух — все элементы — и конденсирует их в новое создание, а именно растение, так и наше искусство создает одно вещество, которое состоит из всех окружающих веществ.

Затем Останес и его друзья отвечают Клеопатре. Вы видите, что Комариос и Клеопатра разговаривают с целым собранием алхимиков.

В тебе [имеется в виду Клеопатра] скрыта потрясающая и замечательная тайна. Пожалуйста, объясни, лучше об элементах: как находящееся выше идет вниз, а находящееся ниже поднимается, и как среднее приближается к самому верхнему и самому нижнему, и как они все стали одним в центре, и расскажи нам и то, что все это за элементы, и как благословенные воды спускаются и смотрят на мертвых под землей, которые скованы там и несчастны, и посмотри, как эликсир жизни входит в них и как они просыпаются, так что они сходят со своих лож. И когда воды входят в верхнюю часть их ложа, тогда приходит свет и облако несет их вверх, облака приходят от моря, а вода идет вверх, и философы могут видеть то, что видимо, и наполнены большим счастьем.

Первое замечание интересно, поскольку собрание философов говорит учителю, Клеопатре, что в ней, то есть

женщине-алхимике, скрыта потрясающая тайна. Ясно, что проекция состоит в том, что тайна творения и тайна его восстановления скрыта в женском образе, в данном случае в мудрой Клеопатре. Если вы помните, во многих мифах творения, приведенных мною, в начале была беременная женская фигура, в которой содержался весь мир. Этот мотив появился *in extenso* в мифе ирокезов, где все творение находилось в утробе женщины, которая упала с неба. Здесь, в алхимии, вновь та же идея: что в мистической женской фигуре вначале содержится вся тайна искусства творения, но у нее есть более духовный нюанс в том, что это *знание* тайны. О Небесном Иерусалиме также было сказано, что он приготовлен, "как невеста, украшенная для мужа своего": и здесь тоже секрет нового творения сравнивается с женским образом, продвигающимся к акту *coniunctio*. В Апокалипсисе, эта "невеста, украшенная для мужа своего" отождествляется со знаменитой женщиной, имеющей на голове венец из двенадцати звезд, и рождающей нового Спасителя.

Затем текст переходит к тому, что все элементы, самый высший, самый низший, и так далее, соединены в середине: все элементы собраны вместе в центре, и в этом тайна. Затем текст переходит снова к новой идее, что одновременно с этой конденсацией всех рассеянных элементов, с этим потрясающим актом конденсации, вода жизни проникает в подземный мир, где лежат мертвые, и воскрешает их. Так конденсации совпадает с воскресением мертвых, и здесь мы подходим к мотиву тела славы.

И Клеопатра сказала им: воды входят и пробуждают тела и ослабевший в них дух, поскольку они должны долгое время страдать в подземном мире, а затем они прорастают из подземного мира и всходят, и одеваются в красивые цвета, как цветы весной, и весна сама радуется красоте, которую дает им. Для вас, кто понимает меня, я скажу: когда вы поднимете растения, и элементы, и камни со своих прежних мест, они выглядят красиво, но сами не таковы, но после того, как станут испытаны огнем, они приобретают красивый цвет и еще более прекрасную славу,

а именно скрытую славу, которая жаждала красоты, и которая приходит, когда материя превращается с помощью огня в божественную субстанцию.

Идея состоит в том, что вы берете исходные тела, будь то камни или растения, материю в первозданном виде, которая может выглядеть красиво, но сама не такова, и сжечь ее дотла. Это и означает испытание огнем. Затем вы создаете что-то, что содержит скрытую духовную славу и что данный текст даже называет божественным. Итак, то, что вы создаете, конденсируя различные материалы, есть божественное тело. Оно превратилось в тело божественной природы.

Наше святое искусство подобно ребенку, который, будучи эмбрионом, питается в утробе матери и медленно растет. Сначала морские волны причиняют трупу боль и волны подземного мира уничтожают его в его гробе, но если открыть могилу того, что ранее было трупом, но живо, теперь выходит, как ребенок из чрева матери. И когда философы увидели красоту, они стали очень счастливы и, как любящая мать кормит своего новорожденного ребенка, так они стараются, кормить тот труп, который теперь стал ребенком, не молоком, но водой, поскольку все искусство [имеется в виду алхимии] — это образ ребенка, потому что она приобретает форму ребенка и во всех этих точках она полна, и это скрытая и запечатанная тайна.

Здесь есть интересный мотив, а именно: разрушение трупа в могиле. Из-за этого, каким-то тайным образом, происходит воскресение ребенка из могилы, и этот ребенок есть искусство алхимии и он есть тайна, которая выведена усилиями философов. Этот старый текст, “Комариос и Клеопатра”, содержит все самые основные идеи, которые можно найти в более поздних алхимических текстах. Вновь и вновь философский камень представляют в образе божественного ребенка, рожденного с помощью искусства алхимии, используя сравнение со смертью и воскресением. Нигредо, состояние черноты, всегда сравнивается с состоянием смерти, когда тело разрушается в могиле; альбедо — это смывание смерти и зловония могилы, а затем рождается ребенок,

который есть либо юный Меркурий, либо божественное дитя, либо философский камень, и в то же время просто есть возобновление алхимической философии.

Здесь я опускаю часть текста и продолжаю с главы 13:

Смотрите: парадоксальная тайна, о братья, совершенно неизвестная истина, которую я тебе говорю. Смотрите, что вы питаете вашу собственную землю, и что вы питаете ваши собственные ростки, так что вы будете пожинать прекрасные плоды. Слушайте и думайте о том, что я говорю: возьмите из четырех элементов самый высший мужской и самый низший, белый и красноватый, в равной пропорции, мужское и женское, так чтобы они могли быть соединены, и так же, как птица высиживает яйца с теплом и выводит птенцов с теплом, вам тоже нужно расплавить эти два и положить их на солнце и греть их на слабом огне с молоком девы и дымом. И когда они стали одним [то есть, когда душа и дух стали одним], и являются одним, потом спроецируй их в тело серебра и тогда у тебя будет золото, которого нет ни в одной сокровищнице царей.

Вы должны помнить, что алхимическое мышление никогда не идет по прямой, она циклическая и всегда вращается вокруг одного центрального мотива. Здесь тот же центральный мотив, который был сначала сравнен с созданием сосуда и с растениями, или имитацией роста растений, теперь сравнивается с coniunctio мужского и женского, и с образом птицы, высиживающей яйцо, так, что душа и дух становятся одним целым, внутренним объединением души и духа, который потом приобретает тело серебра и таким образом становится золотом, которого не найдешь в сокровищницах царей. Поэтому объединение души, духа и тела называется телом из серебра, женским телом, и эти три вместе составляют четвертое, а именно золото. Очевидно, как добавлено, это золото не следует искать в сокровищницах царей, что значит, что это не обычное золото, не металл, который мы видим и который был хорошо известен в то время, но мистическое золото. Алхимики пытались сделать вещество, которое они называли золотом, но которое не имело ничего общего с металлом. Они подразумевали под

этим нечто божественное, неразрушимое, которое не может быть вновь сожжено огнем, бессмертное тело, так сказать. Это золото, которое в более поздних текстах обычно называют философским золотом, есть бессмертное тело, которое рождается через единство противоположностей и которое уже не подвержено распаду этого мира.

Это тайна философов, и они поклялись клятвой никогда не раскрывать ее и не осквернять ее, потому что она божественна. Это божественное, поскольку она соединена с Божеством и приводит каждое вещество к божественному завершению, и это тайна, в которой воплощается дух, мертвые получают душу и получают дух, а затем преодолевают друг друга. Есть также темный дух, полный вздора и уныния, который управляет телами вначале, так что они не могут стать белыми и получить цвет создателя. Они ослаблены этой темной пневмой. Но когда исчезло зловоние этого темного духа, тогда труп наполняется светом, и душа, и дух, и тело радуются. И тогда душа взывает к просветленному телу: “Проснись в подземном мире, восстань из гроба, встань из темноты, облачи себя в одухотворение и обожение, ибо голос воскресения достиг тебя и эликсир жизни вошел в тебя”. Дух опять рад быть в теле и душа рада быть там, где она живет, и она обнимает своего мужа в радости, потому что тьма исчезла, и все наполнено светом и больше не может быть отделено от света, и душа радуется в своем доме [имеется в виду тело], потому что сначала там было темно, но теперь она нашла его наполненным светом, и она становится единой с ним, потому что он [дом или тело] сейчас стал божественным, и она живет в нем. Она оделась божественным светом, и они стали одним целым. Тьма исчезла, и они все стали одним в любви, теле, душе и духе. Они все едины и здесь скрыта тайна, и в том, что они собрались вместе и соединились друг с другом тайна завершена, теперь дом запечатан и воздвигнута статуя, полная света и божественности. Огонь сделал их одним и изменил, и она вышла из материнской утробы.

Я дала этот текст in extenso, потому что здесь можно очень ясно видеть, как все описание алхимического процес-

са переключается на язык религиозных гимнов, восхваляя опыт воскресения после смерти и вхождение в бессмертие. Это лучше, чем многие из более поздних текстов, изображает конечную цель всего стремления алхимиков, а именно создать тела славы своим искусством, в этой жизни, а не ждать, что это произойдет в конце дней. Ясно, что алхимики представляют интровертное скрытое течение официального христианского учения, так как на официальную доктрину больше влияли, особенно в раннее время, экстраверты, и она осталась спроецированной в форме, в том смысле, что мы ничего не можем сделать сами по себе, но должны разлагаться в наших могилах, а затем будем воскрешены Богом в конце дней. Интровертная тенденция пыталась поддержать дело Божие, так сказать, медитативной деятельностью, и выстраиванием и созданием или осознанием того факта, которого экстраверты ожидали как внешнего и должного произойти в какой-то момент времени, как внутреннего мистического события. В некотором роде, поэтому, кроме этого типологического контраста, алхимия никогда не было антихристианской, это лишь скрытое течение, которое дало всем христианским представлениям более внутрипсихический и мистический аспект, который ставит его ближе к учениям Дальнего Востока. Такие пренебрегаемые факторы, как тело славы, следовательно, здесь стали их главной задачей.

Теперь я хочу привести еще несколько алхимических текстов. Следующий текст, вероятно, принадлежит XII или XIII веку, потому отражает скачок "всего лишь" в 11 сотен лет от только что приведенного текста. Вы будете удивлены, увидев, как консервативны алхимики и насколько до сих пор аналогичны идеи.

Это текст, озаглавленный Aurora Consurgens, который приписывается святому Фоме Аквинскому. До сих пор над этим приписыванием только смеялись и не воспринимали его всерьез, но я сделала попытку обсудить приписывание. Впрочем, здесь это не имеет значения, мы будем просто смотреть на него как на средневековый алхимический текст.

В первых главах автор описывает в экстатической форме, как к нему с небес спускается женщина, которую он

называет София, Премудрость Божия, и которая, согласно его идее, есть также мистическое знание алхимии. В предыдущей, одиннадцатой главе, он описывает философский камень как идентичный с небесным Иерусалимом. Здесь та же идея, что и в Откровении, о том, что Небесный Иерусалим, своего рода женский божественный образ, олицетворяется как Sapienta Dei, совпадает с алхимией и ее творением: это Небесный Иерусалим и философский камень. Затем автор продолжает описывать философский камень как идентичный с Небесным Иерусалимом в притче под названием "Притча о Неба и Земле и о расположении элементов", которая представляет собой сборник цитат из Книги Бытия и других книг Библии, все упоминающие о творении. Момент, к которому я до сих пор подвожу — показать, что алхимический опус является повторением наших мифов творения.

Тот, кто от земли, тот от земли говорит, тот, кто приходит с небес, есть выше всех. Теперь здесь представлена и земля как принцип элемента, но небеса выступают за три высших (принципа), для чего немного надо сказать о земле и о небе, ибо земля есть принцип и мать других элементов, как свидетельствует Пророк: В начале, О Господи, Ты обрел землю, и небеса суть дело рук Твоих, они же есть вода, воздух и огонь. Ибо от земли элементы отделяются смертью, и в нее они возвращаются с убыстрением, ибо из чего вещь состоит, на то же она и разделится, как и Святое Слово свидетельствует: человек прах есть и в прах возвратится. Такой прах положили философы смешать с постоянной водой, которая есть фермент золота, и их золото есть тело, то есть земля, которую Аристотель назвал коагулентом, ибо она коагулирует воду. Это почва Земли обетованной, где Гермес приказал своему сыну посеять золото, чтобы живые дожди могут подняться от него, и вода, которая согревает его, как говорит Старший*: И когда они желают

*Старший, или Эль-Шейх по-арабски, это знаменитый арабский автор, чье настоящее имя было Мухаммад ибн Умайл, в латинских текстах его имя всегда переводилось как Старший, поскольку его арабского имени не знали.

извлечь эту божественную воду, которая есть огонь, они согревают ее своим огнем, это есть вода, которую они измерили до конца и скрыли из-за неразумия глупых. И все философы поклялись в том, что они нигде не укажут это ясно на письме, но они оставили это славному Богу, чтобы открывать это, кому он захочет, и скрывать, от кого он пожелает, ибо в нем великая хитрость и тайна мудрости. А когда теплота этого огня достигает самой земли, земля растворяется и становится кипящей, то есть испаряющейся водой, а потом возвращается в свою прежнюю земную форму. Потому водой земля движется, и небеса выливаются на нее, и течет как будто с медом по всему миру, и говорит о своей славе. Ибо слава эта ведома только тому, кто имеет понимание, как из земли были сотворены небеса, и потому земля останется навсегда, и небеса основаны над нею, как и пророк свидетельствует: Ибо Ты основал землю на ее основаниях, и не поколеблется она во веки веков. Глубина есть ее одеяние, над ней будут стоять вода, воздух, огонь, и птицы небесные будут жить в ней, поливая ее из верхних элементов, и она будет заполнена плодами их трудов, ибо в центре Земли суть корни семи планет, и они оставили там свою силу, вот почему в земле есть вода, порождающая все виды цветов и фруктов и производящая хлеб и вино, веселящее сердце человека, а также приносит зелень для скота и травы для службы человеку. Эта земля, я говорю, сделала луну с ее сезонами, затем солнце взошло, очень рано утром первого дня недели, после темноты, которую Ты назначил до восхода солнца, и это есть (ночь). Ибо ночью ходят все звери лесные, ибо Ты повелел им, что они не должны приходить до белизны, но в их порядке (дней) будет продолжаться до покраснения, ибо все служит земле, и дней ее лет семьдесят лет, проходящих над ней, ибо она поддерживает все словом своего божества, как и в Turba Philosophorum [известном алхимическом классическом труде] написано: земли, поскольку она тяжела, поддерживает все, ибо это основа всего неба, потому что она оказалась сухой при разделении элементов. Поэтому в Красном море был безводный путь, так как большое и широкое

море ударило в скалу и (металлические) воды потекли. Затем реки исчезли в сухой земле, которые делают город Бога радостным, когда смертное облечется в бессмертие, и тление жизни должно облечься в нетление, тогда нужно будет, чтобы произошло слово, которое написано: поглощена смерть победою. О смерть, где твоя победа? Где твой грех изобиловал, там (сейчас) благодати более чем довольно. Ибо как в Адаме все умирают, так во Христе все (люди) оживут. Ибо в человеке действительно приходит смерть, а в самом (Иисусе) воскресение мертвых. Ибо первый Адам и его сыновья взяли свое начало от тленных элементов, и поэтому было необходимо, чтобы созданное истлело, но второй Адам, которого называют философским человек, от чистых элементов вошел в вечность. Потому то, что состоит из простой и чистой сущности, останется навсегда. Как Старший говорит: Существует Одна вещь, которая никогда не умирает, ибо она продолжается в вечном росте, когда тело будет прославлено в конечном воскресении мертвых, о чем и Вера в воскресение во плоти и вечную жизнь после смерти свидетельствует. Тогда говорит второй Адам первому и сынам его: приидите, благословенные Отца Моего, владейте царством вечным, уготованным вам от начала Делания, и ешьте хлеб мой и пейте вино, мною растворенное для вас [вместо “от начала творения” он вставляет “с начала опуса”, этим буквально говоря, что алхимический опус и творение идентичны], ибо все приготовлено для вас. Кто имеет уши слышать, да слышит, что дух учения говорит сыновьям дисциплины о земном и небесном Адама, как философы трактуют эти слова: Когда у тебя будет вода из земли, воздух из воды, огонь из воздуха, земля из огня, тогда ты полностью и совершенно будешь владеть [нашим] искусством [и т. д.]).

Здесь вы снова видите ту же идею: что вы создаете в опусе, повторяющем весь процесс создания, одну вещь из четырех элементов, и что это в то же время есть привнесение или построение второго, внутреннего Адама, противоположного, или заменяющего старого, тленного Адама. И здесь есть эта прекрасная речь второго Адама,

в котором все люди воскреснут, обращенная к сыновьям первого, тленного Адама, который разрушился. В этой речи есть также идея создания бессмертного тела путем производства через внутренний процесс последнего воскресения мертвых в философском камне. Для этого автор философского камня должен быть идентичен внутреннему психическому опыту того, что он называет Христом, и что мы назвали бы психологически ощущением Самости, которое средневековый мистик, естественно, назвал бы Христом. Но он ощущает внутреннего Христа, который в то же время есть его собственное бессмертие, ибо воскресение происходит в Христе, а для алхимика, посредством него, в философском камне.

Существует только еще одна глава в “Авроре”, и это “Седьмая Притча о Беседе Любящего с Возлюбленным”, которая является пересказом Песни Песней Соломона, и является любовной песней о coniunctio. Итак, вы видите, что в течение, или после, этого воскресения, точно по той же схеме, что и старый текст Комариоса, после создания бессмертного тела, происходит объединение всех веществ в coniunctio. Но то, что в Апокалипсисе (где небесный Иерусалим является также невестой, украшенной для мужа своего) есть лишь намек одним словом, здесь алхимиками расширен в целый процесс.

Благодаря тому, что идеи и работы некоторых средневековых алхимических авторов проникнуты христианским мистическим опытом, алхимическое делание стало более четким и более явным внутренним религиозным опытом, и вот вы уже видите начало нехимических идея алхимии. Лично я убеждена, что кто бы ни был автором этого текста, он, конечно, уже не был химиком, работающим с ретортой, но использовал химическое язык для описания личного внутреннего мистического опыта. Благодаря увеличению развития химического аспекта алхимии и благодаря открытию того, что атомный вес играет важную роль в смеси элементов и других подобных факторах, из алхимии постепенно развилась химия, и ее духовная доктрина стали соответственно тоньше и более рациональной. У Юнга

в “Психологии и алхимии” есть текст XVIII века, который выдает эту интеллектуализацию и истончение исходного опыта. Как говорит Юнг, текст отнюдь не старый и несет в себе все следы период упадка. В нем говорится:

Возьмите обычную дождевую воду, немалое количество, по меньшей мере десять кварт, храните ее хорошо закрытой в стеклянных сосудах по меньшей мере десять дней, и тогда она выделит на дно материю и кал. Вылейте прозрачную жидкость и поместите в деревянный сосуд, сделанный круглым, как шар, разрежьте его посередине и заполните сосуд на треть, и поставьте его на солнце около полудня в тайное или уединенное место. Когда это будет сделано, возьмите каплю освященного красного вина и дайте ему упасть в воду, и вы мгновенно увидите туман и мрак в верхней части воды, так же, как было в начале творения. [Вы видите, сейчас это только сравнение, а не идентичность] Затем поместите туда две капли, и вы увидите свет, идущий от тьмы; после чего понемногу поместите в каждую половину каждой четверти часа сначала три, потом четыре, потом пять, потом шесть капель, и больше не нужно, и вы увидите своими глазами, как одно за другим появляются вновь и вновь на поверхности воды, как Бог сотворил все за шесть дней, и как это все появилось, и такие тайны, какие не следует говорить вслух, и у меня также нет власти раскрывать их. Пусть ваши глаза судят об этом, ибо таким образом был сотворен мир. Пусть все стоит как оно есть, и через полчаса после начала это исчезнет.

Таким образом вы ясно увидите тайны Бога, что в настоящее время скрыты от вас как от ребенка. Вы поймете, что Моисей написал о творении, вы увидите, какие тела были у Адама и Евы до и после грехопадения, каким был змей, каким дерево, и какие фрукты они ели, где рай и что он есть, и в каких телах воскреснут праведные: не в этом теле, которое мы получили от Адама, но в том, что мы достигаем через Святого Духа, именно в таком теле, какое наш Спаситель принес с небес.

По сравнению с экстатическим мистическим опытом, описанным в Aurora Consurgens, этот человек просто сме-

шал определенные химические вещества, и сравнил их как аллегорию или подобие с творением. Потому что это уже не тайна, он создает большой шум вокруг того, что это тайна, только потому, что это больше не тайна. Для него, очевидно, это всего лишь игра с веществами, фантазирование и уподобление процессов в реторте акту творения. Итак то, что было исходной архаичной идентичностью, реальным опытом ранних подлинных алхимиков, стало сухой интеллектуальной аллегорией в период распада искусства.

Явно, что потерянным и исчезнувшим в этом тексте XVIII века является то, что мы называем эмоциональным, психологическим, мистическим опытом. Юнг говорит в комментарии в Mysterium Coniunctionis о другом позднем алхимическом тексте Герардуса Дорнеуса что то, что алхимик делал в этот поздний период, на самом деле было активным воображением с химическими веществами. Уже в этом тексте XVIII века химический эксперимент используется только в качестве основы для него. Естественно, можно использовать танцы, или живопись, или поэзию, все, что угодно, чтобы создать активное воображение, как мы понимаем его, а эти люди делали это с химическими веществами.

Таким образом, можно сказать, что с XVIII века, основное архетипическое содержание, или алхимическая философия, ушла в подполье, большое достижение Юнга состоит в том, что он обнаружил его снова и сделал его понятным для нас, как бессознательное психическое явление. Раньше было только или-или: или это материально и химически есть истина, что, очевидно, не так, или это интеллектуальная аллегория для содержимого веры. Теперь мы можем видеть, что это не есть ни химическая истина, ни интеллектуальное сравнение для некоего содержания нашей веры, но что это отсылка к исходному подлинному опыту архетипической психической бессознательной констелляции и что как таковая она есть своя собственная реальность. Алхимия в этом смысле действительно является религиозным подводным течением христианства и сближается с точкой зрения Востока, где давно знали, что воскресение — это внутренний

фактор, внутренний опыт, и что создание алмазного, или бессмертного тела, управляется, делается или производятся путем преобразования собственной психики. Параллелью с восточной медитацией является открытие Юнга о технике активного воображения, с помощью которой, если использовать ее правильно, можно производить алхимический опус в другом измерении.

Я говорю об этом поскольку, как вы видите в текстах, есть такая удивительная параллель между алхимическим деланием, созданием философского камня и алмазного тела и мифами творения, которые мы видели раньше. Естественно, некоторые алхимики знали это, и даже указывали на сходство двух процессов, показывая, что они понимали алхимическое делание как своего рода внутреннее, психическое повторение космогонии, которая вовне. То, что во всех ранних цивилизациях было учением о сотворении космоса извне, теперь с помощью алхимической философии медленно повернулось и возвратилось в личность, откуда оно неосознанно возникло. Оно наконец даже было понято как процесс роста сознания отдельного человека и, после этого, мы можем назвать всех эти мифы творения проекциями на внешний мир этих первоначально внутренних психических процессов.

Стоит указать еще на один важный факт. В повторяющемся творении внутри личности, которое сознательно определяется как попытка приблизиться к более общему сознанию, процесс творения, как он например, описан в Книге Бытия, является обратным. Здесь, к сожалению, вам придется поверить мне, потому что я сейчас не могу привести все соответствующие документальные доказательства. В алхимическом процессе, на первом месте в стадии нигредо обычно появляются дикие животные: львы, драконы, медведи, волки, и так далее — животное царство. После этого обычно идут сравнения с растительной жизнью, создание философского камня сравнивается с посадкой дерева с золотыми плодами и его поливом: это полностью процесс роста дерева, и в реторте, и внутри человека. Конечной целью является символ металлический или каменный, кристалл

или минерал, то, что мы сейчас назвали бы символом из неорганической материи.

Вы видите, как здесь странно перевернуто наше представление о развитии. Мы считаем, что из неорганической материи сначала появилась растительная жизнь, затем животная, а затем человек; но в алхимическом процессе наша идеи биологической эволюции полностью переворачивается. Сначала нам встречаются животные, затем растения, и, наконец, неорганическое золото. Поэтому можно понять

алхимическое делание как обращение на психическом уровне внешней биологической эволюции. Это как если бы то, что происходит как процесс расширения на физическом уровне, на психическом уровне перевернулось и усваивалось в обратном порядке.

Мы можем только сказать, что анализ обычно идет более или менее по той же схеме, что и алхимическое делание. Если мы анализируем человеческую личность, мы поначалу встречаем дикие аппетиты, автономные комплексы, сексуальные и властные побуждения, которые, как правило, символизируются львами, спариванием собак и подобными образами. В человеке нам встречается настоящий рев дикой природы. После этого появляются символы растительной жизни, которые уже показывают определенную унификацию и рост личности, которая больше не побуждается своими аппетитами и желаниями, отражая определенную устойчивость отношений между бессознательным и сознанием. Позже появляются мандала и символизм философского камня: они показывают затвердевание внутреннего опыта и стабилизацию связи между эго и Самостью, и следовательно, всей личности.

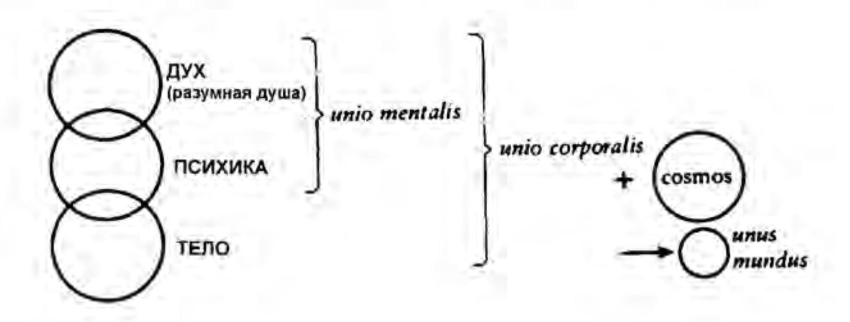
Таким образом, в некотором смысле, алхимический процесс (в проекции) и процесс индивидуации, как его понимает Юнг, оба являются обратными процессу творения и содержат все символику мифов творения в обратном порядке. Например, часто в самом начале творения мы видели совокупление женского и мужского божеств и беременность, а мотив coniunctio в алхимическом делании приходит в самом конце процесса, когда установлено од-

нородное состояние. Если бы у нас было время, мы могли бы сейчас вернуться назад и посмотреть на все символы предсознательной целокупности, и мы бы открыли, что все они содержатся также в образах цели.

В одном из алхимических текстов это особенно ясно: в философии Герардуса Дорнеуса. Он был учеником Парацельса. Дорнеус описывает алхимическое делание согласно старой средневековой традиции, которые до сих пор сохранились в его время: человеческое существо состоит из тела, души и духа (или разумной души). В акте медитации необходимо сначала отделить душу и дух от тела. Это то, что каждый монах делает в монастыре: это означает отделение от своих физических побуждений и аппетитов, от сексуального доминирования и от всех теневых элементов, которые связаны с телом. После этого, вы разделяете душу и дух и разъясняете, что есть дух, что есть душа, и что тело. Сделав это, а это только аналитическая часть алхимической работы, он описывает, как воссоединить дух и душу. Это он описывает по большей части с точки зрения coniunctio, но потом он идет на шаг дальше — шаг единственный в своем роде, которого нельзя найти ни в одном мистическом тексте средневековья: он чувствует жалость к своему телу, которым пренебрег, и говорит, что он не может просто выбросить его на помойку, но что оно тоже должно быть искуплено во внутреннее единство, в уже существующее *unio mentalis.*

Благодаря процессу медитации тело должно воссоединиться с остальными частями, и это он описывает как *unio corporate.* Это создание бессмертного тела в смертном, создание *corpus glorificationis*, с помощью которого вы как бы выкупаете основной элемент вашей физической структуры. Затем следует интересный шаг. Вы думаете: ну все, теперь все готово! Сначала вам нужно отделить все друг от друга, затем вам нужно отбросить плохое, словно вы разбираете на части автомобиль и затем собираете его снова после того, как почистите каждую его часть, так что теперь вы можете расслабиться и чувствовать себя счастливым: теперь весь человек стал един в теле славы. Нет! Дорнеус гениален, и он

добавляет еще один шаг, а именно союз с *unus mundus*, единым миром, или единым космосом. Это означает, что унификация индивида в конце процесса происходит не только внутри себя, но еще дух, душа и тело объединяются с космосом.

Unus mundus — это средневековая богословская концепция, которая гласит, что когда Бог создал мир, он, естественно, сначала, как хороший архитектор, сделал план, модель космоса. Он сделал это в Премудрости Божией — она и есть *unus mundus*, творческая анима Бога, в которой он создает модель мира, или иногда она отождествляется с предсуществующим Логосом, то есть Христом до его рождения на Земле. Этот *unus mundus* не космос, как он есть сейчас, но идея в душе или уме Бога, план, который Бог продолжает реализовывать, как архитектор следует своему плану при строительстве дома. Когда индивид достиг этой стадии осознания и един внутри себя, он соединяется не с реально существующим космосом, который, согласно христианскому учению, является тленным и подвластен смерти, но с *unus mundus*, той ментальной моделью мира в сознании Бога, или в Премудрости Божией. Он становится одним, это coniunctio, он соединяется, он объединяется в акте любви с *Sapientia Dei*, которая идентична с *unus mundus* и идентична с опытом синхронистичных событий.

Синхронистичные события намекают нам на то, что архетипические констелляции в коллективном бессознательном человеческого индивида могут также появиться в собы-

тиях внешнего космоса. Естественно, если человек испытывает такие синхронистичные события и мыслит по-средневековому наивно, он может заключить, что наша психика, в некотором смысле, совпадают с космической реальностью. Это способ объяснения действительности с помощью причины, и Юнг избегает его с помощью понятия синхронистичности. В противном случае мы должны были бы верить, что бессознательное всепроникающе, вплоть до границ космоса. Это нельзя доказать, и с научной точки зрения это кажется подозрительным. Поэтому Юнг ввел вместо этого понятие синхронистичности.

Средневековое мышление, в котором не было концепции синхронистичности, представляло себе своего рода магическое единение индивидуальной психики со всем космосом. Для того, чтобы отделить ее от космоса, как мы видим, Дорнеус придумал очень гениальную идею, что объединение происходит не с реальной действительностью, но с *unus mundus*, реальностью в мыслях Бога, или с Sapientia Dei, Премудростью Божией, которая в Библии предстает как персонификация женского.

Премудрость Божия интерпретируется в современной мариологии как предсуществующая модель земной Девы Марии: Христос существовал до его реальной жизни на земле, как Логос, Слово, потому и Мария существовала ранее. Ее существование как *Sapientia Dei* от века поэтому было бы тем, что мы называем психическим аспектом материи. Из этого вы, возможно, поймете, почему Юнг закричал от радости, когда папа Пий XII объявил догмат об Успении Марии! Это была настоящая пощечина для материалистического мира, потому что это означало признание психического аспекта вопроса. В самом деле, если знать об истории религии достаточно, чтобы понять, это было задумано как пощечина материалистической доктрине. Папа Пий сам понимал связь, которую он здесь делал. Для нас это совпадает с тем, что Юнг уже видел задолго до того, а именно, что то, что мы называем психикой и что мы называем материей, есть две стороны одного явления жизни, которые, если наблюдать их экстравертным образом и с экстравертными методами извне,

дают результаты, которые описывают физики, в то время как если мы описываем это интроспективно, изнутри, мы получаем феномен, который я попыталась описать в этой последней главе. Это творение наоборот, на самом деле просто зеркальное отражение всех внешних космологических теорий.

НАШИ ПАРТНЕРЫ:

МОСКОВСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

(www.maap.ru)

ВНИМАНИЕ ПСИХОЛОГОВ И ПСИХОТЕРАПЕВТОВ! ПРОГРАММА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПО ЮНГИАНСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Аналитическая психология — направление, разработанное выдающимся швейцарским психиатром К. Г. Юнгом в первой половине XX века путем дополнения и прогрессивной переориентации психоанализа Фрейда от анализирования причин неврозов к содействию развитию личности в целом. Ученики Юнга соединили его идеи с более поздними достижениями в современном психоанализе и других течениях практической психологии. В настоящее время юнгианская школа, являясь одной из самых крупных и широко известных мировых школ психотерапии, может быть смело названа вершиной в ее эволюции, как самый глубокий и универсальный подход.

Юнгианский анализ изначально предназначался для самопознания и помощи пациентам. Однако, владение юнговской теорией личности, теорией архетипов коллективного бессознательного, типологией, методами работы с образами, символической игрой, толкованием сновидений, диалого-диалектическим подходом в межличностном взаимодействии может найти применение в самых разных сферах помимо аналитической психотерапии.

Эти находки могут быть использованы в краткосрочной терапии, коучинге и консультировании разного профиля – детском, семейном, организационном, профориентационном. Журналисты, социологи, политологи, философы, религиоведы, литературные критики и искусствоведы

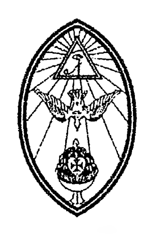
также активно обращаются к идеям Юнга и его последователей.

ОБУЧЕНИЕ аналитической психологии — это возможность не только разобраться в себе и освоить самое лучшее, что есть в психоанализе и практической психологии, но и стать гуманитарием широкого профиля.

Занятия проводят **международно признанные** аналитики, являющиеся членами IAAP (Международной Ассоциации аналитической психологии), практикующими психотерапевтами и преподавателями факультета психологии МГУ и других московских психологических и психоаналитических институтов.

Занятия проводятся в течение двух лет в удобной сессионной форме семинаров и тренингов 2–3 дня в месяц по выходным. По окончанию программы студентам выдаются сертификаты о повышении квалификации **государственного образца**, и они получают возможность дальнейшего профессионального развития в юнгианской школе.

МААП участвует в организации российских и международных конференций, реализует различные гуманитарные и издательские проекты, сотрудничает с другими мировыми юнгианскими институтами. Преподаватели МААП имеют большой опыт выездных семинаров и учебных программ в других городах России и ближнего зарубежья.

Ordo Templi Orientis

Цель Ордена – обеспечить свободу человека, а также его продвижение к Свету, Мудрости, Пониманию, Знанию и Силе. Путь к ним лежит через Красоту, Смелость и Разум – на основе Вселенского Братства. О.Т.О. разделяет идеалы франкмасонства; и он первым из Орденов Старого Эона принял Книгу Закона, переданную великим магом и пророком Алистером Кроули.

Каждый мужчина или женщина, достигшие совершеннолетия, свободные и с хорошей репутацией, имеют неоспоримое право присоединиться к О.Т.О. и подняться по первым степеням Ордена.

О.Т.О. также включает Гностическую Единую церковь (Ecclesia Gnostica Catholica), главным публичным и частным ритуалом которой является Гностическая месса («Liber XV»).

О.Т.О. имеет действующие отделения во всем мире и выпускает периодические издания на многих языках. Помимо официальных инструкций О.Т.О. и отправления Гностической мессы, большинство национальных и региональных отделений Ордена – Ложи, Оазисы и Лагеря – предлагают своим членам занятия, обучающие программы и ритуальную работу.

Ordo Templi Orientis, International Headquarters
jaf Box 7666, New York, ny 10116-4632, USA

О.Т.О. в Москве: www.oto.ru. E-mail: camp@oto.ru
О.Т.О. в Киеве: www.oto-parsifal.narod.ru. E-mail: fiat_lux@list.ru

Inverted Tree

Эзотерическое сообщество **«Inverted Tree»** объединяет людей чей Путь – это путешествие по тёмным областям человеческой психики. Мы проводим практики, основанные на шаманских экстатических техниках и телесно ориентированной терапии.

В рамках просветительской деятельности сообщество **«Inverted Tree»** регулярно публикует переводы новых эксклюзивных материалов оккультной тематики.

Если вы пишите статьи, или занимаетесь переводами, – будем рады сотрудничеству.

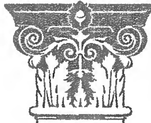
Пишите по адресу:
invertedtree@yandex.ru
Адрес сайта:
http://invertedtree.ucoz.ru

Через корни подсознания к целостному человеку...

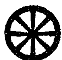

Старейший из ныне издаваемых
журналов оккультной направленности
(выходит с 2006 года)

Помочь журналу материально Вы можете, переведя деньги на наш счёт в системе Яндекс.Деньги: 41001416643125, в системе WebMoney: Z318373604178, E263825672387, R412990927571, U141526320068, B411510488425, G198524212114, или почтовым переводом по адресу: 236000, г. Калининград, ул. Нарвская, д. 17, кв. 11, Адрианову Роману Олеговичу.

Колледж Телема 93

приглашает на лекции

- Магическая философия Телемы
- Ритуалы Телемы
- Церемониальная магия и Каббала
- Талисманная магия и гримуары
- Енохианская магия
- Масонство: история и символизм
- Йога, теория и практика медитации
- Таро Тота: осмысление и медитация

Колледж "Телема-93" ставит своей целью помогать всем желающим в изучении магии и мистики Алистера Кроули, а также в постижении иных серьезных эзотерических традиций Востока и Запада.

Наши странички в интернете:

Портал: http://www.thelema.ru/

Сообщество в ЖЖ:
http://community.livejournal.com/ru_thelema93/

Вы можете записаться в Колледж по адресу info-thelema@mail.ru

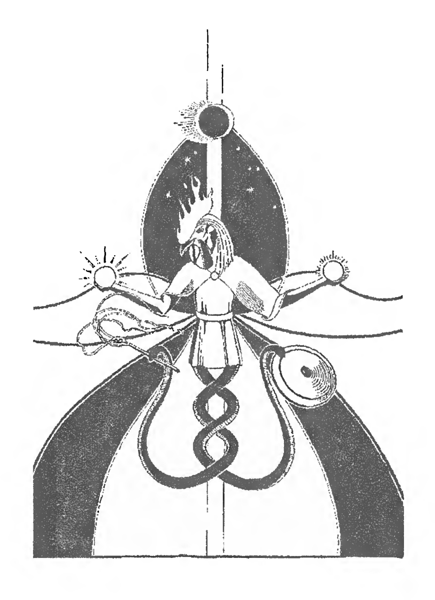

Дорогие Друзья!

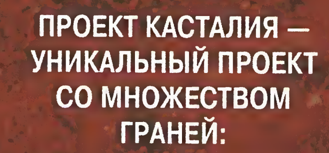
Представляем журнал ИО ПАН — Первый журнал в России, посвященный Магии как высокому Искусству и строгой Науке — Art&Science. Магию мы понимаем как сплав духовных традиций, которые помогают каждому из нас в нашей Великой Работе, на избранном нами Пути.

Редакция журнала открыта для сотрудничества, ибо стремится создать интегральный контент, переплавляющий в тайном тигле истинные традиции и смыслы. Телема, Таро, Астрология, Масонство, Церемо-ниальная магия, Современное искусство и философия, Тантра, Каббала — Искусство сплавляет все смыслы для достижения Элексира, а Наука помогает использовать добытый Философский камень. Это общее дело.

Поэтому ждем ваших текстов. Главный критерий — качество присылаемых работ. Журнал — некоммерческий. Вклад каждого в Великую Работу бесценен. Слава — в высшем своем аспекте — гарантирована. По вопросам сотрудничества обращайтесь по адресу camp@oto.ru

АБРАКСАС — это бесплатный онлайн журнал всецело посвященный юнгианству, Чтобы подписаться на журнал надо написать со своего мейла на адрес elliloiza@mail.ru только одну фразу „Я хочу получать журнал“.

ПРОЕКТ КАСТАЛИЯ — УНИКАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ СО МНОЖЕСТВОМ ГРАНЕЙ:

- Ежемесячно обновляемый эксклюзивными переводами сайт WWW.CASTALIA.RU

- Еженедельно собирающийся КЛУБ КАСТАЛИЯ, где читаются лекции о самых разных эзотерических и психологических традициях

- ШКОЛА КАСТАЛИЯ, регулярно проводящая открытые обучающие лекции и семинары

МЫ БУДЕМ РАДЫ ОБЩЕНИЮ СО ВСЕМИ ЗАИНТЕРЕСОВАВШИМИСЯ ЛЮДЬМИ!